

ЖИВАЯ КНИГА

Диагноз

*Что произошло с Западом — и почему всё
кажется сломанным.*

HARMONIA

Издание от 19 мая 2026 г.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ЧАСТЬ I — РАЗЛОМ

- Глава 1 Западный разлом
- Глава 2 Духовный кризис — и что ждет по ту сторону
- Глава 3 Эпистемологический кризис

ЧАСТЬ II — ЗАХВАТ

- Глава 4 Глобалистская элита
- Глава 5 Криминальные сети
- Глава 6 Финансовая архитектура
- Глава 7 «Большая фарма»: структурная модель зависимости
- Глава 8 Вакцинация
- Глава 9 Обрезание: операция без согласия

ЧАСТЬ III — ЗАХВАТ РАЗУМА И КУЛЬТУРЫ

- Глава 10 Идеологическая захват кино
- Глава 11 Экономика внимания
- Глава 12 Психология идеологического захвата

ЧАСТЬ IV — ПОСЛЕДСТВИЯ

- Глава 13 Моральная инверсия
- Глава 14 Переосмысление человеческой личности
- Глава 15 Порабощение разума
- Глава 16 ADHD and the Attention Catastrophe
- Глава 17 The Adolescent Collapse

ЧАСТЬ V — ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КОЛЛАПС

- Глава 18 Cluster B Personality Disorders and Civilizational Symptom
Psychiatry and the Soul — The Captured Domain

Глава
19

Глава **Schizophrenia and the Energy Body**
20

ЧАСТЬ VI – ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ СИМПТОМЫ

Глава **Опустошение Запада**
21

Глава **Tombstone – Superseded**
22

Глава **The Hollowing of the Muslim Soul**
23

Глава **Распад Китая**
24

ЧАСТЬ I

Разлом

*How the West lost its philosophical, spiritual, and
epistemic ground.*

Западный разлом

Тезис

Современный Запад страдает не от множества кризисов. Он страдает от одного кризиса, проявляющегося на всех уровнях.

Эпистемологический кризис (никто не знает, как познавать), антропологический кризис (никто не знает, что такое человек), моральный кризис (никто не может обосновать «должность»), политический кризис (либерализм и демократия теряют связность), экономический кризис (финансовая архитектура извлекает выгоду из многих в пользу немногих), экологический кризис (живой мир поглощается) и гендерный кризис (полярность мужского и женского растворяется) — это не отдельные проблемы, требующие отдельных решений. Это семь проявлений единого разлома в основах западной цивилизации: постепенного разрушения «[Logos](#)» — внутреннего порядка реальности — как организующего принципа мысли, культуры и жизни.

Эта статья прослеживает этот разлом от его истоков до каждого последующего проявления. Она служит руководством по чтению всей серии статей, в которых «[Гармонизм](#)» рассматривает западную интеллектуальную традицию — каждая статья глубоко раскрывает один из аспектов кризиса; данная статья показывает, что все эти аспекты составляют единое целое.

Разлом

Истоки: номинализм

У каждого цивилизационного коллапса есть своя дата — не та, когда рухнули структуры, а та, когда был удален краеугольный камень.

Для Запада эта дата — XIV век, а ключевой камень — универсалии. Средневековый синтез — необычайная интеграция греческой философии, римского права и христианского откровения, которая определяла структуру европейской цивилизации на протяжении почти тысячелетия, — опирался на метафизическое убеждение: универсалии реальны. «Справедливость», «красота», «человеческая природа», «добро» — это не названия, которые мы навязываем совокупностям частных. Это подлинные черты реальности, открываемые разумом, основанные на природе вещей и укорененные в уме Бога.

Уильям Оккам и номиналистическая традиция устранили эту опору. Универсалии, утверждали они, не являются реальными — это имена (*nomina*), ментальные конвенции, полезные ярлыки для группировки частных, похожих друг на друга. Существуют только от-

дельные вещи. «Человеческая природа» не обозначает реального универсалия, общего для всех людей — она обозначает лингвистическую привычку группировать схожие организмы под одним термином.

Этот шаг казался скромным. Его последствия были тотальными. Если универсалии нереальны, то не существует «человеческой природы», на которой основывается этика. Не существует «справедливости», по которой можно было бы оценивать политические устройства. Нет «красоты», к которой стремится искусство. Нет «порядка», присущего космосу, который наука могла бы открыть — есть только закономерности, навязанные человеческим разумом. Вся архитектура смысла, построенная средневековым синтезом — и которую каждая традиционная цивилизация на земле построила независимо, в своей собственной терминологии — стала философски необязательной. Далее следует постепенная реализация этого единственного удаления на протяжении шести веков.

Каскад

Каждый последующий этап западной философии устранял то, что предыдущий этап оставил нетронутым — не в результате заговора или замысла, а в силу внутренней логики традиции, функционирующей без своего краеугольного камня.

Декарт (XVII век) отделил разум от тела. Если универсалии нереальны, то связь разума с миром неопределенна — откуда нам знать, что наши идеи соответствуют чему-либо вне их? Ответ Декарта — радикальное сомнение, разрешенное уверенностью мыслящего субъекта (*cogito ergo sum*) — спас знание ценой отделения познающего от познаваемого. Тело стало *res extensa* (протяженная субстанция, механизм, движущаяся материя); разум стал *res cogitans* (мыслящая субстанция, чистая внутренность). Человек был раздвоен на призрак, обитающий в машине. Тело утратило своё значение как место смысла; душа лишилась своего дома.

Ньютон и механисты (XVII–XVIII вв.) распространили картезианское разделение на космос. Природа стала машиной, управляемой математическими законами — прекрасной в своей точности, лишенной цели. Телеология была изгнана из естественных наук: вещи происходят не *по* причинам; они происходят *из-за* предшествующих причин. Космос больше ни на что не был нацелен. Он просто функционировал.

Кант (XVIII век) переосмыслил саму реальность. Если разум не может познать вещи сами по себе (*ноумены*), то то, что мы называем «реальностью», является продуктом собственной структурирующей деятельности разума. Пространство, время, причинность — это не черты реальности, а категории, которые разум навязывает сырому опыту. Мир, каким мы его знаем, — это конструкция. Кант задумывал это как спасение: спасение науки и морали от скептицизма путем обоснования обоих в необходимых структурах рационального мышления. Непреднамеренным следствием стало превращение познающего субъекта в источник познаваемого мира — шаг, который, радикализированный его последователями, полностью размыл бы различие между открытием и конструкцией.

Экзистенциализм (20 век) сделал антропологический вывод. Если не существует реальных универсалий (номинализм), если тело — это механизм (Декарт), если природа не име-

ет цели (Ньютон) и если мир — это конструкция познающего субъекта (Кант), — то у человека нет фиксированной природы. Сартр: «Существование предшествует сущности». Человеческой природы не существует до того, как вы делаете свой выбор. Вы — это то, что вы делаете, и ничего больше. Бовуар применила это к гендеру: «Женщиной не рождаются, ею становятся.» Хайдеггер — более глубоко — назвал само это состояние: мы «брошены» в существование без основания, без цели, без космического контекста. Человек стоит в одиночестве в безразличной вселенной, свободен в самом ужасающем смысле — свободен, потому что не с чем соотноситься.

Постструктурализм (конец XX века) завершил этот процесс распада. Фуко: всякое знание — это знание-власть — нет истины, есть только режимы истины, служащие институциональным интересам. Деррида: всякое значение отложено — нет стабильного референта, есть только бесконечная цепь знаков. Лиотар: «великие нарративы» (наука, прогресс, эмансипация, христианство, марксизм) утратили свою достоверность — нет всеобъемлющей истории, придающей целостности всему. Последний оставшийся кандидат на роль стабильной опоры — сам рациональный субъект — растворился в узле дискурсивной сети, став продуктом тех самых режимов власти-знания, которые, как он полагал, анализировал.

Каскад завершен. Универсалии: исчезли. Единство тела и души: исчезло. Космический замысел: исчез. Объективная реальность: исчезла. Человеческая природа: исчезла. Рациональный субъект: исчез. Осталась цивилизация, стоящая на пустоте — и семь кризисов представляют собой семь способов, которыми эта пустота выражает себя в реальном мире.

Семь проявлений

1. Эпистемологический кризис

Если все знание — это власть-знание, то ни одно знание не является надежным — включая знание о том, что все знание — это власть-знание. Результатом является цивилизация, утратившая способность отличать правду от нарратива, доказательства от идеологии, подлинную экспертизу от институционального авторитета. [«Эпистемологический кризис»](#) проявляется в виде краха доверия ко всем институтам, удостоверяющим истину: университетам, захваченным идеологическими рамками; СМИ, захваченным корпоративными и политическими интересами; медицине, захваченной фармацевтико-промышленным комплексом; науке, захваченной структурами финансирования, которые заранее определяют выводы. Кризис заключается не в том, что люди глупы или легковверны. Он заключается в том, что институциональная инфраструктура знания была выхолощена той же философской последовательностью, которая распустила саму основу знания.

Разработано в: [Эпистемологический кризис](#), [Гармоническая эпистемология](#)

2. Антропологический кризис

Если у человека нет фиксированной природы — если существование предшествует сущности — то на вопрос «Что такое человек?» нет ответа, который ограничивал бы то, что мож-

но делать с людьми. Тело можно технологически модифицировать, гормонально изменить, хирургически реконструировать — потому что оно является лишь механизмом, лишь конструкцией, лишь сырьем для воли. [Новое определение человеческой личности](#) — это следствие этого подхода: человек переосмыслен как самосозидающийся проект, не имеющий заданной природы, не обладающий внутренним достоинством, независимым от социального признания, и не имеющий онтологических ограничений на то, во что его можно превратить. Программа трансгуманистов и программа гендерной идентичности структурно идентичны — обе рассматривают человеческое тело как сырье, которое можно переделать в соответствии с субъективными предпочтениями, поскольку ни одна из них не признает тело материальным выражением души с заданной природой.

Развито в: [Новое определение человеческой личности](#), [Человек](#), [Экзистенциализм и гармонизм](#)

3. Моральный кризис

Если нет универсалий, нет человеческой природы и нет космического порядка, то нет и оснований для «должен». Постепенный переход от этики добродетели (основанной на природе) к деонтологии (основанной исключительно на разуме), к консеквенциализму (основанному на результатах) и к эмотивизму (не основанному ни на чем) оставляет Запад в состоянии максимальной моральной напряженности и минимальной моральной основы. Поколение, наиболее возмущенное несправедливостью, не может определить, что такое справедливость. Культура, наиболее приверженная правам, не может объяснить, почему права существуют. Моральный словарный запас — справедливость, достоинство, угнетение, освобождение — это заимствованный капитал из христианско-платонической традиции, израсходованный системой, которая систематически уничтожала монетный двор, производящий его.

Развито в: [Моральная инверсия](#), [Социальная справедливость](#)

4. Политический кризис

Либерализм — политическая философия современного Запада — был построен на заимствованном метафизическом капитале: достоинстве личности (из христианства), верховенстве закона (из Рима), конституционном правлении (из греко-английской традиции), правах человека (из естественного права). По мере истощения этого метафизического капитала либерализм опустошается: нейтральное государство превращается в вакуум, заполняемый сильнейшей идеологией; индивидуальная автономия, лишенная ориентира в природе, становится разрешением на самоуничтожение; права, лишённые метафизического основания, превращаются в конвенции, которые могут быть представлены или отозваны тем, кто находится у власти. Одновременный кризис либеральной демократии на всем Западе — снижение доверия, рост популизма, захват институтов идеологическими фракциями, использование процедур в качестве оружия против сути — не является провалом реализации. Это структурное следствие политической философии, действующей после исчерпания метафизики, которая ее поддерживала.

Разработано в: [Либерализм и гармонизм](#), [Управление](#)

5. Экономический кризис

И капитализм, и социализм функционируют в рамках той же материалистической онтологии, которую породил этот разлом. Оба сводят ценность к одному измерению — обменной стоимости (капитализм) или трудовой стоимости (социализм). Оба рассматривают человека как экономического агента — потребителя или производителя. Оба не видят тех аспектов ценности, которые стали бы заметны в рамках многомерной онтологии: экологическое здоровье, сплоченность сообщества, духовная глубина, передача знаний из поколения в поколение. Финансовая архитектура — центральное банковское дело, кредитование с частичным резервированием, концентрация управления активами в руках горстки фирм — порождает непрерывный структурный перенос богатства из производственной экономики к финансовой элите. Антикапиталист видит симптомы, но неверно диагностирует причину: патология заключается не в частной собственности, а в номиналистическом сведении всей ценности к количественно измеримому — и лекарство Маркса действует на основе того же самого сведения.

Развито в: [Капитализм и гармонизм](#), [Коммунизм и гармонизм](#), [Мировой экономический порядок](#), [Новый Акр](#)

6. Экологический кризис

Космос, лишенный внутренней сущности — механизм, движущаяся материя, ресурс, подлежащий добыче — это космос, который можно эксплуатировать без угрызений совести, потому что там нет ничего, что можно было бы нарушить. Экологический кризис — это не провал технологии или регулирования. Это неизбежное следствие цивилизации, которая относится к природе как к мертвой материи, доступной для использования человеком — декартовско-ньютоновский космос, воплощенный в жизнь через индустриальный капитализм. Традиционные цивилизации, которые относились к природе как к живому, как к священному, как к партнеру в отношениях взаимности ([Ayni](#)), не привели к экологической катастрофе — не потому, что у них не было технических возможностей, а потому, что их онтология не позволяла этого. Нельзя вести открытую добычу полезных ископаемых на живом существе. Нельзя отравлять воду священной реки. Нельзя вырубать лес, являющийся домом духов. Экологический кризис не будет решен только с помощью более совершенных технологий или более жесткого регулирования. Он требует онтологического восстановления: признания того, что природа — это не механизм, а материальное воплощение [Logos](#), живого на всех уровнях, заслуживающего того же почтения, которое каждая традиционная цивилизация независимо друг от друга оказывала ей.

Разработано в: [Климат, энергетика и экология истины](#), [Колесо природы](#)

7. Гендерный кризис

Если у человека нет фиксированной природы (экзистенциализм), если тело — всего лишь механизм (Декарт), если все категории — конструкции власти (постструктурализм), то «мужское» и «женское» — это не естественные виды, а социальные навязывания, подлежащие деконструкции. Бовуар применила экзистенциалистскую ошибку к гендеру; Батлер радикализировала её через постструктурализм; четвёртая волна институционализировала её

через захват медицины, права и образования. Эпидемия гендерной дисфории среди молодежи не является доказательством того, что бинарность распадается — это доказательство того, что поколение, воспитанное без онтологической основы, не может обитать в телах, которым разочарованная цивилизация научила их не доверять. [Сексуальный реализм](#) — гармонистская позиция, согласно которой мужское и женское являются подлинными онтологическими полярностями — биологическими, энергетическими, психологическими и духовными — является восстановлением той основы, которую разрушил разлом.

Разработано в: [Феминизм и гармонизм](#), [Человек — половая полярность](#), [Новое определение человеческой личности](#)

Единство ответа

Семь кризисов — это один кризис. Поэтому ответ должен быть единым — не семь отдельных реформ, направленных на решение семи отдельных проблем, а восстановление основы, с которой все семь патологий становятся одновременно понятными и одновременно исправимыми.

Эта основа — то, что [«Гармонизм»](#) называет [«Logos»](#) — внутренний порядок реальности. Это не правило, навязанное извне. Не религиозный догмат, требующий веры. Не культурное предпочтение одной цивилизации среди многих. Это внутренний гармоничный интеллект космоса, открываемый разумом, подтверждаемый сближением независимых традиций, переживаемый непосредственно через созерцательную практику и выражающийся на всех уровнях — от структуры атома до структуры души.

Когда «Logos» восстанавливается как организующий принцип:

Эпистемологический кризис разрешается — потому что знание вновь обретает опору в реальном порядке вещей, а четыре способа познания (сенсорный, рациональный, эмпирический, созерцательный) возвращаются к своей взаимодополняющей функции (см. [Гармоническая эпистемология](#)).

Антропологический кризис разрешается — потому что человек признается многомерным существом с заданной природой — физическим телом и энергетическим телом, [«система чакр»](#) как анатомией души, мужским и женским началами как подлинными онтологическими полярностями (см. [Человек](#)).

Моральный кризис разрешается — потому что этика вновь обретает свою основу в [«Dharma»](#) — согласовании с «Logos» в человеческом масштабе — и добродетель вновь открывается как согласование всего человека с порядком реальности (см. [Моральная инверсия](#)).

Политический кризис разрешается — потому что управление признается как попечение о коллективной жизни в согласии с Dharma, а не как управление конкурирующими предпочтениями в метафизическом вакууме (см. [Управление](#)).

Экономический кризис разрешается — потому что ценность признается многомерной, рынок встроен в [Ауни](#) (священную взаимность), а денежная архитектура подчиняется подлинному процветанию человека, а не императивам извлечения прибыли финансовой элиты (см. [Капитализм и гармонизм](#), [Мировой экономический порядок](#)).

Экологический кризис разрешается — потому что природа признается живой, материальным проявлением «Logos», партнером в взаимности, а не ресурсом для потребления (см. [Климат, энергетика и экология истины](#)).

Гендерный кризис разрешается — потому что мужское и женское признаются подлинными онтологическими полярностями, чья взаимодополняемость порождает поле, из которого обновляются семья, культура и цивилизация (см. [Феминизм и гармонизм](#)).

Сближение, которое меняет всё

Восстановление «Logos» — это не западный проект. Это проект всего человечества. Самая поразительная черта вечных традиций заключается именно в том, что цивилизации, не имевшие исторических контактов — индийская, китайская, андская, греческая, авраамическая — независимо друг от друга пришли к одному и тому же структурному признанию. Реальность упорядочена. Этот порядок можно обнаружить. Природа человека приспособлена к участию в этом порядке. Хорошая жизнь заключается в согласовании с ним. Страдание цивилизации, утратившей это согласие, — не наказание, а следствие: естественный результат несоответствия, подобно тому, как вывих сустава вызывает боль не в качестве возмездия, а в качестве сигнала.

Западный разлом — это не человеческое состояние. Это историческое состояние — порожденное конкретными философскими шагами, передаваемое через конкретные институты и обратимое посредством восстановления утраченного. Традиции не разломились. Они по-прежнему целы. Бабушка, мировоззрение которой внучке приучили отвергать, по-прежнему несет в себе ту основу, которую шесть веков западной философии постепенно устраняли. «Путь к просветлению» ([Путь Гармонии](#)) — это не новое изобретение. Это древний путь — путь, по которому шла каждая цивилизация, когда она была согласована с «Путем к просветлению» ([Logos](#)) — восстановленный, систематизированный и доступный для поколения, которому никогда не давали шанса по нему пройти.

Разлом глубокий. Восстановление возможно. И оно начинается, как начинается любое подлинное восстановление, не с аргумента, а с признания — признания того, что почва, на которой вы стоите, — это не ничто, что порядок, который вы ощущаете под хаосом, реален, и что ваше стремление к жизни, имеющей смысл, — это не нейрохимическая случайность, а самая глубокая истина о том, кто вы есть.

См. также: [Основы](#), [Эпистемологический кризис](#), [Постструктурализм и гармонизм](#), [Экзистенциализм и гармонизм](#), [Материализм и гармонизм](#), [Моральная инверсия](#), [Психоло-](#)

гия идеологического захвата, Либерализм и гармонизм, Коммунизм и гармонизм, Капитализм и гармонизм, Феминизм и гармонизм, Социальная справедливость, Новое определение человеческой личности, Климат, энергетика и экология истины, Управление, Мировой экономический порядок, Новый Акр, Трансгуманизм и гармонизм, Человек, Гармоническая эпистемология, Архитектура Гармонии, Гармонизм, Logos, Dharmā, Прикладной гармонизм

Духовный кризис — и что ждет по ту сторону

Пустота в центре

Большинство людей знакомо с этим чувством еще до того, как они находят для него слова: это пустота в самой сути современной жизни, которую депрессия не может полностью описать, которую терапия не может заполнить, которую достижения не могут успокоить. Оно сохраняется под поверхностью обычных трудностей — не в виде острого кризиса, а в виде хронического отсутствия, подобно тому, как тишина отмечает пространство, где должен быть звук.

То, что ушло, — это не удовлетворенность; ее никогда и не обещали. То, что ушло, — это ощущение того, что наше существование является частью более широкого порядка, что реальность имеет структуру и смысл, и что человеку в ней отведено необходимое место. Классические традиции знали этот порядок под многими именами: *Logos* в греко-римской философии, Тао в китайской вселенной и *Ma'at* в египетском космосе — присущая космосу гармоническая интеллигенция, известная Гераклиту как высшее прозрение и лежащая в основе стоической доктрины. В ведической традиции родственным термином является «Ṛta». В книге «Гармонизм» это называется «Logos» — присущий космосу порядок — а согласованность человека с ним именуется «Dharma»: живым выражением нахождения в надлежащих отношениях с тем, что есть.

Когда этого чувства космического порядка нет — когда оно было систематически ликвидировано цивилизацией, которая даже не может назвать то, что было утрачено, — остается пустота, которую не может заполнить ни какое количество потребления, развлечений, достижений или лекарств. Эта пустота не ощущается как какая-то освежающая пустота. Она ощущается как отрыв: осознание того, что жизнь просто происходит, а не разворачивается со смыслом; что работа — это просто обмен, а не призвание; что отношения — это удобство, но не необходимость; что смерть, когда она наступит, просто положит конец чему-то, не имеющему большого значения.

Это духовный кризис современного Запада: не столько кризис *веры* (вера легко принимается и отбрасывается), сколько кризис *основания* — исчезновение непосредственного ощущения того, что реальность имеет порядок и что человеческая жизнь может проходить в сознательном участии в этом порядке.

Коренная причина: разрушение «Logos»

Духовный кризис — это не результат трех отдельных провалов, которые случайно совпали. Это единый процесс — систематическое разрушение «Logos» с основания западной цивилизации — проявляющийся через множество каналов на протяжении пяти веков. То, что традиции признавали как неотъемлемый гармонический интеллект Космоса, живой порядок, пронизывающий реальность на всех уровнях, постепенно было изгнано из философии, науки, политики, культуры и из самого языка, доступного для описания опыта. Коренная причина кризиса заключается в следующем: цивилизация, оторванная от Logos, — это цивилизация, оторванная от Бога, от живого интеллекта, который оживляет все существа и придает человеческому существованию смысл, направление и основу.

Западный разлом Книга «Траектория» прослеживает основную линию этого разрушения. Разлом начинается в позднем средневековье с «демонизации» (номинализм) — философского утверждения, что универсалии являются лишь именами, что структуры, которые мы воспринимаем в реальности, являются проекциями ума, а не чертами Космоса. Эта единственная ошибка — отрицание реальности «присущего порядка» (Logos) — определила траекторию всего последующего. Как только присущий реальности порядок был понижен до уровня человеческой конструкции, каждое последующее интеллектуальное движение унаследовало это понижение и продвигало его дальше.

Научная революция осуществила необходимую и блестящую операцию: она лишила природу очарования, чтобы изучать её строго. Методологическое выделение, которое рассматривает природу как механизм для целей исследования, было существенным для эмпирической науки. Но метод окаменел в метафизику. Операционный принцип — «рассматривать природу как машину для целей изучения» — превратился в метафизическое утверждение: «природа является машиной, и реально только то, что можно смоделировать механически». «Материализм» завершила эту инверсию: медленную замену принципа гармоничности (Гармонический реализм) (реальность по своей сути гармонична, пронизана гармоническими вибрациями (Logos) и нередуцируемо многомерна — материя и энергия в Космосе, физическое тело и энергетическое тело в человеке) на редукционизм (только физическое реально; все остальное — эпифеномен, побочный продукт или иллюзия). Это не было логической необходимостью. Это было отклонение — сбой, произошедший, когда прекратилось критическое осмысление, — и оно отрезало целую цивилизацию от энергетических, жизненных и духовных измерений Космоса, которые каждая досовременная культура принимала за основную реальность.

Просвещение выполнило вторую необходимую операцию: оно освободило разум от церковной власти. Разрушение монополии институциональной Церкви на легитимное знание было необходимо с философской и исторической точек зрения. Но и здесь метод превратился в метафизику. Разум, однажды освободившись от религиозного контроля, был возведен из одной способности среди многих в единственный легитимный способ познания. Прямой опыт был отнесен к «субъективному». Созерцательное прозрение, традиционная передача знаний, интеллект тела и знания сердца были понижены в статусе с признанных способов познания до «интересных, но не серьезных с эпистемологической точки зрения». Либерализм закодировало это понижение в политической архитектуре Запада: суверенный

индивид, лишенный космического контекста, блуждающий по вселенной ценностей, не имеющих под собой опоры — свобода, определяемая как отсутствие внешних ограничений, а не как способность участвовать в «Logos». «[Экзистенциализм](#)» дало возникшей пустоте самое честное выражение: если «Logos» нереально, то смысл должен быть сфабрикован изолированным субъектом, и фундаментальным условием человеческого существования является абсурд.

[Гармонизм](#) считает, что принижение всего нерационального знания было катастрофической ошибкой. Разум необходим для различения и установления истины. Но разум — не единственное окно в реальность. Традиции созерцательности — от ведической Индии до классического Китая и андских линий преемственности — разработали систематические методологии для исследования внутренних измерений сознания с той же строгостью, с которой экспериментальный метод подходил к внешнему миру. Отвергать эти исследования только потому, что они не дают результатов, воспроизводимых людьми, отказывающимися выполнять практики, — все равно что отвергать музыку, потому что глухие не слышат ее и поэтому сомневаются в ее существовании. Претензия заключается не в доказательствах, а в отказе выполнять работу, приносящую доказательства. В книге «[Гармоническая эпистемология](#)» названы пять независимых способов познания — и цивилизационная цена ампутации четырех из них.

Институциональная религия не смогла эволюционировать. Вместо того чтобы усвоить значимые достижения науки и разума, обогатив их более глубоким и интеллектуально прочной формулировкой духовного измерения, основные западные религии ушли в буквальное толкование, политическую полезность или терапевтическую банальность. Их провал был не провалом духовной истины как таковой, а провалом конкретных институциональных контейнеров. Эти контейнеры разбились. То, что последовало за этим, было катастрофическим для сознания: те, кто не мог принять буквальную теологию, пришли к выводу не о том, что институты потерпели неудачу, а о том, что само духовное измерение было иллюзией. Оставленная ими пустота была заполнена не чем-то высшим, а чем-то низшим — потребительством, развлечениями, спроектированными для вызывания зависимости, и поклонением «прогрессу» в качестве замены цели.

Затем наступила заключительная фаза: активное переворачивание. «[Постструктурализм](#)» не просто игнорировала «Logos» — она объявила войну самой концепции внутреннего порядка. Смысл не открывается, а конструируется; истина — не особенность реальности, а функция власти; язык не относится ни к чему за пределами самого себя. Философская инфраструктура современных гуманитарных наук построена на этом отрицании. [Моральное перевертыш](#) документирует этические последствия: когда отрицается Logos, моральный компас теряет свой магнитный север, и то, что когда-то признавалось патологией, систематически переосмысливается как освобождение. [Идеологическая подчиненность](#) — механизм, с помощью которого умные люди начинают принимать искусственный консенсус за реальность — действует именно в том вакууме, который остается, когда цивилизация больше не может воспринимать тот порядок, по которому она когда-то жила.

Результатом являются не три взаимосвязанных провала, а одна катастрофа в трех частях: сначала была отрицана метафизическая основа (номинализм → материализм), затем были

ампутированы эпистемологические инструменты (рационализм → понижение в ранге созерцательного познания), а затем пустота была активно занята философиями, прославляющими безосновательность как свободу (постструктурализм → моральная инверсия). Современный человек был отрезан от «Logos» на всех уровнях — онтологическом, эпистемологическом, этическом и экзистенциальном. Коренная причина духовного кризиса — это отречение, а коренная причина всех последующих страданий — кризиса смысла, эпидемии психических заболеваний, превращения призвания в простую работу, сведения отношений к утилитарности — заключается в несоответствии порядку реальности. Отрыв от Бога — это не теологическое утверждение. Это реальное состояние цивилизации, которая разрушила почву, на которой стояла, и теперь удивляется, почему не может найти опору.

Фактический дефицит: не вера, а практика

Духовный кризис — это не кризис неправильных представлений о реальности. Это кризис отсутствующих практик.

Верования — это утверждения о природе реальности, концептуальные структуры, которые существуют в ментальном измерении и которые можно относительно легко принять, пересмотреть, подвергнуть сомнению или отбросить. Кризис верования выглядел бы как путаница в том, каких доктрин придерживаться, как разногласия по поводу Священного Писания или как неуверенность в Боге. Эти споры продолжаются в культуре, но они упускают из виду реальную проблему.

Настоящая проблема заключается в том, что у большинства людей нет *практик*, которые связывали бы их напрямую и через опыт с тем, что традиции называли священными измерениями реальности. У них есть убеждения об этих измерениях, если у них вообще есть какие-либо убеждения. Но у них нет воплощенных, повторяемых, основанных на дисциплине методов доступа к этим измерениям. У них нет возможности независимо проверять духовные утверждения посредством непосредственного исследования. Традиции предлагали не столько доктрины, сколько *практики* — методы, с помощью которых человек мог непосредственно и самостоятельно познать природу сознания и свое место в более широком порядке.

«[Присутствие](#)» — в «[Гармонизм](#)» — это не вера. Это не состояние, к которому следует стремиться когда-нибудь. Это фундаментальное состояние сознания, доступное прямо сейчас и становящееся доступным и стабильным благодаря систематической практике.

Присутствие — это то, что остается, когда обычная умственная болтовня утихает, когда сердце открывается из своей привычной защищенности, и когда внимание успокаивается в непосредственности настоящего момента. Это состояние, в котором человек действительно жив, осознан и находится в отзывчивом контакте с тем, что есть — а не потерян в воспоминаниях, ожиданиях, внутреннем повествовании или различных трансовых состояниях, маскирующихся под нормальное сознание. Это не мистическое достижение, требующее лет экзотических практик. Это изначальное состояние сознания, когда обычные механизмы сжатия и искажения временно приостанавливаются. Оно доступно и поддается проверке: сядь-

те, дышите осознанно, направьте внимание на живую энергию настоящего момента и наблюдайте, что происходит. Возникающее качество бдительного покоя — это не то, что нужно создавать или достигать. Это то, что нужно распознать и позволить.

Каждая зрелая созерцательная традиция в истории человечества, развивавшаяся независимо в разных цивилизациях и на протяжении тысячелетий без исторического контакта, пришла к одному и тому же основному признанию. Ведические традиции называют это *сахаджа* — естественное состояние, состояние до того, как самосознание его фрагментирует. Дзогчен называет это *ригпа* — первозданное осознание, основа сознания, не заслоненная концептуальными наслоениями. Дзен называет это *сёсин* — ум начинающего, непосредственное видение, предшествующее мысли. Традиции суфизма называют это *хал* — состояние присутствия перед Божеством. Линия тольтеков описывает это как точку сборки в её естественном положении покоя. Это не разные переживания, достигаемые разными путями. Это разные названия одного и того же фундаментального осознания того, чем является сознание, когда оно не фрагментировано обычным механизмом эго и ума.

Эта межкультурная и межвременная конвергенция является самым весомым доказательством, которое приводит сайт [Гармонизм](#) в пользу реальности Присутствия — не как культурно сконструированного опыта, а как структурной особенности самого сознания. Когда независимые исследователи, использующие разные методы, в разрозненных цивилизациях, разделенных веками, приходят к одному и тому же феноменологическому описанию, они осуществляют нечто, что равносильно независимой репликации. В внутренней сфере — сфере сознания и непосредственного опыта — эта конвергенция имеет такой же доказательный вес, как и получение одинаковых экспериментальных результатов в независимых лабораториях. Это эмпирическое доказательство, хотя и полученное в результате дисциплинированного исследования внутреннего мира, а не внешнего.

Ответ гармонизма: нерелигиозная духовная архитектура

«[Гармонизм](#)» не просит никого принимать религию, верить в божество, принимать открытые писания, присоединяться к общине верующих или подчиняться духовной власти. Он вообще не имеет отношения к системам верований. То, что он требует, — это *практика* — ежедневная, воплощенная, повторяемая, эмпирически проверяемая работа по культивированию «[Присутствие](#)» с помощью методов, которые множество независимых традиций подтвердили как эффективные.

«Путь пробуждения» ([Колесо настоящего](#)) предоставляет полную архитектуру. «Осознанность» ([Медитация](#)) — непосредственное культивирование сознательного внимания — занимает центральное место в качестве основной практики. Вокруг нее расположены семь взаимодополняющих столпов, каждый со своей глубиной, линией преемственности и методами: «Осознанность» ([Дыхание и пранаяма](#)), «Осознанность» ([Звук и тишина](#)), «Осознанность» ([Энергия и жизненная сила](#)), «Осознанность» ([Намерение](#)), «Осознанность» ([Размышление](#)), «Осознанность» ([Добродетель](#)) и «Осознанность» ([Энтеогены](#)). Каждый из них представляет собой полноценную область практики, опирающуюся на десятилетия или сто-

летия усовершенствованного методологического развития в рамках множества традиций. Вместе они формируют всеобъемлющую программу для восстановления Присутствия.

Каноническая «[ежедневная практика](#)» — восходящая медитация через три основных энергетических центра (нижний дантьянь → сердце → точка аджна) — служит позвоночным стержнем всей системы. Она разработана как минимальная практика: ежедневное поддержание, которое удерживает все остальное воедино. Эта единственная практика одновременно опирается на три основных живых линии преемственности, из которых вытекает «Путь пробуждения» ([Гармонизм](#)): методология пранаямы и основанное на чакрах понимание сознания индийской ведической традиции; культивирование дантьяня и «пути пробуждения» ([Три сокровища](#)) в китайской традиции как основной архитектуры энергетического тела; и утонченное понимание «пути пробуждения» ([световое энергетическое поле](#)) и его развития в андской линии преемственности. Практика не заимствует из этих традиций, как турист пробует экзотические практики. Она интегрирует их самые глубокие принципы в единую, целостную методологию, основанную на собственном онтологическом фундаменте «[Гармонизм](#)».

Вот что предлагает «[Гармонизм](#)» в ответ на духовный кризис современности: не новую религию, не терапевтическую переработку древней мудрости, не синкретический микс, который сглаживает отдельные традиции в общую «духовность». Она предлагает архитектурно целостный, философски обоснованный и практически работоспособный путь к непосредственному опыту Присутствия — той самой основы, которую цивилизация систематически разрушала. И она делает это, опираясь на собственное философское основание: «[Гармонический реализм](#)» (реальность подлинно многомерна и не сводится к материи), «[Квалифицированный недUALизм](#)» (Единое выражается как подлинное Множество) и признание того, что «[Абсолют](#)» — Пустота плюс Проявление, $0+1=\infty$ — это не постулат, в который нужно верить, а фактическая структура того, что есть.

Присутствие: ответ на кризис

Духовный кризис — это, по сути, кризис отрыва от «[Logos](#)» — от живого осознания космического порядка. Когда это ощущение исчезает, смысл не нужно конструировать, принимать или обсуждать. То, что *может* произойти, — это восстановление способности, которая *воспринимает* смысл напрямую.

Эта способность — «[Присутствие](#)». Это не создание смысла. Это видение смысла.

Когда Присутствие культивируется, оно реорганизует всё. Смысл — это не то, что нужно искать. Порядок реальности становится очевидным на опыте. Интеллект тела становится понятным — источником знания, а не просто ощущением ([Колесо Гармонии](#) становится доступным). Материальная жизнь раскрывается как нечто, о чём можно заботиться с вниманием и уважением, а не просто извлекать из неё выгоду ([Колесо материи](#) становится управлением). Работа естественным образом согласуется с подлинным вкладом человека ([Колесо служения](#) становится vocation). Отношения углубляются от удобства до подлинной встречи и взаимного видения ([Колесо отношений](#) становится тиглом практики). Обучение превра-

щается из накопления информации в мудрость ([Колесо знаний](#) становится lived understanding). Природа перестает быть просто ресурсом и раскрывается как живой интеллект ([Колесо природы](#) становится participation). Игра восстанавливает свой первоначальный характер как празднование, а не как отвлечение ([Колесо развлечений](#) становится gratitude).

Именно это описывает «[Колесо Гармонии](#)»: человеческая жизнь, построенная так, что «[Присутствие](#)» находится в центре и распространяется во все сферы бытия. Это не идеал, далекий от реальности. Это практическая архитектура — доступная любому, кто готов выполнять ежедневную работу, способен к строгому самонаблюдению и готов отказаться от привычных паттернов, которые позволяют обычному уму сохранять контроль.

Духовный кризис современного Запада — серьезный и реальный. Но он не является окончательным. То, что было утрачено, можно восстановить — не путем возрождения религиозных форм, которые оказались неспособными к эволюции, а путем углубления, под формы, к той основе, на которую они всегда указывали. Эта основа — «[Присутствие](#)». Путь к ней — ежедневная «[практика](#)». Архитектура, придающая смысл всему, включая саму практику, — это «[Колесо Гармонии](#)».

Цивилизация сказала вам, что этой основы не существует. Это неправда. Цивилизация сказала вам, что смысл субъективен, что сознание — всего лишь эпифеномен, что смерть лишает смысла все усилия. Вы можете проверить это утверждение, только отказавшись от практики. Все остальные, кто когда-либо действительно *занимался* практикой, знают лучше.

См. также: [Колесо настоящего](#), [Практика](#), [Медитация](#), [Гармонизм](#), [Путь Гармонии](#), [Целостная жизнь](#), [Sovereign Здоровье](#), [Западный разлом](#), [Постструктурализм и гармонизм](#), [Либерализм и гармонизм](#), [Экзистенциализм и гармонизм](#), [Материализм и гармонизм](#), [Моральное перевертыш](#), [Психология идеологического захвата](#), [Гармоническая эпистемология](#)

Эпистемологический кризис

Аппарат управления восприятием

Современный мир не страдает от недостатка информации. Он просто тонет в ней. Чего ему не хватает, так это способности отличить сигнал от шума, правду от вымысла, подлинное знание от сфабрикованного консенсуса. Это не новая проблема — но ее масштаб, изощренность и последствия беспрецедентны. В книге «

[Гармонизм](#)» кризис диагностируется на двух уровнях. Первый — структурный: современность допустила эпистемологическую ошибку, сведя все легитимное знание к эмпирико-рациональному режиму, а затем передала монополию на сертифицированную правду институтам — университетам, рецензируемым журналам, государственным агентствам, мейнстримным СМИ — авторитет которых, как предполагалось, должен был проистекать из их верности этому режиму. Второй — операционный: эти институты были захвачены, и аппарат «сертификации истины» теперь функционирует как управляемая система восприятия, служащая интересам, не имеющим ничего общего с истиной.

Эти два уровня не являются независимыми. Структурная ошибка — сужение легитимной эпистемологии до единственного режима — создала условия для операционного захвата. Когда цивилизация провозглашает, что действителен только один вид познания, она концентрирует эпистемический авторитет в руках тех, кто контролирует этот вид познания. А сконцентрированный авторитет, как утверждает статья в [«Управление»](#), превращается в коррупцию. Это структурный, а не вероятностный процесс. Секретность — необходимое условие для несоответствия власти и цели.

То, что мейнстрим называет «эпохой постправды» или «кризисом доверия к институтам», с точки зрения гармонизма не является ни загадочным, ни новым явлением. Это неизбежное следствие цивилизации, которая построила свою эпистемологию на одном фундаменте, позволила захватить этот фундамент и теперь наблюдает, как рушится здание.

Информационная война

Этот захват не является чем-то незаметным. Он действует во всех сферах, которые [«Архитектура Гармонии»](#) (Карта цивилизационной жизни) отображает как сферу цивилизационной жизни.

В сфере управления и политики: механизмы демократического согласия — выборы, СМИ, публичный дискурс — систематически манипулируются субъектами, чья власть зависит от контроля над восприятием политической реальности. Эдвард Бернейс, писавший столетие назад, описал инженерии согласия как профессиональную дисциплину. То, что он описал как возможность, стало индустрией. Опросы формируют мнение в той же мере, в какой из-

меряют его. Освещение в СМИ формирует реальность, а не сообщает о ней. Политические партии служат донорам, а не избирателям, при этом сохраняя видимость представительства.

В экономике: система Федеральной резервной системы, банковская система с частичным резервированием и денежная архитектура, основанная на долгах, описанная в книге [«Финансы и благосостояние»](#), не просто неэффективны — они разработаны для перераспределения богатства в пользу верхушки общества при сохранении видимости свободного рынка. Финансовая грамотность, необходимая для понимания этой схемы, систематически утаивается образовательной системой, которая сама сформирована теми же интересами.

В сфере здравоохранения: фармацевтический промышленный комплекс — термин, который «Гармонизм» использует без оправданий — захватил регуляторный аппарат (агентство FDA в значительной степени финансируется той же отраслью, которую оно регулирует), исследовательский поток (финансируемые промышленностью исследования доминируют в литературе), систему медицинского образования (учебные программы разработаны с учетом фармацевтического вмешательства) и СМИ (доходы от фармацевтической рекламы определяют редакционную политику). Результатом является парадигма здравоохранения, которая порождает хронические заболевания, лечит симптомы с помощью патентованных молекул и патологизирует ту самую суверенность, которую она подорвала. [«Колесо здоровья»](#) существует отчасти как альтернативная архитектура — ориентированная на первопричины, суверенность и основанная на эмпирике — именно потому, что основная парадигма здравоохранения была структурно скомпрометирована.

В образовании: система производит работников, а не суверенных существ. Она обучает послушанию, а не проникательности. Она подтверждает институциональную лояльность, а не подлинное понимание. Более глубокий анализ принадлежит статье об образовании, но эпистемологический аспект заключается в следующем: система образования не просто не учит критическому мышлению — она активно культивирует неспособность к нему, обучая студентов подчиняться институциональной власти, а не развивать свои собственные эпистемические способности.

В культуре: индустрия развлечений — кино, телевидение, музыка, реклама, социальные сети — не просто отражает ценности. Она их конструирует. Нормализация дегенерации, эрозия семейных структур, прославление аппетита над дисциплиной, систематическая замена красоты на провокацию — все это не является органичным развитием культуры. Это продукты индустрии, результаты которой формируются коммерческими стимулами и, на более глубоком уровне, идеологическими обязательствами, служащими интересам тех, кто извлекает выгоду из населения, лишённого корней, целостности и внутренней суверенности, необходимой для сопротивления манипуляциям.

В экологической политике: подлинная забота об экологии была захвачена в качестве вектора централизованного контроля — углеродные налоги, нормирование энергии, ограничение мобильности — как подробно разъясняется в статье на сайте [климат и энергетика](#).

Схема во всех сферах одинакова: выявляются законные опасения, затем они захватываются и превращаются в оружие теми, чья власть зависит от контроля над реакцией. Опасения ре-

альны. Их захват также реален. Отказ видеть то или другое — это провал проницательности.

Программирование

Эффективность информационной войны определяется не ее изощренностью, а ее повсеместностью. Один обман можно разоблачить. А полностью управляемую среду восприятия — нет, потому что инструменты, которые вы использовали бы для ее разоблачения (масс-медиа, поисковые системы, организации по проверке фактов, языковые модели ИИ), сами являются частью этой системы.

В сфере управления, экономики, здравоохранения, образования, культуры и экологии представления большинства людей о мире, в котором они живут, не являются результатом самостоятельного исследования. Они устанавливаются посредством программирования — слово выбрано намеренно, поскольку этот механизм больше напоминает установку программного обеспечения, чем образование. Убеждения поступают в готовом виде через каналы, которым получатель доверяет (потому что его научили им доверять), и интегрируются в мировоззрение, которое внутренне согласованно именно потому, что было спроектировано таким образом.

Механизм работает за счет повторения, социального доказательства и манипуляции доверием. Утверждение, повторяемое во всех основных СМИ, одобренное институциональными экспертами и подтвержденное первой страницей результатов любой поисковой системы, приобретает вес истины благодаря своей повсеместности — независимо от его фактической связи с реальностью. Инакомыслие не принимается во внимание; его патологизируют. Несогласный не ошибается — он является «теоретиком заговора», ярлыком, созданным (как показывает документированная история, термин был намеренно популяризирован, чтобы дискредитировать критиков институциональных нарративов) для того, чтобы обойти оценку и перейти непосредственно к социальной изоляции.

Результатом является население, которое считает себя информированным, действуя при этом в управляемой информационной среде. Человек, смотрящий новости мейнстрима, пользующийся мейнстримными поисковыми системами и читающий мейнстримные издания, обитает в мире восприятия, столь же тщательно курируемом, как и в любом пропагандистском государстве — с той разницей, что кураторство распределено между номинально независимыми институтами, а не централизовано в одном министерстве, что делает его сложнее увидеть и сложнее назвать.

Конвергенция: заговор как структурный анализ

«Гармонизм» отстает от того, что отвергает мейнстримный дискурс: что в западном мире действует идентифицируемая концентрация влияния — финансового, институционального, культурного, медийного — с целью формирования восприятия, политики и социальных норм в направлениях, отвечающих ее интересам. Это не утверждение о тайных заговорах,

происходящих в подземных бункерах. Это структурный анализ — тот же структурный анализ, который «Гармонизм» применяет ко всем сферам.

Эта структура видна любому, кто готов на нее взглянуть. Небольшое число финансовых институтов контролирует непропорционально большую долю мирового капитала. Небольшое число медиа-конгломератов контролирует непропорционально большую долю распространения информации. Небольшое число фондов и НПО формирует непропорционально большую долю образовательных, культурных и политических повестки дня. Пересечение интересов этих групп — через совместное членство в советах директоров, отношения финансирования, «вращающиеся двери» при перемещении персонала и согласованные идеологические обязательства — не скрывается. Оно зафиксировано в публичных документах, годовых отчетах и организационных схемах.

Результатом этой концентрации является не заговор в голливудском смысле. Это согласованность — естественное сближение действий, которое происходит, когда небольшое число участников разделяет интересы, мировоззрение и контролирует механизмы, формирующие общественное мнение. Им не нужно координироваться в тайне, потому что они координируются открыто, через институты, созданные именно для этой цели: Давос, Совет по международным отношениям, [Группа Бильдерберг](#), крупные благотворительные фонды, чьи гранты определяют программы исследований, приоритеты политики и освещение в СМИ по всему миру.

Гармонизм называет это тем, чем оно является: концентрацией власти, действующей вне демократической подотчетности, формирующей восприятие реальности для миллиардов людей в интересах, не совпадающих с интересами *Dharma*. Отказ мейнстрима от этого анализа — «теория заговора» — сам по себе является продуктом аппарата управления восприятием. Этот ярлык существует для того, чтобы предотвратить проведение структурного анализа, а не потому, что анализ ложен.

Эпистемологические последствия этого глубоки. Когда институты, удостоверяющие истину, захватываются интересами, извлекающими выгоду из определённого восприятия реальности, весь аппарат институциональной эпистемологии становится ненадежным. Не каждое утверждение, удостоверенное мейнстримными институтами, является ложным — это было бы ошибкой другого рода. Но ни одно утверждение не может быть принято исключительно на основании институционального удостоверения, поскольку сам процесс удостоверения скомпрометирован. Каждое утверждение должно оцениваться по своим собственным достоинствам, с помощью способностей, не зависящих от институционального посредничества.

Геополитический случай: кто контролирует нарратив?

Аппарат управления восприятием нигде не действует более значимо — или более незаметно — чем в геополитике. Здесь наблюдатель систематически исключается из поля истины. Силы, которые формируют результаты цивилизационного масштаба — государственные секреты, тайные операции, оценки разведки, которые никогда не попадают в публичный дискурс — как раз и являются теми, что скрыты от глаз. Это не случайно; это структурно

обусловлено. Аналитик, занимающийся странами, работает в условиях эпистемических ограничений, которых нет в большинстве других областей.

Традиционные версии истории, которые мы принимаем за установленный факт, регулярно рушатся под воздействием рассекречивания — не постепенно, а катастрофически. Иранский переворот 1953 года публично представлялся как американская поддержка естественного политического перехода. В 2000 году рассекреченная история самого ЦРУ раскрыла правду: американские и британские спецслужбы спланировали и провели тайную операцию по свержению демократического правительства Мохаммада Мосаддека и восстановлению шаха. Понимание общественности было не полным; оно было перевернутым. Последствия — революция 1979 года, четыре десятилетия вражды — вытекали из действия, о котором общественность не знала.

Инцидент в Тонкинском заливе 1964 года привел к эскалации американского военного участия во Вьетнаме на основании нападения, которое почти наверняка не имело места. Чиновники знали о неопределенности, но представили ее как достоверность. Вторжение в Ирак в 2003 году произошло на основании заявлений разведки об оружии массового уничтожения, которые испарились после вторжения — будь то из-за подлинной ошибки или политической коррупции в разведывательном процессе. В каждом случае причинно-следственная история, представленная общественности в реальном времени, кардинально отличалась от того, что позже раскрыли рассекреченные материалы.

Это не единичные аномалии. Это события цивилизационного масштаба, истинные причины которых скрывались на протяжении десятилетий. И они поднимают самый глубокий вопрос в геополитической эпистемологии: если нарративы, которыми нас кормят о современных событиях, столь же ненадежны, как нарративы, которыми нас кормили об Иране, Вьетнаме и Ираке — нарративы, которые раскрылись только с течением времени и рассекречиванием — то насколько то, что мы «знаем» о настоящем, в равной степени сконструировано?

Этот вопрос с особой силой относится к самой защищенной версии событий XX века: Второй мировой войне. История войны была написана преимущественно победителями. Последующий политический порядок — Организация Объединенных Наций, НАТО, Бреттон-Вудские учреждения, моральные рамки, определяющие приемлемый публичный дискурс по сей день — был построен на этой версии. Постановка под сомнение любого его элемента влечет за собой социальные последствия, которых не влечет за собой постановка под сомнение нарратива о Тонкинском заливе. Эта асимметрия сама по себе эпистемологически значима. В сфере, где рассекречивание документов неоднократно показывало, что официальные нарративы служат интересам, а не истине, единственный нарратив, который нельзя подвергать сомнению без риска социального коллапса, по самой этой причине является тем, который больше всего нуждается в тщательном и беспристрастном изучении — не для того, чтобы опровергнуть его выводы, а для того, чтобы подвергнуть его тем же эпистемологическим стандартам, которые мы применяем к любому историческому утверждению. Кто контролировал версию? Кому выгодно ее сохранение? Что содержат архивы, которые остаются засекреченными? Это не вопросы о заговорах. Это элементарные вопросы исторической эпистемологии, применяемые последовательно, а не выборочно.

Методология «Гармонистов» для ориентации в этой области основана на основном принципе «[Гармоническая эпистемология](#)»: сходство доказательств из независимых источников. На практике это означает: отобразить то, что явно очевидно и не вызывает серьезных разногласий среди компетентных наблюдателей. Отличать установленные факты от рабочих гипотез. Не привязываться к гипотезам и пересматривать их по мере появления новой информации. Признавать то, что скрыто, как подлинную причинно-следственную категорию — самые значимые силы в геополитике часто являются именно теми, которые остаются скрытыми. И культивировать интеллектуальную скромность, не скатываясь в нигилизм: тот факт, что государства лгут, не означает, что все официальные заявления — ложь, а тот факт, что стимулы СМИ искажают освещение событий, не означает, что вся журналистика — пропаганда. Ошибка заключается в том, чтобы качаться от наивного доверия к столь же наивному полному недоверию. Суверенный аналитик опирается на то, что можно познать — как бы ограниченно это ни было — и остается честным в отношении того, что остается подлинно неопределенным.

Восстановление суверенного знания В книге «

[Гармоническая эпистемология](#)» выделяется градиент познания, простирающийся от самого внешнего к самому внутреннему: сенсорное, рационально-философское, эмпирическое и созерцательное. Эпистемологический кризис существует потому, что современность ограничила легитимное познание первыми двумя способами — а затем подорвала институты, которые их администрировали.

Восстановление требует восстановления полного эпистемического спектра. Не как отступление от разума к иррациональности, а как расширение того, что считается рациональным — от узкого эмпирико-аналитического способа, которому современность отдает предпочтение, до полного диапазона эпистемических способностей, которыми обладает человек.

Сенсорное познание — непосредственное восприятие через тело и чувства — является основой всего эмпирического знания. Это также способ, наиболее устойчивый к институциональному захвату, поскольку он не требует посредников. Вы можете наблюдать реакцию своего тела на пищу, лекарство, практику. Вы можете ощущать качество воздуха, воды, почвы. Вы можете чувствовать, когда что-то не так в вашем ближайшем окружении. Фармацевтико-промышленный комплекс работает, разрывая эту связь — приучая людей не доверять собственному перцептивному опыту и полагаться на институциональный диагноз. Восстановление суверенитета в области здоровья, зафиксированное в «[Колесо здоровья](#)», начинается с восстановления сенсорного познания: с того, чтобы научиться снова читать собственное тело.

Рационально-философское познание — концептуальное мышление, логика, интегративный синтез — остается необходимым. Но им нужно пользоваться суверенно, а не с покорностью. Разница между человеком, который рассуждает, и человеком, который полагается на рассуждения сертифицированных экспертов, — это разница между эпистемическим суверенитетом и эпистемическим рабством. Инструменты рационального исследования — логика, оценка доказательств, критика источников, структурный анализ — не являются

собственностью институтов. Это способности, которыми обладает каждый человек и которые он может развивать. То, что не удается развить системе образования, суверенный индивид должен развивать самостоятельно.

Опытное знание — знание, полученное через активное участие в жизни, практику и оттачивание внутреннего восприятия — является тем способом познания, который наиболее систематически исключается из современной эпистемологии и наиболее устойчив к манипуляциям. Человек, который постился в течение тридцати дней, знает о теле то, чего не может дать ни одно исследование. Человек, который медитировал в течение десяти лет, знает о сознании то, чего не отражает ни одна статья по нейробиологии. Родитель, воспитавший детей, знает о человеческом развитии то, чего нет ни в одном учебнике по психологии развития. Это знание не является «анекдотическим» в уничижительном смысле — это самая интимная форма эмпиризма, доступная человеку, проверенная с помощью самого чувствительного инструмента: самого человека.

Созерцательное знание — прямое, неконцептуальное восприятие реальности в ее глубинном измерении — это способ, который каждая серьезная традиция мудрости признает высшей эпистемической способностью, доступной человеку, и который современность полностью исключила из своей эпистемологии. Именно через этот способ «[Пять карт души](#)» — индийская, китайская, андская, греческая, авраамическая — пришли к своим сходящимся описаниям анатомии души. Сама по себе эта сходимость является доказательством: пять независимых традиций, использующих разные методы на протяжении разных тысячелетий, пришли к структурно совместимым картам одной и той же территории. Это не совпадение. Это признак реальной области исследования, доступ к которой осуществляется через реальную познавательную способность, порождающую реальное знание.

Интуиция и внутренний компас

В центре этого возрождения стоит способность, которую современность не просто игнорировала, но и активно подавляла: интуиция.

Интуиция, как ее понимает «[Гармонизм](#)», — это не иррациональное чувство и не смутное «чутье». Это способность сознания к непосредственному восприятию, действующая ниже и за пределами дискурсивного интеллекта — способность, посредством которой истина распознается, а не выводится. Она действует как через ум, так и через сердце: интеллектуальная интуиция, которая воспринимает структуру аргумента до того, как он может быть полностью сформулирован, и интуиция сердца, которая воспринимает качество человека, ситуации или утверждения до того, как будут собраны доказательства.

Традиции созерцательности точно описывают эту способность. Индийская традиция локализует её в центре третьего глаза — *Ajna* — в его глубинном регистре: не в поверхностной функции аналитического мышления, а в зародышевой способности к прямому познанию, которую традиция кери называет инстинктом Истины. Андская традиция развивает ту же способность через внутреннего провидца — *ñawi*. Греческая традиция называла это *pois* — интеллектуальная способность, которая непосредственно улавливает первопринципы, без посредничества дискурсивного разума. Три традиции, три методологии, одна способность.

Эта способность не редкость. Она универсальна. Но ее систематически подавляют — система образования, которая воспитывает покорность вместо пронизательности; медийная среда, перенасыщающая внимание шумом; культура, которая высмеивает внутреннее знание как суеверие и вознаграждает только то, что можно внешне проверить через институциональные каналы. Это подавление не случайно. Население с развитой интуицией сразу же уловило бы несогласованность тех управляемых нарративов, которыми его кормят — ведь интуиция, действуя изнутри ([Присутствие](#)), непосредственно «считывает» качество передаваемого сигнала, так же как натренированное ухо улавливает фальшивую ноту, независимо от того, насколько убедительно проходит остальная часть исполнения.

Восстановление интуиции, следовательно, не является дополнением к рациональному исследованию. Оно является его предварительным условием. В среде, где рациональные каналы — СМИ, академические круги, поисковые системы, ИИ — скомпрометированы, способность обходить институциональное посредничество и воспринимать истину напрямую становится не роскошью, а способностью к выживанию. Человек, развивший в себе Присутствие, может отличить сигнал от шума так, как это не сможет повторить никакая «проверка фактов» со стороны скомпрометированных институтов. Им не нужно, чтобы институт говорил им, что является правдой. Они могут это видеть — потому что видение является внутренним актом, который никакая внешняя власть не может ни предоставить, ни отозвать.

Практическое измерение

Эпистемологический кризис не решается с помощью лучших институтов. Институты потерпели неудачу, потому что цивилизация, породившая их, уже утратила философские основы, которые могли бы обеспечить их подотчетность. Восстановление этих основ должно стоять на первом месте.

Для отдельного человека это означает сознательное развитие суверенной эпистемической способности: развитие всех четырех способов познания, укрепление интуиции через созерцательную практику, создание информационных сред, включающих неортодоксальные источники, и поддержание дисциплины подвергать сомнению каждое утверждение — включая те, которые подтверждают существующие убеждения — по его собственным достоинствам.

Для сообществ это означает создание альтернативной инфраструктуры знаний: школ, которые культивируют пронизательность, а не покорность; СМИ, которые информируют, а не управляют; научно-исследовательских институтов, финансируемых теми, кому они служат, а не теми, кого они регулируют. Проект «[Архитектура Гармонии](#)» предоставляет план действий: образование и коммуникация как два из одиннадцати цивилизационных столбов, каждый из которых функционирует в соответствии со своей собственной дхармической логикой, а не служит интересам управления, финансов или управления ресурсами.

Для цивилизации это означает фундаментальную переориентацию того, что считается знанием. Эпистемологическое сужение, породившее кризис, должно быть обращено вспять — не путем отказа от эмпирической науки, которая остается незаменимой в своей собственной сфере, а путем возвращения её на надлежащее место в рамках мультимодальной эпи-

стемологии, которая также уважает эмпирическое, философское и созерцательное знание. Цивилизация, которая восстановит полный спектр эпистемических способностей человека, не будет подвержена воздействию аппарата управления восприятием, потому что ее граждане будут обладать способностями, недоступными для институционального захвата.

Путь нелегкий. Осознание того, что основополагающие предположения, через которые мы воспринимаем мир, были навязаны, а не открыты — что мировоззрение, казавшееся таким же естественным, как дыхание, было сконструировано — действительно дезориентирует. Это требует мужества выйти за пределы консенсуса, смирения, чтобы признать, что тебя обманули, и стойкости, чтобы выдержать социальные последствия несогласия. Но альтернатива хуже: остаться в тюрьме восприятия, стены которой невидимы именно потому, что тебя научили не искать их.

Правда ранит. Но правда освобождает. И освобождение — от программирования, от управляемого консенсуса, от эпистемического рабства, выдаваемого за осознанное гражданство, — является необходимым условием для всего остального, что предлагает «Гармонизм». Человек, который не может видеть ясно, не может присоединиться к «Dharma». Цивилизация, которая не может отличить правду от искусственного консенсуса, не может присоединиться к Logos. Эпистемологический кризис — это не один из многих кризисов. Это кризис, который делает все остальные невидимыми — и поэтому тот, который необходимо решать в первую очередь.

См. также: [Западный разлом](#), [Психология идеологического захвата](#), [Моральное перевертыш](#), [Глобалистская элита](#), [Финансовая архитектура](#), [Трансгуманизм и гармонизм](#), [Гармоническая эпистемология](#), [Пять карт души](#), [Гармонический реализм](#), [Состояние бытия](#), [Управление](#), [Архитектура Гармонии](#), [Колесо здоровья](#), [Финансы и благосостояние](#), [Прикладной гармонизм](#), [Климат, энергетика и экология истины](#), [Dharma](#), [Logos](#), [Присутствие](#)

ЧАСТЬ II

Захват

*How the fracture was exploited and
institutionalized.*

Глобалистская элита

Структурный аргумент

ФРАЗА «ГЛОБАЛИСТСКАЯ ЭЛИТА» настолько тщательно была превращена в оружие как ее критиками, так и защитниками, что структурная реальность, которую она обозначает, стала практически невидимой. В мейнстримном дискурсе это понятие рассматривается как теория заговора — удел чудаков и популистов, неспособных принять сложность современного управления. В популистском дискурсе оно трактуется как демоническая клика — теневые фигуры, дергающие ниточки за кулисами каждого события, не подверженные ошибкам и скоординированные в каждой мелочи. Обе эти интерпретации выполняют одну и ту же функцию: они препятствуют структурному анализу, который сделал бы эту систему понятной. В книге «

[Гармонизм](#)» утверждается, что глобалистская элита — это ни заговор, ни вымысел. Это предсказуемое институциональное воплощение цивилизационного порядка, устранившего все ограничения — онтологические, этические и структурные — на концентрацию богатства и осуществление власти, оторванной от подотчетности. Когда номинализм распустил универсалии, на которых основывалось понятие справедливости (см. [Основы](#)), когда Просвещение отделило политическую власть от любого трансцендентного порядка, когда финансовая архитектура приватизировала само создание денег (см. [Финансовая архитектура](#)) — появление транснационального класса, действующего выше национального суверенитета и ниже общественной видимости, не было отклонением от системы. Это был логический конец системы.

Вопрос не в том, координируют ли свои действия влиятельные люди. Вопрос в том, какие структурные условия делают такую координацию возможной, какие институциональные формы она принимает и какая философская основа необходима, чтобы признать её, не впадая ни в наивность, ни в паранойю.

Финансовые династии

Ротшильды

Семья Ротшильдов является прототипом транснациональной финансовой власти — не потому, что это самая богатая семья в мире (хотя их совокупное состояние, распределенное между сотнями потомков и десятками трастов, остается огромным и намеренно непрозрачным), а потому, что они были пионерами структурной модели, которой следовала каждая последующая финансовая династия: действовать через границы, финансировать прави-

тельства, а не служить им, и обеспечивать, чтобы интересы семьи никогда не сводились к политике какой-либо одной страны.

Пять сыновей Майера Амшеля Ротшильда, размещенных в Лондоне, Париже, Франкфурте, Вене и Неаполе, создали первую подлинно международную банковскую сеть — такую, которая могла финансировать Наполеоновские войны обеих сторон одновременно, извлекать прибыль из заблаговременной информации о военных результатах и выйти из конфликта, обладая структурным влиянием на Банк Англии, Banque de France и государственные финансы Австрии. Эта модель не заключалась в «контроле над правительствами» в смысле манипулятора. Она имела гораздо более далеко идущие последствия: создание таких финансовых условий, в рамках которых действуют правительства, при этом государственная политика — независимо от идеологии — должна учитывать интересы класса кредиторов.

Современное присутствие Ротшильдов распределено между Rothschild & Co (консультационные услуги и управление капиталом), Edmond de Rothschild Group, обширные виноградники и благотворительные сети, пересекающиеся со всеми крупными глобалистскими координационными органами. Сегодня влияние семьи заключается не столько в прямом финансовом контроле, сколько в институциональной укорененности — сети отношений, консультативных должностей и структурного доступа, которые были созданы за два века стратегического позиционирования. Ошибка заключается либо в том, чтобы отмахнуться от этого влияния как от несущественного (мейнстримная позиция), либо в том, чтобы приписывать каждое глобальное событие интригам Ротшильдов (конспирологическая позиция). Реальность носит структурный характер: семья занимает в глобальной финансовой архитектуре положение, которое дает ей влияние, несоразмерное ее видимому присутствию, именно потому, что эта архитектура была построена, в значительной степени, вокруг институтов, которые они помогли создать.

Рокфеллеры и модель фонда

Если Ротшильды были пионерами транснационального банковского дела, то семья Рокфеллеров стала пионером в не менее значимом деле: создании благотворительных фондов как инструмента структурной власти. Монополия Джона Д. Рокфеллера была разбита антимонопольными мерами в 1911 году — но накопленное ею богатство было перенаправлено в Фонд Рокфеллера (1913), Институт медицинских исследований Рокфеллера (ныне Университет Рокфеллера), Совет по общему образованию и Совет по международным отношениям (соучрежден в 1921 году). Идея была структурной: прямая корпоративная монополия вызывает сопротивление со стороны регулирующих органов; благотворительное влияние на образование, медицину и внешнюю политику — нет, поскольку оно действует под прикрытием общественной пользы.

Влияние Фонда Рокфеллера на современную медицину — финансирование доклада Абрахама Флекснера 1910 года, который реорганизовал американское медицинское образование вокруг фармацевтической аллопатической медицины, маргинализовав гомеопатические, натуропатические и эклектические традиции — является примером того, как финансирование фонда формирует целые области. Фонд не подавлял альтернативную медицину силой. Он финансировал институциональную структуру, которая сделала фармацевтиче-

скую медицину единственной легитимной формой — и затем эта институциональная структура самостоятельно осуществляла подавление на протяжении поколений, задолго после того, как первоначальное решение о финансировании было забыто.

В этом заключается основной механизм модели фонда: финансируйте структуру, и структура будет увековечивать интересы без дальнейшего вмешательства. Она действует точно так же в образовании, общественном здравоохранении, сельском хозяйстве и внешней политике.

Фонд Гейтсов и захват глобального здравоохранения

Билл Гейтс и Фонд Билла и Мелинды Гейтс представляют собой современный апофеоз модели Рокфеллера. ФондЕго капитал в размере около 70 миллиардов долларов делает его крупнейшим частным фондом в мире. Финансирование им Всемирной организации здравоохранения (второй по величине донор после США, а порой и крупнейший, если учитывать добровольные взносы) дает ему структурное влияние на глобальную политику в области здравоохранения, которым не обладает ни один избранный чиновник нигде в мире.

Эта модель — модель Рокфеллера в планетарном масштабе: финансируй институциональную структуру, и эта структура будет обеспечивать сохранение интересов. Финансирование Фонда Гейтса определяет, какие заболевания становятся объектом исследований, какие меры принимаются, какие показатели здоровья измеряются и чьи голоса усиливаются в глобальном дискурсе о здравоохранении. Масштабные инвестиции Фонда в программы вакцинации, GAVI (Альянс по вакцинам) и Коалицию по инновациям в области готовности к эпидемиям (CEPI) создают структурный уклон в сторону фармацевтических мер как основного способа обеспечения глобального здравоохранения — точно такой же уклон, какой Фонд Рокфеллера создал в американской медицине столетие назад. Питание, санитария, традиционная медицина, иммунная устойчивость — меры, которые нельзя запатентовать, масштабировать с помощью корпораций или контролировать через интеллектуальную собственность — получают лишь долю внимания.

Одновременные инвестиции Гейтса в Monsanto/Bayer в области сельскохозяйственных технологий, синтетических заменителей мяса и систем цифровой идентификации создают слияние интересов, которое не санкционировано никаким демократическим процессом и не регулируется никаким механизмом подотчетности. Структурный вопрос заключается не в том, намеревается ли Гейтс причинить вред — намерения не имеют отношения к структурному анализу — а в том, должен ли какой-либо отдельный человек или семья обладать властью формировать глобальное здравоохранение, сельское хозяйство и цифровую инфраструктуру через неподотчетный механизм филантропического финансирования.

Форумы по координации

Всемирный экономический форум

Всемирный экономический форум (ВЭФ) Клауса Шваба, основанный в 1971 году, функционирует как наиболее заметный координационный механизм для глобалистской элиты — платформа, на которой руководители корпораций, главы государств, руководители центральных банков и лидеры НПО собираются для согласования политики в различных секторах и за пределами национальных границ. Программа «Молодые глобальные лидеры», которая подготовила таких участников, как Эммануэль Макрон, Джастина Трюдо, Джасинды Ардерн и десятки других национальных лидеров, — это не заговор, а открытая, задокументированная программа отбора элиты и идеологического согласования. Заговор здесь не нужен: когда вы обучаете следующее поколение лидеров в рамках общей концепции, координация происходит сама собой.

Книги Шваба *«Великий перезапуск»* (2020) и *«Четвертая промышленная революция»* ясно описывают повестку дня: «капитализм заинтересованных сторон», заменяющий капитализм акционеров (что на практике означает замену демократического управления корпоративным), слияние физической, цифровой и биологической сфер (что на практике означает распространение цифрового надзора на само тело — см. [Трансгуманизм и гармонизм](#)) и реструктуризацию глобальных систем вокруг показателей устойчивости, определенных ВЭФ и его партнерами. Формулировки носят гуманитарный характер. Структурным результатом является передача управления от подотчетных национальных институтов к неподотчетным транснациональным сетям.

Группа Бильдерберг

Группа Бильдерберг, собирающаяся ежегодно с 1954 года, объединяет 120–150 политических лидеров, министров финансов, руководителей центральных банков, руководителей СМИ и генеральных директоров корпораций в соответствии с правилами Чатем-Хауса — ничто из обсуждаемого не может быть приписано какому-либо участнику. В отличие от ВЭФ, который стремится к публичной видимости, «Бильдерберг» действует в условиях намеренной непрозрачности. Протоколы не публикуются. Резолюции не объявляются. Список участников раскрывается, но содержание обсуждений остается конфиденциальным.

Структурная функция заключается в согласовании — обеспечении того, чтобы лица, принимающие решения в различных секторах и странах, пришли к общему пониманию, прежде чем вернуться в свои учреждения и приступить к реализации политики. Это не директивная иерархия. Это механизм формирования консенсуса: как только достигнуто согласие, каждый участник реализует его в рамках своих институциональных полномочий, создавая видимость независимого сближения позиций.

Совет по международным отношениям и Трехсторонняя комиссия

Совет по международным отношениям (CFR), основанный в 1921 году на средства Рокфеллера, на протяжении столетия является основной кузницей американской внешней поли-

тики. С момента его основания в число его членов входили практически все государственные секретари, советники по национальной безопасности, директора ЦРУ и министры финансов. CFR не «контролирует» американскую внешнюю политику — он предоставляет интеллектуальную основу, кадровый резерв и варианты политики, из которых выбирается американская внешняя политика. Это различие имеет значение: контроль подразумевает внешнюю силу; CFR же является частью внешнеполитического истеблишмента. Он *и есть* этот истеблишмент в институциональной форме.

Трехсторонняя комиссия, основанная в 1973 году Дэвидом Рокфеллером и Збигневом Бжезинским, распространила эту модель на трехстороннюю координацию между Северной Америкой, Европой и Японией (позже расширенную с включением других регионов). В своей книге 1970 года *Между двумя веками* Бжезинский четко изложил эту концепцию: «технетронная эра», в которой традиционный суверенитет уступает место транснациональному управлению со стороны элиты, способной управлять глобальной сложностью. Комиссия не скрывала своей цели. Она открыто ее формулировала — будучи уверенной, что общественность либо не прочитает это изложение, либо не поймет его последствий.

Джордж Сорос и сеть «Открытое общество»

Фонды «Открытое общество» (OSF), действующие в более чем 120 странах с совокупными расходами, превышающими 32 миллиарда долларов, представляют собой особый способ влияния элиты: идеологический захват гражданского общества. В то время как Фонд Гейтса действует в сфере здравоохранения и технологий, а Фонд Рокфеллера — в сфере образования и внешней политики, сеть Сороса действует через финансирование НПО, медиа-организаций, прокуроров, судей и сетей активистов, которые перестраивают правовой, культурный и политический ландшафт целевых стран.

В цветных революциях — Грузия (2003), Украина (2004, 2014) и другие — организации, финансируемые OSF, неизменно играли ведущую роль. Внутри США финансирование OSF кампаний окружных прокуроров изменило политику в области уголовного правосудия в крупных городах. Механизм тот же, что и в модели Рокфеллера/Гейтса: финансируй институциональную структуру, и она сделает всю работу. Явное философское приверженность Сороса «открытому обществу» Карла Поппера — обществу, отвергающему все претензии на трансцендентную истину и управляющему собой посредством критического рационализма — является идеологическим дополнением к структурной логике финансовой архитектуры: общество, лишённое онтологической основы, не может противостоять переопределению своих ценностей теми, кто финансирует институты, определяющие эти ценности.

Тайные общества и братские сети

Роль тайных обществ в архитектуре глобалистской власти — это тот момент, где структурный анализ легче всего сбивается с пути — либо в сторону отрицания («тайных обществ не существует»), либо в сторону фантазий («тайные общества контролируют всё»). Структур-

ная реальность более прозаична и имеет более серьезные последствия, чем допускает любая из этих позиций.

Масонство, старейшая и наиболее распространенная братская сеть, исторически обеспечивало уровень координации для представителей элиты, действующих через национальные границы. Его роль в Американской и Французской революциях, создании центральных банков и архитектуре международных институтов задокументирована, а не является предметом спекуляций. Ценность этой сети не в магии или оккультизме — она структурна: общее посвящение, общий символический язык и общая обязанность взаимной помощи создают доверие и координацию между членами, которые в противном случае могли бы остаться незнакомцами. В эпоху до появления телекоммуникаций это было чрезвычайным преимуществом. В современную эпоху эта функция в значительной степени была поглощена описанными выше координационными форумами — но братский принцип остается действующим: общее посвящение создает преференциальное доверие.

Skull and Bones в Йеле, Bohemian Club в Калифорнии и подобные элитные сети функционируют одинаково: они создают сплоченность внутри группы, общие рамки и взаимные обязательства между людьми, которые займут позиции институциональной власти. «Секрет» заключается не в какой-то скрытой доктрине. Секрет — это сама сеть, а именно тот факт, что люди, возглавляющие конкурирующие учреждения, противостоящие друг другу политические партии и номинально независимые медиаорганизации, связаны узами личной лояльности и взаимных обязательств, сформированных в их юности. Для координации не требуются директивы. Требуется лишь общее воспитание.

Сеть Клинтонов как пример из практики

Фонд Клинтонов и более широкая политическая сеть Клинтонов представляют собой современный пример того, как различные направления — финансовое, благотворительное, политическое и связанное с разведкой — сходятся в едином институциональном узле. Фонд одновременно функционировал как благотворительная организация, дипломатический «задний канал», платформа для корпоративного нетворкинга и механизм сбора политических пожертвований. Список его доноров пересекался с дипломатической деятельностью Государственного департамента во время пребывания Хиллари Клинтон на посту госсекретаря — это слияние было зафиксировано в утечке электронных писем и расследовано (хотя и не преследовалось в судебном порядке) федеральными властями.

Структурный урок заключается не в том, что Клинтоны являются исключительно коррумпированными. Он заключается в том, что институциональная архитектура — в которой одни и те же люди занимают должности в правительстве, благотворительности, корпоративном консультировании и СМИ — делает такое слияние неизбежным. Сеть Клинтонов — это просто особенно заметный пример структурной модели, действующей во всей элите: одни и те же люди, в разных институциональных ролях, преследуют согласованные интересы через каналы, которые технически разделены, но операционно слиты.

Диагноз «Гармониста» Книга «

[Гармонизм](#)» не рассматривает глобалистскую элиту как моральный провал отдельных личностей. Она рассматривает ее как цивилизационное следствие философской ошибки — той самой ошибки, которая прослеживается на протяжении всей этой серии.

Когда номинализм распустил универсалии, лежащие в основе концепции общего блага, управление стало состязанием интересов, а не согласованием с трансцендентным порядком. Когда Просвещение отделило власть от Божественного промысла ([Dharma](#)), политическая власть превратилась в технологию, которую нужно захватить, а не в ответственность, которую нужно осуществлять в согласии с Божественным промыслом ([Logos](#)). Когда финансовая архитектура приватизировала создание денег (см. [Финансовая архитектура](#)), сконцентрированное богатство приобрело структурную способность действовать выше национального суверенитета. А когда идеологический захват образования и СМИ (см. [Психология идеологического захвата](#)) обеспечил, что население не сможет распознать эту архитектуру — поскольку концептуальные инструменты для ее распознавания были исключены из учебных программ — эта система стала самоподдерживающейся.

Глобалистская элита — это не аномалия. Это конечная точка цивилизации, которая постепенно отказалась от всех принципов, ограничивающих власть — принципа, согласно которому власть должна служить общему благу ([Dharma](#)), принципа, согласно которому богатство должно циркулировать, а не концентрироваться ([Ayni](#)), принципа, согласно которому управление должно быть подотчетно порядку, превосходящему его собственные интересы ([Logos](#)). В отсутствие этих принципов концентрация власти — это не заговор. Это сила притяжения.

Что упускают из виду и конспирологи, и мейнстрим

Конспирологическая интерпретация — «они» дергают за ниточки — упускает из виду структурный характер этой системы. Никакая клика ничего не координирует. Координация возникает из общих классовых интересов, общей институциональной структуры, общих идеологических рамок и структурных стимулов, поощряющих согласованность действий. Отдельные участники сети часто не соглашаются друг с другом, конкурируют и преследуют противоположные цели. Власть сети не зависит от единства намерений. Она зависит от единства структурных позиций.

Мейнстримная интерпретация — «нет скоординированной элиты» — упускает институциональную реальность. Форумы координации существуют. Сети финансирования задокументированы. «Вращающиеся двери» между правительством, финансами, филантропией и СМИ видны любому, кто посмотрит. Отрицание существования скоординированных действий элиты требует игнорирования институтов, явно созданных для этой цели — институтов, которые публикуют свои списки участников, ведут собственные веб-сайты и излагают свои программы в книгах, доступных на Amazon.

Позиция гармонистов учитывает обе реальности одновременно: координация реальна и поддается документированию, и она носит структурный, а не конспиративный характер. Поэтому решение заключается не в выявлении и устранении «плохих игроков» — их место

немедленно займут новые — а в восстановлении философской, институциональной и экономической основы, предотвращающей возникновение такой концентрации.

Решение

Ответ гармонистов — это не популистское возмущение. Это архитектурная реконструкция.

Восстановить онтологическую основу. Глобалистская элита действует в философском вакууме — цивилизация, не имеющая общего понятия общего блага, не может противостоять тем, кто определяет общее благо в соответствии со своими интересами. Восстановление «[Logos](#)» (закон, превосходящий человеческую волю) в качестве основы управления — признание того, что политическая власть легитимна только в той мере, в какой она согласуется с порядком, превосходящим человеческую волю, — не является призывом к теократии. Это призыв к тому же принципу, который признавала каждая традиционная цивилизация: власть должна служить чему-то, выходящему за ее пределы, иначе она становится хищнической (см. [Моральное перевертыш](#)).

Структурно децентрализовать власть. Глобалистская элита черпает свою власть из централизации — централизованного создания денег, централизованных СМИ, централизованных цепочек поставок, централизованного управления. Архитектура гармонизма «[От-ветственное управление](#)» и субсидиарности переворачивает это: управление на максимально локальном уровне, экономическая самодостаточность на уровне сообщества (см. [Новый Акр](#)), денежный суверенитет через общинные валюты и децентрализованные системы, плюрализм СМИ через независимую инфраструктуру.

Сделать координацию видимой. Сами по себе форумы не являются проблемой — координация между лидерами неизбежна и часто необходима. Проблема заключается в неподотчетной координации: встречи по правилу Чатем-Хаус, согласование политики без публичного обсуждения, кадровые каналы, функционирующие вне демократического отбора. Лекарство — радикальная прозрачность: раскрытие информации о каждой встрече политических и экономических лидеров, обнародование всех финансовых связей, тщательная проверка каждого назначения по принципу «вращающихся дверей». Не потому, что прозрачность устраняет власть — это не так — а потому, что она делает власть понятной, а понятная власть — это подотчетная власть.

Создавайте параллельные институты. Самым прочным достижением глобалистской элиты является захват институтов — колонизация университетов, СМИ, организаций здравоохранения и органов управления с помощью общей идеологической рамки. Ответ заключается не в борьбе за контроль над захваченными институтами (битва, ведущаяся на их территории по их правилам), а в создании новых — институтов, основанных на принципах «Dharma», структурированных по принципу «[Архитектура Гармонии](#)» и подотчетных сообществам, которым они служат. Это работа целого поколения, а не одного политического цикла.

Глобалистская элита не непобедима. Это структура — а структуры можно заменить лучшими структурами. Но для замены требуется то, чего не могут дать ни популизм, ни прогрессизм: философская основа, с которой видна вся система, диагноз, основанный на структурном, а не конспирологическом подходе, и конструктивная альтернатива, которая устраняет не только симптомы — неравенство, коррупцию, эрозию демократии — но и корень: цивилизацию, забывшую, для чего нужна власть.

См. также: [Финансовая архитектура](#), [Капитализм и гармонизм](#), [Мировой экономический порядок](#), [Западный разлом](#), [Основы](#), [Моральное перевертыш](#), [Психология идеологического захвата](#), [Либерализм и гармонизм](#), [Коммунизм и гармонизм](#), [Трансгуманизм и гармонизм](#), [Архитектура Гармонии](#), [Гармонизм](#), [Logos](#), [Dharma](#), [Ajñi](#), [Ответственное управление](#), [Прикладной гармонизм](#)

Криминальные сети

Криминальная сеть — это не отсутствие порядка. Это порядок особого рода — паразитический, перевернутый, но целостный — который возникает там, где легитимная суверенность ослабла и Logos больше не регулирует ситуацию. Там, где государство не может выносить решения, их выносят криминальные сети. Там, где государство не может взимать налоги, они взимают налоги. Там, где государство не может обеспечить исполнение договоров, они обеспечивают их исполнение с помощью своей собственной валюты — страха. Кодекс мафии, *омерта*, территориальная дисциплина картеля — все это *негативная версия Dharma*, та же архитектурная функция привязки общества к кодексу, но перевернутая во всех отношениях: кодекс служит паразиту, а не целому, дисциплина служит хищничеству, а не возделыванию, привязка служит захвату, а не свободе. Чтобы диагностировать преступные сети, сначала нужно отказаться от либеральной рамки, которая рассматривает их как отклонение от здорового порядка. Они не являются отклонением. Они — то, что заполняет пустоту, когда подлинный порядок сгнил изнутри.

Это первый шаг. Второй — увидеть, что сегодня преступные сети не существуют параллельно легитимной институциональной архитектуре — они проникают в нее. Фармацевтический конгломерат отмывает деньги картеля через корреспондентские отношения; картель покупает судебную защиту, которую продает само государство; офшорная юрисдикция, скрывающая преступный траст, скрывает в том же механизме взятку политика и уклонение корпорации от уплаты налогов; спецслужба, отслеживающая контрабандиста, также использует его в качестве агента. «Преступное» и «легитимное» — это не соседние зоны, разделенные границей. Это две стороны одной финансово-политической архитектуры, которую структурно сделал возможным глобалистский порядок, сложившийся после 1971 года. Поэтому диагностика преступного мира неотделима от диагностики того порядка, который сделал этот мир таким обширным, богатым и устойчивым. Оба явления — это одно и то же, рассматриваемое с двух точек зрения.

Глобальная типология

Крупные преступные сети не являются взаимозаменяемыми. Каждая несет генетическую отпечаток той цивилизации, из которой она возникла — ее этическую структуру, логику родства, теологию лояльности, отношение к насилию — и эти различия имеют значение для того, как каждая сеть функционирует и чем она может быть вытеснена.

‘Ндрангета из Калабрии — самая богатая и влиятельная организованная преступная сеть в Европе и, возможно, в мире. Построенная на основе расширенных семейных *‘ndrine*, где межсемейные браки служат структурным цементом, она контролирует примерно 60% кокаина, поступающего в Европу через порт Джоя-Тауро, и действует с такой дисциплиной, что более века сопротивляется проникновению государства. Три другие традиционные мафии Италии — Коза Ностра на Сицилии, Каморра в Неаполе, Sacra Corona Unita в Апулии — раз-

деляют субстрат *средиземноморской клановой чести*, но различаются по структуре: Коза Ностра была иерархически организована вокруг Куполы до судебных преследований Фальконе и Борселлино в 1980-х и 90-х годах; Каморра представляет собой плоскую констелляцию враждующих кланов в густонаселенном городском Неаполе; SCU появилась поздно, в 1980-х годах, изначально как вспомогательная структура по контрабанде албанцев.

Мексиканские картели являются современной вершиной преступных организаций, живущих в симбиозе с государством. Картель Синалоа — наследник первоначального картеля Гвадалахары, доминировавшего в 1980-х годах под руководством Мигеля Анхеля Феликса Галлардо — является наиболее институционально укорененным, с задокументированным проникновением в федеральную полицию, вооруженные силы и политическую элиту, уходящим корнями к *делу ДЕА-Камарена* 1985 года. Картель Халиско Нового Поколения (CJNG) возник в результате фрагментации 2009 года как главный соперник картеля Синалоа, более милитаризованный по своему характеру и готовый к прямой конфронтации с государством. Картель «Golfo» и его отколовшаяся ударная группа «Los Zetas» (бывшие мексиканские спецназовцы) в середине 2000-х годов ввели в практику жестокость, свойственную военизированным формированиям, нормализовав публичное зрелищное насилие — обезглавливания, расчлененные тела — чего старые сети избегали. «Ла Фамилия Мичоакана» и ее преемник «Лос Кабальерос Темплариос» соединили наркотрафик с идеологической оболочкой, представляющей собой смесь пятидесятничества и ордена тамплиеров, продемонстрировав, как преступные сети эволюционируют в сторону структур, придающих себе псевдoleгитимность религиозного характера, когда они удерживают территорию достаточно долго.

Бразильские сети организованы как фракции, зародившиеся в тюрьмах: «Primeiro Comando da Capital» (PCC), основанная в тюрьме Карандиру в Сан-Паулу в 1993 году, и «Comando Vermelho» (CV), основанная в тюрьме Илья-Гранде в Рио в конце 1970-х годов. Обе управляют своими территориями изнутри тюремной системы с помощью мобильных телефонов, которые туда проносят контрабандой или просто терпят. PCC расширила свою деятельность на Парагвай, Боливию и Западную Африку, став трансконтинентальным кокаиновым трафикантом, соперничающим по объемам с мексиканскими картелями. Бразильский случай демонстрирует особую патологию — тюрьму как университет криминальной организации — которую США начинают копировать.

Колумбийский после Пабло Эскобара и после картеля Кали раздробилась на Клан-дель-Гольфо (крупнейшую современную колумбийскую сеть, ранее известную как Лос-Урабенос), партизанско-наркоторговцев ELN, диссидентов FARC-EP, отказавшихся от мирного соглашения 2016 года, и созвездие региональных банд. Производство кокаина в Колумбии достигло исторического максимума в 2023–24 годах, отчасти потому, что подход правительства Петро к мирным переговорам снял военное давление, сдерживавшее производство при Урибе и Сантосе.

Традиция **российской** организованной преступности выросла из советского *вор в законе* — касты «воров в законе», которая имела свой собственный сложный кодекс, грамматику татуировок и генеалогию тюремной системы. Солнцевская братва стала доминирующей постсоветской сетью наряду с Тамбовской в Санкт-Петербурге и Измайловской в Москве.

Слияние после 1991 года *воров*, бывших офицеров КГБ и интересов олигархов-бизнесменов породило нечто подлинно новое: гибрид преступности, разведки и бизнеса, для которого Запад так и не разработал эквивалентных аналитических категорий. Семен Могилевич, обвиняемый ФБР, но открыто проживающий в Москве, является типичным представителем этого типа — финансовым оператором, чьи функции в преступном и легальном мирах неотличимы.

Китайские триады — 14K, Sun Yee On, Wo Shing Wo — исторически действовали из Гонконга как глобальные сети по незаконному обороту и подделке. После передачи Гонконга отношения с Пекином стали непрозрачными: существенные доказательства указывают на то, что аппарат КПК-МСБ использует структуры триад для зарубежных операций, которые государство не может проводить напрямую, особенно в Юго-Восточной Азии и китайских кварталах по всему миру. «Большие мальчики круга» (Dai Huen Jai), изначально красногвардейцы Народно-освободительной армии, профессионализировались в Гонконге в 1980-х годах и теперь ведут транснациональную деятельность по контрабанде прекурсоров фентанила — торговле, в которой участие Китая на уровне поставок химикатов стало центральным исходным узлом североамериканской опиоидной катастрофы.

Японская якудза — Ямагути-гуми, Сумиёси-кай, Инагава-кай — представляет собой наиболее институционально легитимную преступную сеть в современном мире. До тех пор, пока реформы не начали ограничивать их деятельность в 2010-х годах, они действовали, имея государственные должности, визитные карточки, публикации в журналах и выполняя функцию защитников общества во время бедствий (наиболее заметным примером является землетрясение в Тохоку 2011 года). Якудза унаследовала глубокие корни эпохи Эдо — *бакуто* (ассоциации азартных игр) и *текия* (гильдии разносчиков), и ее самоопределение как *нинкё дантай* (рыцарская организация) — не просто притворство, а отражение подлинной преемственности досовременных японских гильдий и институтов изгоев. Современная якудза переживает резкий упадок: с 2007 года число её членов сократилось вдвое, отчасти потому, что умиротворённый социальный порядок Японии больше не нуждается в той функции, которую она когда-то выполняла.

Албанская мафия, израильские сети организованной преступности (семья Абергил, организация Зеева Розенштейна), **нигерийские братства** (Black Axe, Aiyе, Bussapeers — изначально университетские братства, которые трансформировались в транснациональные экосистемы мошенничества, торговли людьми и ритуальной магии), **индийская D-Companу** (сеть Давуда Ибрагима, укрывающаяся в Пакистане и имеющая документально подтвержденные связи с ISI), **центральноамериканские мары** (MS-13, Barrio 18 — основной объект рассмотрения в случае Сальвадора ниже), **мотоциклетные клубы-аутлоу** (Hells Angels, Bandidos, Outlaws — значимые в Австралии, Канаде, Скандинавии, Германии), **болгарские сети организованной преступности**, сформировавшиеся после реструктуризации государственной безопасности после 1989 года, и **северокорейский государственно-криминальный аппарат**, который занимается производством метамфетамина, подделкой валюты и кражей криптовалюты в качестве деятельности, финансируемой из государственного бюджета — каждая из этих групп добавляет еще одну текстуру в глобальный ландшафт.

Эта типология показывает, что организованная преступность — это не единое явление, а набор структур, возникающих везде, где сосуществуют определенные условия: ослабленная государственная монополия на насилие, плотная неформальная экономика, родственные или братские организационные основы и доступ к глобально взаимозаменяемым нелегальным рынкам. *Форма*, которую принимает сеть, определяется цивилизационным субстратом; *факт* существования какой-либо такой сети вытекает из архитектурных условий.

Виды торговли

Сети не определяются тем, чем они торгуют. Виды торговли являются поверхностным проявлением лежащей в основе способности организовывать незаконный поток ценностей. Но сами виды торговли имеют значение, потому что они определяют, какие сети становятся достаточно богатыми, чтобы захватить государства.

Кокаин — это тот вид торговли, который построил современное богатство мексиканских картелей и европейское господство «Ндрангеты». Цепочка поставок проходит от культивирования в Андах (Колумбия, Перу, Боливия) через перевалочные узлы (в последние годы центральным стал порт Гуаякиль в Эквадоре) до потребления в Северной Америке и Европе, причем бразильская РСС и западноафриканские транзитные сети (Гвинея-Бисау как типичный наркогосударство) выступают в качестве ключевых посредников. **Героин и синтетические опиоиды** — когда-то доминировавшие в «Золотом треугольнике» и «Золотом полумесяце», теперь в подавляющем большинстве *прекурсоры фентанила* поставляются из китайской химической промышленности — являются причиной катастрофического роста числа передозировок в Северной Америке, унесшего жизни более миллиона американцев с 2000 года. **Метамфетамин** с 2010 года стремительно набирает обороты во всем мире: в Западном полушарии доминирует мексиканское производство, а штат Ва в Мьянме производит крупнейшие в мире объемы для азиатских рынков.

Торговля людьми подразделяется на торговлю людьми в целях сексуальной эксплуатации, торговлю людьми в целях трудовой эксплуатации и остаточную, но задокументированную торговлю органами. Сети, управляющие этими потоками, часто пересекаются с наркосетями (одинаковая логистическая инфраструктура, одинаковая система защиты), но моральный ужас превосходит даже наркоторговлю, поскольку товаром являются люди, находящиеся в условиях рабства. По оценкам Международной организации труда, численность рабского населения в мире составляет примерно 50 миллионов человек, из которых 28 миллионов подвергаются принудительному труду, а 22 миллиона — принудительному браку. **Незаконный ввоз мигрантов** — отличающийся от торговли людьми тем, что мигрант является платящим клиентом, а не пленником — стал многомиллиардным предприятием, действующим через Средиземное море, Сахару, пролив Дарие и все чаще через белорусско-польскую границу в качестве гибридной системы государственно-криминального оружия.

Торговля оружием протекает в двух направлениях: из американских оружейных магазинов в арсеналы мексиканских картелей (*железная река*, устремленная на юг) и из запасов советского периода в Восточной Европе и на Кавказе в зоны конфликтов по всему миру.

Сеть Виктора Бута была типичным примером до его ареста в 2008 году; функции, которые он выполнял, теперь выполняют менее заметные операторы. ****Незаконная торговля дикими животными** — панголины, слоновая кость, рог носорога, пузыри тотоабы, певчие птицы, экзотические рептилии — ведется в основном из экологических зон Африки и Юго-Восточной Азии на потребительские рынки Китая, Вьетнама и, все чаще, арабских стран Персидского залива, часто используя ту же логистическую инфраструктуру, что и поставки наркотиков.

Контрафактная продукция является крупнейшим по объему сегментом незаконной торговли, в котором доминирует китайское производство фармацевтических препаратов, электроники, предметов роскоши и авиационных запчастей. Торговля поддельными лекарствами ежегодно уносит жизни тысяч людей из-за фальшивых препаратов от малярии и антибиотиков на африканских рынках. **Незаконная добыча полезных ископаемых** — в частности, золота в бассейне Амазонки и Африке, лития в Латинской Америке и редкоземельных элементов по всему миру — стала важнейшим источником дохода для картелей, диссидентов ФАРК, НОА и операторов, связанных с китайским государством. **Незаконная вырубка лесов и незаконный промысел рыбы** (особенно китайскими флотами дальнего плавания в водах Западной Африки и Латинской Америки) разрушают экосистемы, одновременно генерируя потоки товаров, которые попадают в легальные цепочки поставок с помощью поддельных документов.

Киберпреступность — программы-вымогатели, взлом деловой электронной почты, романтические аферы, мошенническая схема «свинобойни», управляемая из городов-комплексов Юго-Восточной Азии, укомплектованных работниками, ставших жертвами торговли людьми, — стала самой быстрорастущей категорией незаконных доходов и той, в которую проникнуть проще всего. Только выплаты выкупа за выкуп превысили 1 миллиард долларов в 2023 году. Комплексы «свинобойни» в Камбодже, Мьянме и Лаосе представляют собой новую структурную форму: слияние торговли людьми и киберпреступности в *промышленных масштабах*, где одни и те же жертвы одновременно являются поработочными рабочими и операционной инфраструктурой глобальной экономики мошенничества.

Отмывание денег само по себе — это торговля, услуга по преобразованию незаконных доходов в видимо легальные активы. Основными инструментами отмывания являются недвижимость (Лондон, Ванкувер, Майами, Дубай), рынок искусства и антиквариата, казино (исторически Макао, Лас-Вегас, австралийские операторы), отмывание на основе торговли (завышение и занижение стоимости в счетах) и криптомиксеры (Tornado Cash подвергся санкциям в 2022 году, Sinbad — в 2023 году, но функция сохраняется). Профессиональные посредники — юристы, бухгалтеры, риелторы, сотрудники банков по комплаенсу, которые не соблюдают правила — составляют *класс «стражей»*, который стал структурно встроенным в западные финансовые центры.

Архитектура содействия

Одни только сделки не объясняют устойчивость и масштабы современных преступных сетей. Объяснением служит финансово-правовая-технологическая архитектура, сформиро-

вавшаяся вокруг глобалистского порядка, сложившегося после Бреттон-Вудса, — архитектура, которая одновременно обеспечивала легитимную мобильность капитала и незаконные потоки, поскольку два требования — беспрепятственное движение капитала, непрозрачная собственность и мягкое регулирование — оказались одними и теми же.

Система офшорных юрисдикций является несущей финансовой инфраструктурой. Британские заморские территории (Каймановы острова, Британские Виргинские острова, Бермуды, Теркс и Кайкос) и зависимые территории Короны (Джерси, Гернси, остров Мэн) составляют крупнейшую офшорную сеть в мире, управляя примерно половиной всего офшорного богатства. К ним можно добавить Швейцарию (несмотря на недавние реформы), Люксембург, Сингапур, Гонконг, Кипр, Мальту, Панаму и сами Соединенные Штаты — в частности, Делавэр, Неваду и Южную Дакоту, которые, как показали «Документы Пандоры», стали предпочтительными юрисдикциями для отмывания денег для мировых элит после ужесточения карибских норм раскрытия информации. Подставная компания в налоговой гавани с номинальными директорами и акциями на предъявителя или трастовыми структурами, скрывающими бенефициарного владельца, является базовым элементом архитектуры отмывания денег. По оценкам, в мире насчитывается 30 миллионов подставных компаний; реформы ФАТФ и ОЭСР, проводившиеся на протяжении двух десятилетий, улучшили прозрачность на периферии, не разрушив систему, поскольку она служит не только преступникам, но и всему глобальному капиталу. Преступное использование является паразитическим по отношению к законному использованию элитой, и эту архитектуру невозможно устранить, не устранив последнюю.

Система корреспондентских отношений — это канал, по которому ликвидность в долларах (и в меньшей степени в евро) циркулирует по всему миру. Несколько крупных западных банков — JPMorgan Chase, Citigroup, HSBC, Standard Chartered, Deutsche Bank, BNP Paribas — предоставляют корреспондентские услуги тысячам более мелких банков по всему миру. Это концентрирует узкие места, которые правоохранительные органы США теоретически могли бы использовать против незаконных потоков; на практике банки, являющиеся узкими местами, неоднократно уличались в отмывании денег. В 2012 году HSBC выплатил 1,9 млрд долларов в рамках урегулирования обвинений Министерства юстиции в отмывании доходов картеля Синалоа и средств, на которые были наложены санкции в отношении Ирана. В 2010 году Wachovia (ныне Wells Fargo) урегулировала дело на сумму более 378 млрд долларов в связи с операциями с мексиканским песо в обменных пунктах, связанных с деятельностью картелей. Standard Chartered заплатил 340 миллионов долларов в 2012 году за нарушение санкций против Ирана и ещё 1,1 миллиарда долларов в 2019 году. BNP Paribas заплатил 8,9 миллиарда долларов в 2014 году. Российские «зеркальные сделки» Deutsche Bank отмыли 10 миллиардов долларов. Эстонский филиал Danske Bank обработал 230 миллиардов долларов подозрительных транзакций, в основном российских. Схема остается неизменной: урегулирование, штраф, мониторинг, повторение. Ни один из высших руководителей не сел в тюрьму за что-либо из этого. Штрафы — это операционные расходы; архитектура остается нетронутой.

Юридино-профессиональная инфраструктура — это уровень «стражей». «Панамские документы» (2016) и «Пандора-документы» (2021) раскрыли, как юридические фирмы, аудиторские компании и поставщики трастовых и корпоративных услуг структурно

позволяют богатым и преступникам использовать одни и те же инструменты. Mossack Fonseca, панамская фирма, оказавшаяся в центре «Панамских документов», одинаково обслуживала политиков, олигархов, спортсменов и картели. Все четыре крупнейшие аудиторские компании — KPMG, EY, Deloitte, PwC — были замешаны в скандалах, связанных с уклонением от уплаты налогов и отмыванием денег, и их сертификаты соответствия по-прежнему требуются для легальной деятельности корпораций, поскольку альтернативы нет. Профессиональные «стражи» — это не коррумпированные посторонние наблюдатели. Они — операционный персонал этой архитектуры.

Технологический уровень прошел несколько этапов развития. Зашифрованные коммуникационные платформы — Sky ECC, EncroChat, Phantom Secure, Anom — стали операционной системой европейской и глобальной организованной преступности в 2010-х годах. Anom оказался «медовым горшком» ФБР и Австралийской федеральной полиции, что привело к тысячам арестов, когда в 2021 году было объявлено о его закрытии. В 2020 году французские и голландские власти проникли в EncroChat. Эти ликвидации стали значительными тактическими победами, но базовый спрос на безопасную коммуникацию постоянно порождает новые платформы. Криптовалюта обеспечила кратковременную относительно анонимность для незаконных потоков в период 2014–2020 годов, пока компании по анализу цепочек (Chainalysis, Elliptic, TRM Labs) сделали основные цепочки практически отслеживаемыми; преступные потоки сместились в сторону стейблкоинов (особенно USDT), монет с конфиденциальностью (Monero) и криптомиксеров, при этом Tornado стал предпочтительной цепочкой для незаконных переводов из-за более низких требований к соблюдению нормативных требований. Игра в кошки-мышки продолжается, и каждый цикл порождает более мощные инструменты наблюдения и более изощренные методы уклонения.

Режим запрета наркотиков является *источником ренты*, который финансирует всю экосистему. Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года и последующие документы — архитектура, которую создали и экспортировали Соединенные Штаты, — создали искусственный дефицит, превративший листья коки, стоившие копейки, в килограммы кокаина, стоившие тысячи долларов. Сам по себе запрет не вызывает культивирования или спроса; он вызывает *ценовую разницу*, которая финансирует картели, взяточничество, насилие и захват государства. Это не аргумент либертарианцев в пользу декриминализации. Это структурное наблюдение: глобальный режим запрета наркотиков является единственным крупнейшим фактором, объясняющим, почему преступные сети имеют доступ к тому объему доходов, которым они располагают. Реформаторы по всему политическому спектру, от Милтона Фридмана до Кори Букера, замечали это, но это не приводило к политическим действиям, потому что режим запрета служит интересам множества групп — внутренней тюремной экономики, спецслужб, использующих проникновение в наркоторговлю как вход в другую разведывательную работу, и финансовой системы, получающей прибыль от отмывания денег — которые предпочитают нынешний порядок.

Симбиоз государства

Самый глубокий уровень диагноза — это отношения государства с преступными сетями. В общепринятой трактовке организованная преступность рассматривается как внешняя угроза, с которой государство борется с переменным успехом. Точная трактовка заключается в том, что в наиболее значимых случаях государство и преступная сеть слились в единую гибридную структуру, в которой формальное государство и неформальная преступность действуют как два плеча одного тела.

Мексика является типичным современным примером. Хенаро Гарсия Луна, министр общественной безопасности Фелипе Кальдерона с 2006 по 2012 год — годы катастрофической милитаризованной «войны с картелями» — был осужден в феврале 2023 года федеральным судом Бруклина за получение миллионов взяток от картеля Синалоа, находясь на посту главного чиновника страны по вопросам безопасности. Картель, с которым он теоретически боролся, платил ему, а его стратегия фрагментации конкурирующих картелей (в частности, «Лос Зетас») неизменно приносила пользу «Синалоа». Сам Кальдерон не был обвинен, но структурный вопрос неизбежен: архитектор мексиканской стратегии борьбы с картелями имел в качестве своего главного исполнителя человека, находившегося на содержании у «Синалоа» в течение шести лет, на протяжении всего периода эскалации насилия, унесшего жизни, по оценкам, 200 000 человек. Это не история о коррумпированных подчиненных, уклоняющихся от принципиального руководства. Это история симбиоза государства и картелей на уровне кабинета министров. Политика AMLO «*abrazos no balazos*» («объятия, а не пули») и продолжение Шейнбаум в целом той же линии — как бы ни оценивали эти политики — действуют в институциональном ландшафте, сформированном тридцатилетним взаимопроникновением государства и картелей. Ни один мексиканский руководитель не может просто *решить* положить конец этому симбиозу, не ликвидировав институты, которые сформировались вокруг него, а ликвидация этих институтов требует институционального потенциала, формированию которого препятствует сам этот симбиоз.

Гондурас при Хуане Орландо Эрнандесе (2014–2022) фактически был наркогосударством на уровне исполнительной власти. Эрнандес был экстрадирован в США в 2022 году и в 2024 году признан виновным в сговоре с целью ввоза кокаина в США — бывший президент страны-союзника США, пробывший у власти восемь лет, был действующим наркоторговцем. Его брат, Тони Эрнандес, был осужден ранее по тем же обвинениям. **Венесуэла** при Мадуро фактически является наркогосударством, управляемым через то, что американские прокуроры называют *Cártel de los Soles* — фракцию в составе Боливарианской национальной гвардии. **Гвинея-Бисау** с начала 2000-х годов является типичным африканским наркогосударством, транзитным узлом для кокаина, перемещающегося из Латинской Америки в Европу через Западную Африку. **Таджикистан** функционирует как коридор для транзита героина при соучастии государства. **Суринам** при Дези Бутерсе, заочно осужденном в Нидерландах за торговлю кокаином во время пребывания на посту президента, был похожим случаем в меньших масштабах. **Гаити** после убийства Жовенеля Моиза в 2021 году скатилось к правлению банд, при котором традиционные различия между государством и преступной организацией полностью исчезли; банды управляют портами.

Связь между спецслужбами и преступным миром — это более глубокий исторический слой, на котором лежат современные случаи. Связь ЦРУ с организованной преступностью восходит к сотрудничеству OSS и мафии на Сицилии во время Второй мировой войны (операция «Хаски»), продолжается в период холодной войны в роли итало-американской мафии на итальянских выборах 1948 года (предотвращение победы коммунистов благодаря координации вашингтонской машины и церкви, с сетью Лаки Лучано в качестве логистической опоры), заговорах ЦРУ и мафии против Кастро в начале 1960-х годов (Сэм Джанкана, Санто Траффиканте, Джонни Розелли), операцию «Эйр Америка» в Лаосе, в ходе которой перевозился опиум во время войны во Вьетнаме, дело «Иран-Контрас», в котором логистика «Контрас», связанных с ЦРУ, частично финансировалась за счет контрабанды кокаина в США (обвинения в Мене, Арканзас, и расследование «Темного альянса» Уэбба), а также задокументированное выращивание опийного мака в Афганистане, которое вернулось к историческим максимумам после вмешательства США в 2001 году. Это не теории заговора. Это задокументированные исторические факты, оспариваемые лишь в их интерпретации. Структурный момент заключается в том, что спецслужбы по всему миру — французская SDECE в Индокитае и Африке, британская MI6 на различных театрах военных действий, израильский Моссад, отношения пакистанской ISI с «D-Comrapu» и героиновыми сетями афганского Талибана, координация китайской MSS с триадами, российская ФСБ и структуры российской организованной преступности — использовали преступные сети в качестве оперативных инструментов и защищали их как таковые. Взаимоотношения между спецслужбами и преступным миром — это не коррупция в работе спецслужб. Это структурная особенность того, как проводятся тайные действия государства.

Финансово-криминальные связи на государственном уровне носят симметрично-структурный характер. Когда Антонио Мария Коста, тогдашний глава Управления ООН по наркотикам и преступности, заявил в 2009 году, что ликвидность от наркоторговли «спасла» крупные западные банки во время кризиса 2008 года — что межбанковские кредиты выдавались на основе доходов от наркоторговли, поскольку легальная ликвидность была заморожена — он описывал не скандал, а обычное явление системы. Банки всегда принимали деньги картелей; в чрезвычайной ситуации 2008 года важность этих потоков на короткое время стала заметной. Взаимосвязь европейского банковского сектора с российской организованной преступностью через балтийский банковский коридор (дело Danske Bank в Эстонии, дело Swedbank, дело ABLV Bank в Латвии), роль лондонского Сити как центрального узла для постсоветского клептократического богатства («Лондонград») и параллельная роль рынка недвижимости Нью-Йорка и Майами в поглощении латиноамериканского и российского беглого капитала — все это не является отклонениями в иначе чистой системе. Это и есть система, выполняющая свою функцию в соответствии с замыслом.

Глобалистский порядок как экосистема

Отойдите на шаг назад, и архитектурная картина станет ясной. Глобалистский порядок после 1971 года — долларový стандарт, освобожденный от привязки к золоту, распространение офшорных юрисдикций, консенсус об открытых границах для мобильности капитала, гармонизация корпоративного права для облегчения транснационального структурирования, технологическая инфраструктура цифровых финансов, институциональный консенсус

между центральными банками и министерствами финансов о снижении регуляторных барьеров — это *экосистема*, в которой процветают современные преступные сети. Преступное использование этой архитектуры является паразитическим по отношению к законному использованию, но это не маргинальный паразит. Финансовые потоки, которые оно генерирует, составляют значительную долю глобального движения капитала (по оценкам УНП ООН, незаконные финансовые потоки составляют 2–5 % мирового ВВП), и они стали структурно интегрированы с законными потоками капитала таким образом, что их невозможно четко разделить.

В этом заключается суть диагноза гармонистов. Либерально-глобалистская политическая философия рассматривает преступные сети как отклонение, которое необходимо контролировать, как будто та же самая архитектура может эффективно обеспечивать легитимные потоки и при этом точно подавлять нелегитимные. Архитектурная реальность заключается в том, что черты, обеспечивающие легитимную эффективность — непрозрачность, отсутствие трений, выбор юрисдикции, гибкость корпоративной формы — являются теми же чертами, которые позволяют осуществлять незаконную деятельность. Не существует такой версии нынешней архитектуры, которая могла бы подавлять преступные потоки, не разрушая при этом черты, которые делают ее именно такой. Выбор стоит не между *«чистым глобализмом»* и *«коррумпированным глобализмом»*. Выбор стоит между *«глобализмом со структурно встроенными незаконными потоками»* и *«чем-то другим»*.

Это «что-то другое» — то, что [«Архитектура Гармонии»](#) формулирует в конструктивном ключе. Цивилизационная архитектура, организованная для суверенитета, а не для эффективности капитала, имела бы менее беспрепятственную мобильность капитала (поскольку движение капитала было бы подчинено цивилизационным благам), меньшую непрозрачность юрисдикций (поскольку прозрачность бенефициарного владения была бы цивилизационным требованием), большее экономическое закрепление на местном уровне (поскольку устойчивость местной экономики сдерживает потоки на большие расстояния, которыми пользуются преступные сети), и более сильную государственную монополию на легитимное насилие в пределах ограниченных территорий (поскольку преступные сети расширяются только там, где легитимная монополия ослабла). Это не возвращение к автаркии и не либертарианский демонтаж. Это архитектура, к которой приближались национальные государства до 1971 года, которую глобалистский порядок после 1971 года демонтировал и которую многополярный момент начал вновь утверждать в блоке стран БРИКС и в различных суверенистских движениях в западных государствах.

Поэтому преступные сети — это не проблема, которую решает глобалистский порядок. Они являются проблемой, которую глобалистский порядок порождает и поддерживает. Восстановление суверенной способности бороться с преступными сетями требует восстановления суверенной способности на всех других уровнях — финансовом, судебном, военном, культурном — и именно от этого восстановления зависит успех или провал многополярного перехода.

Случай Сальвадора

Когда Найиб Букеле вступил в должность в июне 2019 года, Сальвадор был самой насильственной страной в мире в пересчете на душу населения. Уровень убийств достиг пика в 105 на 100 000 человек в 2015 году и оставался на уровне 50-х до 2018 года. Две банды — *Mará Salvatrucha (MS-13)* и *Barrio 18* (в двух фракциях, *Sureños* и *Revolucionarios*) — осуществляли фактический территориальный контроль над большей частью страны. Численность членов банд составляла примерно 70 000 человек при населении в 6,5 миллиона; с учетом семейных связей и иждивенцев, возможно, четверть населения находилась непосредственно в экосистеме банд. Банды взимали налоги с местных предприятий, контролировали районы, вербовали под угрозой оружия в школах и делали обычную жизнь невыносимой. Два официальных перемирия между бандами и государством (в 2012 году и снова при администрации ФМЛН, предшествовавшей Букеле) провалились; оба временно снизили уровень насилия за счет уступок бандам, но затем развалились, когда одна из сторон нарушила соглашение. Сальвадорское государство не обладало институциональным потенциалом для разгрома банд, и сменявшие друг друга правительства перестали пытаться это сделать.

В конце марта 2022 года, после выходных, в течение которых было совершено 87 убийств, которые банды, по-видимому, совершили, чтобы продемонстрировать, что они сохранили свою мощь, правительство Букеле ввело *régimen de excepción* — чрезвычайное положение — которое приостановило гарантии надлежащего судебного разбирательства и санкционировало массовые аресты по подозрению в принадлежности к бандам. С тех пор чрезвычайное положение продлевается ежемесячно и на момент написания данной статьи остается в силе. С марта 2022 года по начало 2026 года было арестовано около 80 000 человек. В *Centro de Confinamiento del Terrorismo (CECOT)*, мега-тюрьма, построенная специально для реализации этой политики, содержит около 40 000 заключенных в условиях, намеренно созданных для сурового режима. Уровень убийств в Сальвадоре снизился с 51 на 100 000 населения в 2018 году до 17 в 2021 году, до 8 в 2022 году и до 2,4 в 2023 году — уровень ниже, чем в Канаде. Общественные места, предприятия и районы, которые ранее контролировались бандами, вернулись к обычному использованию. Букеле выиграл переизбрание в феврале 2024 года, набрав более 84% голосов, несмотря на конституционный запрет на два срока подряд, который Верховный суд (который контролирует его партия) обошел своим решением. В своей биографии на X он назвал себя «философом-царем» и культивировал образ суверенного правителя, а не управленческого руководителя.

Гармонистский подход к этому случаю начинается с отказа от обеих доступных интерпретаций. *Либерально-демократическая* интерпретация осуждает чрезвычайное положение, массовые задержания, манипуляции с конституцией и элементы культа личности как авторитарный регресс — оценивая Букеле по процедурно-демократическим нормам и находя его недостаточным. *Популистско-авторитарная* интерпретация одобряет методы Букеле безкритично как проверенное решение проблемы беззакония, игнорируя издержки и вопросы об устойчивости. Обе интерпретации упускают структурную реальность, которая гораздо интереснее и сложнее.

Структурная реальность заключается в том, что Сальвадор достиг состояния, которое классическая политическая философия признает оправдывающим чрезвычайные меры. Ари-

стотель отличает легитимную монархию от тирании тем, служит ли правитель общему благу или своей собственной фракции; Аквинат развивает то же различие в теологическом плане; Макиавелли в «*Рассуждениях*» и «*Государе*» анализирует *основателя*, который должен использовать средства, недопустимые для обычного государственного управления, поскольку он создает тот порядок, в рамках которого впоследствии сможет функционировать обычное государственное управление; анализ *исключения* Карла Шмитта обозначает тот структурный момент, когда функционирование самого правового порядка требует действия, выходящего за пределы правового порядка; «*Государственный деятель*» Платона обозначает парадокс, заключающийся в том, что правление законом уступает правлению мудростью, хотя закон, как правило, более надежен, чем правители. Это не экзотические позиции; это центральная традиция политической философии по вопросу о легитимных действиях суверена, когда нормальное функционирование институтов дало сбой. Либерально-демократическая процедурная ортодоксия, которая стала гегемонной в западной политической мысли в период с 1945 по 2008 год, представляет собой узкое окно в рамках этой более широкой традиции, а не ее зрелый консенсус.

Букеле принял суверенное решение в ситуации, когда обычные институциональные процессы на протяжении десятилетий явно не работали. Сальвадорское государство не могло с помощью обычных институциональных средств ликвидировать банды; чрезвычайное положение стало тем средством, с помощью которого это стало возможным. Принимает ли кто-то это, зависит исключительно от того, согласен ли он с исходной посылкой — что Сальвадор достиг состояния институционального коллапса, при котором обычные процессы были недоступны, и что альтернативой чрезвычайным мерам было дальнейшее подчинение правлению банд. Внутри Сальвадора ответ в подавляющем большинстве случаев заключается в том, что эта предпосылка была верна; 84-процентная переизбрание Букеле отражает это суждение. Вне Сальвадора, применяя процедурно-демократическую норму как универсальную, ответ заключается в том, что никакие условия не оправдывают приостановку. Эти две оценки невозможно согласовать путем установления фактов. Они отражают разные исходные представления о том, что такое политическая легитимность.

Позиция гармонистов заключается в том, что процедурно-демократическая норма, рассматриваемая как универсальная и не допускающая исключений, является несогласованной — поскольку она требует функционирующей институциональной базы, которую сама по себе процедура создать не может. Процедура предполагает наличие порядка, в рамках которого она действует. Когда этот порядок опустошен преступным захватом до такой степени, что процедурные средства не могут его восстановить, суверенные действия вне процедуры являются не разрушением легитимного порядка, а предварительным условием его восстановления. Это классическая позиция; позиция, согласно которой процедурно-демократический подход является универсальным, является исторически аномальной.

Это не означает, что каждый лидер, заявляющий об исключении, является легитимным. Это означает, что вопрос должен оцениваться по существу: действительно ли имели место условия для легитимного исключения, были ли использованные средства соразмерны угрозе и является ли конечным результатом восстановление легитимного институционального порядка или его дальнейшая деградация. Что касается случая Сальвадора, то в настоящее время оценка по всем трем пунктам положительна: условия имели место (институцио-

нальный коллапс был реальным), средства были в целом соразмерны (массовые задержания были жесткими, но альтернативой было продолжение массовых убийств), а траектория развития указывает на восстановление, а не на постоянное чрезвычайное положение (уровень убийств остался низким; число задержаний СЕСОТ начало снижаться; возобновилась обычная экономическая и социальная жизнь). Уйдет ли Букеле с достоинством по окончании второго срока, приведет ли институциональное восстановление к устойчивому верховенству закона, а не к персоналистической преемственности, сохранится ли эта модель после его преемников — все это остается открытым. Но оценка через десять лет будет даваться именно на этих основаниях, а не на основании процедурно-нормативных критериев.

Самоописание как **философ-царь** стоит воспринимать всерьез, а не отмахиваться от него как от тщеславия. В «Государстве» Платона утверждается, что философ-царь — тот, кто знает Добро и правит, опираясь на это знание, а не на условности или интересы, — является идеальным правителем, и что политическая легитимность в конечном счете зависит от отношения правителя к истине, а не от процедурного согласия. Эта позиция не в моде в либерально-демократической культуре, но она является основной позицией классической традиции. То, что Букеле претендует на этот титул, является намеренным культурно-философским сигналом. Он обосновывает претензию своего правления на легитимность на классических, а не на процедурных основаниях. Вопрос в том, соответствует ли он тому стандарту, на который он претендует. То, что он выдвигает эту претензию в 2026 году в Латинской Америке и добивается успеха, имеет большое значение для более широкого цивилизационного момента. Процедурно-демократический консенсус, который господствовал в десятилетия после холодной войны, больше не является гегемонистским, и фигуры, выдвигающие классические аргументы в пользу суверенных действий, вновь появляются — Орбан в Венгрии, Моди в Индии, Мелони в Италии, более широкая суверенистская тенденция на Западе. Сальвадор — самый маленький и самый успешный из нынешних примеров, но эта тенденция выходит за пределы Сальвадора.

Стоит упомянуть и другие значимые прецеденты, честно отметив их издержки. Сингапур при Ли Куан Ю (1959–1990) ликвидировал тайные общества и триады, которые контролировали значительную часть территории Сингапура, с помощью методов, включавших массовые задержания без суда; гражданский порядок, к которому это привело, ощущает на себе каждый посетитель Сингапура, но путь к нему потребовал приостановки процессуальных норм на десятилетия. Португалия при Салазаре (1932–1968) управлялась авторитарным «Эстадо Ново», который поддерживал порядок с помощью политических репрессий, сохраняя при этом традиционный католический цивилизационный субстрат; оценки резко расходятся в том, было ли соотношение затрат и выгод благоприятным. Чили Пиночета (1973–1990) — самый спорный случай: экономическое восстановление и подавление марксистских партизанских движений стоили жизни примерно 3 000 человектысяч убитых и десятков тысяч подвергшихся пыткам; чилийский переход к демократии в 1990 году унаследовал функционирующее государство, но глубоко травмированное общество. Итальянская антимафиозная магистратура Фальконе и Борселлино (убитого в 1992 году) действовала в рамках процессуальных ограничений и добилась реального прогресса в борьбе с «Коза Ностра» ценой жизни двух самых мужественных итальянских магистратов. Каждый случай

демонстрирует свое соотношение эффективности и затрат; случай Сальвадора в настоящее время выглядит благоприятно по обоим параметрам, но оценка является предварительной.

Путь восстановления

Как выглядит восстановление после захвата преступными сетями в масштабах цивилизации? Случай Сальвадора демонстрирует, что прямые действия государства на уровне полицейского контроля и задержаний могут сломить территориальный контроль банд, если они осуществляются с достаточной суверенной решимостью. Однако одни только полицейские меры не затрагивают «верхнюю» архитектуру — финансовые системы, отмывающие доходы, офшорные юрисдикции, скрывающие богатство, международный режим запрета на наркотики, генерирующий ренту, и глобальные политико-экономические условия, порождающие уязвимое для вербовки население. Ликвидация банд в масштабах одной страны — это видимая победа; архитектура же остается.

Настоящее восстановление требует действий по всем четырем направлениям суверенитета, которые формулирует [«Архитектура Гармонии»](#) и прослеживает серия статей по странам. **Финансовый суверенитет** означает ликвидацию или существенную реформу системы офшорных юрисдикций, каналов отмывания через банки-корреспонденты и динамики долларовой системы, которая превращает преступные доходы в богатство, выглядящее законным. Стремление стран БРИКС к дедолларизации, какими бы ни были его другие последствия, структурно ослабляет роль долларовой системы как универсального средства отмывания денег; это особенность перехода к многополярному миру, которую делает видимой анализ преступных сетей. **Оборонный суверенитет** означает восстановление монополии государства на легитимное насилие на своей территории — восстановление, которого Сальвадор явно достиг в небольших масштабах, а более крупные государства (прежде всего Мексика) — нет. **Технологический суверенитет** означает решение вопроса о роли коммуникационных платформ, криптовалют и более широкой цифровой инфраструктуры, которую используют преступные сети; это действительно сложно, поскольку та же инфраструктура выполняет легальные функции, но недавние примеры проникновения государства (Anom, EncroChat) показывают, что эта архитектура не так непрозрачна для целеустремленных правоохранительных органов, как полагали преступные пользователи. **Коммуникативный суверенитет** означает восстановление культурного авторитета над нарративами, романтизирующими преступные сети — эстетические комплексы *наркочорридо* и гангстер-рэпа, престиж наркоторговца как народного героя, прославление лидеров картелей в социальных сетях — и их замену цивилизационными историями, которые соотносят амбиции с законными достижениями.

За этими четырьмя уровнями скрывается более глубокое восстановление: почва [«Колесо Гармонии»](#), которая формирует или не формирует тех людей, которые изначально вступают в преступные сети. Вербовка в банды происходит на фоне отсутствия легитимного отцовства, неспособности образовательных учреждений подготовить компетентных и уважаемых молодых людей, распада религиозных и гражданских объединений, которые ранее предлагали альтернативную принадлежность, а также экологии городской бедности, порожденной постиндустриальной экономикой. Преступная сеть вербует там, где провали-

лись легитимные институты [Колесо Гармонии](#), [услуга](#), [Колесо Гармонии](#) и [обучение](#). Восстановление этих исходных условий — дело нескольких поколений, и его невозможно достичь одними лишь полицейскими мерами, но полиция создает пространство, в котором становится возможной эта более медленная работа.

Реформа наркополитики — это один из компонентов, но он не является ни необходимым, ни достаточным. Декриминализация или легализация определенных веществ (как минимум каннабиса, возможно, психоделиков, а в конечном итоге, возможно, и создания регулируемой системы для более тяжелых наркотиков) устранила бы часть доходов, финансирующих деятельность картелей, но не устранила бы сами структуры картелей, которые переориентировались бы на другие нелегальные рынки (торговля людьми, незаконная добыча полезных ископаемых, вымогательство, киберпреступность — все это уже происходит по мере диверсификации деятельности картелей). Режим запрета наркотиков — это лишь один из многих архитектурных элементов; его реформирование без реформирования остальных элементов лишь изменит то, какими видами торговли доминируют сети, но не приведет к их ликвидации. Португальская модель декриминализации (действующая с 2001 года) принесла улучшение в сфере общественного здравоохранения, не затрагивая структурно организованную преступность; лоскутная легализация каннабиса на уровне штатов в США привела к появлению квазизаконоуловленной индустрии каннабиса, сосуществующей с продолжающимся доминированием картелей в сфере кокаина, фентанила и метамfetамина. Наркополитика сама по себе не является рычагом.

Рычагом является суверенитет как цивилизационная реальность — восстановление условий, при которых государства могут делать то, что должны делать государства, сообщества могут воспитывать людей, которых должны воспитывать сообщества, а «Logos» может организовывать поле, а не паразитический порядок, организующий поле. Именно этому восстановлению препятствовала [«упадок Запада»](#), именно это [«Архитектура Гармонии»](#) формулирует как конструктивное видение, и именно это отдельные фигуры, такие как Букеле, демонстрируют как достижимое, когда принимается суверенное решение.

Заключение

Преступные сети — это диагностическая тень того порядка, который их породил. Цивилизация, упорядоченная «Logos» на всех уровнях — финансовом, правительственном, военном, культурном, образовательном, семейном — не порождает преступных сетей такого масштаба. В домодернистских обществах существовали бандитизм, контрабанда, пиратство; они не порождали паразитические экономики масштаба «Ндрангеты» или «Синалоа», через структуры которых проходит 5% мирового ВВП. Условия для криминальных сетей современного масштаба и сложности требовали условий современного глобализма: распавшегося местного порядка, архитектуры капитала без тренировок, ренты, порождаемой запретами, технологической инфраструктуры, опустошенной семьи и сообщества, духовной пустоты, в которую вливается замещающий смысл криминальной организации ([банда в качестве заместителей полиции](#), картель как замещающее родство, наркоторговцев как замещающий герой).

Вопрос не в том, как более эффективно контролировать преступные сети в рамках существующей архитектуры. Вопрос в том, какая цивилизационная архитектура изначально не породила бы их в таких масштабах. Этот вопрос — вопрос об «Архитектуре гармонии», вопрос о восстановлении многополярной цивилизации, вопрос о том, можно ли воссоздать суверенные возможности, распущенные порядком после 1971 года, в необходимом масштабе.

Пример Сальвадора демонстрирует, что их можно восстановить в масштабах одной страны, когда принимается и поддерживается суверенное решение. Эта демонстрация важна для более широкого цивилизационного контекста, поскольку она опровергает утверждение о том, что ничего нельзя сделать, что захват организованной преступностью является постоянным, что архитектура слишком укоренилась, чтобы ее можно было изменить. Что-то можно сделать. То, что можно сделать в масштабах одной страны, можно сделать и в других — Мексике, Бразилии, Колумбии, Гондурасе, Гаити — при наличии суверенного потенциала и решения. То, что можно сделать в масштабах страны, в принципе можно скоординировать в региональном масштабе и, в конечном итоге, в масштабе той архитектуры, которая изначально породила современную экосистему преступных сетей.

Преступная сеть — это не болезнь. Преступная сеть — это симптом. Болезнь — это архитектура, породившая этот симптом, и именно эту архитектуру многополярный переход либо успешно демонтирует, либо терпит неудачу. То, что придет ей на смену, — это работа «[цивилизационное строительство](#)», которой посвящена остальная часть данного сборника.

См. также: [Архитектура Гармонии](#) · [Опустошение Запада](#) · [Крупные фармацевтические компании](#) · [Коммунизм и гармонизм](#) · [Мексика и гармонизм](#) · [Бразилия и гармонизм](#) · [Перу и гармонизм](#)

Финансовая архитектура

Скрытая архитектура

Под видимой экономикой — рынками, корпорациями, биржами труда, которые занимают внимание как капиталистов, так и антикапиталистов, — лежит архитектура, которую ни мейнстримная экономика, ни марксистская критика не могут адекватно назвать. Это не «капитализм» в абстрактном смысле. Это конкретная, историческая, поддающаяся документированию система, посредством которой небольшое число институтов создает, распределяет и контролирует само средство обмена — деньги — и через этот контроль осуществляет структурную власть над каждым правительством, корпорацией и индивидуумом, использующим это средство.

Это и есть финансовая архитектура. Это не теория заговора. Это описание того, как на самом деле работают деньги — описание, которое так редко преподается в университетах, так отсутствует в мейнстримном экономическом дискурсе и так затуманено слоями институциональной сложности, что большинство людей, включая большинство экономистов, действуют в ее рамках, не понимая ее механизмов. Книга Стивена Гудсона *«История центрального банковского дела и порабощения человечества»* (2017) прослеживает эту архитектуру на протяжении двух тысячелетий; документальный фильм Тима Гилена *«Монополия: кому принадлежит мир?»* (2021) отображает её современное проявление через концентрацию корпоративной собственности в руках горстки компаний по управлению активами. [Гармонизм](#) утверждает, что эта архитектура понятна, что ее последствия измеримы, и что для ее исправления требуется не просто политическая реформа, но и восстановление онтологической основы, с которой данная система может быть признана нарушением принципа [«Dharma»](#).

Механика денег, основанных на долге

Как создаются деньги

Самый важный факт о современной денежной системе является также наименее понятным: деньги создаются как долг. Не обеспеченные долгом — *создаваемые как* долг. Когда коммерческий банк выдает кредит, он не ссужает существующие депозиты. Он создает новые деньги, зачисляя их на счет заемщика — деньги, которых не существовало до выдачи кредита. Это и есть банковская система с частичным резервированием: банк держит в резерве лишь часть своих депозитов и ссужает суммы, кратные этой части. Сам Банк Англии подтвердил это в своем квартальном бюллетене за 2014 год: «Всякий раз, когда банк выдает кредит, он одновременно создает соответствующий депозит на банковском счете заемщика, тем самым создавая новые деньги».

Центральный банк — Федеральная резервная система в США, Европейский центральный банк в Европе, Банк Англии в Великобритании — устанавливает условия, при которых происходит это создание: процентную ставку, нормы обязательных резервов, нормативную базу. Он также создает деньги напрямую посредством операций на открытом рынке и, с 2008 года, посредством количественного смягчения — покупки государственных облигаций и других финансовых активов за счет вновь созданных резервов центрального банка. Таким образом, денежная масса не является фиксированным количеством, управляемым правительствами. Это постоянно расширяющийся поток, создаваемый частными банками с целью получения прибыли и центральными банками в целях проведения политики — при этом проценты по этому созданию движутся вверх от заемщиков к банковской системе.

Структурный перенос

Структурным следствием является непрерывный, математически неизбежный перенос богатства из производственной экономики в финансовый сектор. Каждый существующий доллар вошел в обращение как чей-то долг — и этот долг несет проценты. Но деньги для выплаты процентов никогда не создавались. Основная сумма поступает в систему через кредит; выплата процентов должна происходить из какой-то другой части системы — а это означает, что необходимо постоянно выдавать новые кредиты, чтобы генерировать деньги, нужные для обслуживания существующего долга. Система требует постоянного расширения. Она не предназначена для достижения равновесия. Она предназначена для роста — и для перераспределения богатства от тех, кто производит товары и услуги, к тем, кто создает средство, посредством которого происходит обмен товарами и услугами.

Это не недостаток системы. Это и есть система. Исторический обзор Гудсона документирует эту закономерность на протяжении веков: везде, где создание денег на основе долга было доминирующей монетарной архитектурой, богатство концентрировалось в руках создателей денег — будь то лондонские ювелиры, основатели Банка Англии (1694) или частные банковские круги, стоящие за Федеральной резервной системой (1913). А везде, где государства выпускали собственные деньги без долга — ранняя денежная система Римской Республики, американские колониальные скрипы, гринбеки), или ливийская государственная банковская система Каддафи — эти общества переживали периоды замечательного процветания, низкого уровня неравенства и экономической независимости. И в большинстве случаев эти эксперименты были уничтожены — зачастую насильственно — силами, которые чувствовали угрозу от существования денег, находящихся вне их контроля.

История

Банк Англии и зарождение современной системы

Современная финансовая архитектура берет свое начало с основания Банка Англии в 1694 году. Эта схема отличалась элегантной структурной простотой: консорциум частных банкиров ссужал деньги английской короне под проценты и в обмен получал исключительное право выпускать банкноты под этот долг. Корона получала финансирование для ведения

войн. Банкиры получали постоянный поток дохода от процентов по государственному долгу — плюс право создавать деньги страны. Население получало денежную систему, в которой каждый фунт в обращении представлял собой долг перед частными интересами.

Эта модель была скопирована по всей Европе и в конечном итоге по всему миру. В каждом случае схема была одинаковой: право суверенного правительства выпускать собственную валюту передавалось частному или квазичастному учреждению, которое создавало деньги в виде процентной задолженности. Затем правительство брало в долг у учреждения, которому оно предоставило полномочия, — выплачивая проценты частным интересам за деньги, которые могло бы выпустить само правительство без процентов.

Наполеон и Государственный банк Франции

Наполеон Бонапарт разбирался в деньгах. При монархии Бурбонов Франция подвергалась той же схеме захвата частными банками, которая была характерна для Банка Англии — частные финансисты контролировали денежную массу и взимали проценты с государства. Денежные реформы Наполеона изменили эту ситуацию. В 1800 году он основал Банк Франции, но — что особенно важно — организовал его как учреждение, управляемое государством, а не как частную банковскую монополию по английскому образцу. Государство сохранило суверенную власть над денежно-кредитной политикой, а функция банка заключалась в том, чтобы служить производственной экономике, а не приносить прибыль частным акционерам.

Результаты были поразительными. В рамках государственной банковской системы Наполеона Франция построила дороги, каналы, порты и общественные здания по всей империи. Налоговая система была реформирована и рационализирована. Было создано государственное образование. Был разработан и введен в действие Кодекс Наполеона, который стандартизировал гражданское право по всей Европе. Франция превратилась из обанкротившегося постреволюционного государства в доминирующую континентальную державу буквально за десятилетие, финансируясь не за счет заимствований у частных банков под проценты, а за счет государственной денежной системы, согласованной с производственным потенциалом нации.

Сам Наполеон четко понимал, что поставлено на карту. Он признавал, что право создавать и распределять деньги является основой политического суверенитета — что правительство, которое занимает собственные деньги у частных интересов, не является суверенным в каком-либо значимом смысле. Его окончательное поражение при Ватерлоо (1815 г.) — финансируемое с противоположной стороны капиталом Ротшильдов — восстановило модель частного банковского дела по всей Европе. Реставрация Бурбонов вернула Францию под финансовую архитектуру, которую Наполеон был вытеснил. Урок, извлеченный финансовыми силами, был ясен: государственное банковское дело работает, и именно поэтому его необходимо предотвратить.

Возвышение Ротшильдов

Банковская династия Ротшильдов, основанная Майером Амшелем Ротшильдом во Франкфурте в конце XVIII века, представляла собой первую полностью транснациональную фи-

нансовую силу. Разместив сыновей в Лондоне, Париже, Вене, Неаполе и Франкфурте, семья построила сеть, действовавшую через национальные границы — финансируя обе стороны Наполеоновских войн, извлекая прибыль из предварительной информации о результате Ватерлоо, и установив структурные отношения с Банком Англии, которые сделали капитал Ротшильдов неотделимым от британских имперских финансов. Приписываемая цитата — «Дайте мне контроль над деньгами нации, и мне будет все равно, кто принимает законы» — независимо от того, произносил ли ее Майер Амшель на самом деле, точно описывает структурную логику: власть создавать и распределять деньги является более фундаментальной, чем законодательная власть, поскольку законодательная власть действует в экономической среде, которую определяет денежная власть.

Федеральная резервная система

Закон о Федеральной резервной системе 1913 года учредил центральный банк США — не как государственное агентство, а как гибридную систему из двенадцати региональных банков Федеральной резервной системы, каждый из которых принадлежит частным коммерческим банкам в своем округе. Структура управления — Совет управляющих, назначаемый президентом, и президенты региональных банков, выбираемые директорами частных банков — создает видимость публичной подотчетности, сохраняя при этом частное структурное влияние на денежную массу страны. «Вращающаяся дверь» между Федеральной резервной системой, Министерством финансов, Goldman Sachs и другими крупными финансовыми учреждениями не является коррупцией в традиционном смысле. Это архитектура, функционирующая так, как и задумывалось: люди, управляющие деньгами страны, и люди, извлекающие прибыль из этого управления, — это, с точки зрения структуры, одни и те же люди.

Созданию Федеральной резервной системы предшествовала серия финансовых паник — в первую очередь паника 1907 года, организованной или использованной Дж. П. Морганом — которые создали политические условия для «решения», удобно централизовавшего денежно-кредитный контроль в руках тех интересов, которые создали эту проблему. Гудсон документирует эту схему: создать нестабильность, предложить централизацию в качестве лекарства, захватить централизованную институцию. Эта схема повторялась в любом масштабе, от национальных центральных банков до Банка международных расчетов (БМР, 1930) — «центрального банка центральных банков» — чья структура управления ещё более непрозрачна и ещё менее подотчётна какому-либо демократическому процессу.

Уничтожение альтернатив

Исторические факты свидетельствуют о постоянной закономерности: государства, которые выпускали деньги без долга или действовали вне архитектуры центральных банков, подвергались экономической войне, смене режима или военной интервенции.

Американские колонии представляют собой самый ранний американский пример. Колониальные скрипы — бумажные деньги, выпущенные колониальными правительствами без процентов, пропорционально потребностям торговли — привели к периоду процветания, который Бенджамин Франклин напрямую связывал с денежной системой. Когда Франклин

объяснил это Банку Англии во время визита в Лондон, парламент принял Закон о валюте 1764 года, запрещающий колониям выпускать собственные деньги и обязывающий их использовать банкноты Банка Англии, взятые в долг под проценты. Результатом стала немедленная депрессия. Позже Франклин написал, что Закон о валюте был «настоящей причиной Революции» — не налоги на чай, а уничтожение денежного суверенитета. Колонии вели войну, чтобы вернуть себе право выпускать собственные деньги.

«Гринбеки» Авраама Линкольна — выпущенная правительством валюта без долга для финансирования Гражданской войны — представляли собой прямую угрозу монополии частной банковской системы на эмиссию денег. Линкольн был убит в 1865 году; гринбеки были постепенно выведены из обращения. Указ № 11110 (1963), разрешавший Министерству финансов выпускать серебряные сертификаты — банкноты США, обеспеченные серебром, а не банкноты Федеральной резервной системы, обеспеченные долгом, — был фактически отменен после его убийства. Ливия Муаммара Каддафи управляла государственным центральным банком, который выпускал деньги без долга, финансировал единственный в Африке независимый спутник связи и предложил panaфриканскую валюту, обеспеченную золотом (золотой динар), которая освободила бы континент от зависимости от доллара. Ливия была разрушена в 2011 году. Ирак Саддама Хусейна в 2000 году начал продавать нефть в евро, а не в долларах. В 2003 году Ирак подвергся вторжению.

Гармонизм утверждает, что денежно-кредитная политика была единственной причиной каждого из этих событий — история всегда многогранна. Но в фильме утверждается, что постоянная закономерность — государства, угрожающие денежной монополии, подвергаются разрушению — является доказательством самозащитной логики этой архитектуры. Система не просто извлекает выгоду. Она защищает свою способность извлекать выгоду.

Современная архитектура: кому принадлежит все

Документальный фильм «*Монополия: кому принадлежит мир?*» отображает современное проявление финансовой архитектуры через механизм, который не охватывает исторический анализ Гудсона: концентрацию корпоративной собственности посредством индексных фондов и пассивных инвестиционных инструментов.

Большая тройка

Три компании по управлению активами — BlackRock, Vanguard и State Street — управляют совокупными активами на сумму около 32 триллионов долларов (по состоянию на 2025 год). Они являются крупнейшими акционерами практически всех крупных корпораций во всех отраслях: технологической (Apple, Microsoft, Google), фармацевтической (Pfizer, Johnson & Johnson), медиа (Comcast, Disney, News Corp), продукты питания (PepsiCo, Coca-Cola), энергетика, оборона, сельское хозяйство, розничная торговля. «Конкурирующие» бренды, которые, казалось бы, предлагают потребителям выбор — Coca-Cola и Pepsi, Fox News и CNN, Pfizer и Moderna — имеют одних и тех же институциональных владельцев. Конкуренция носит чисто косметический характер. Собственность сконцентрирована.

Механизм заключается в инвестировании в индексные фонды. По мере того как триллионы долларов поступают в пассивные индексные фонды — которые автоматически покупают акции каждой компании в данном индексе — управляющие активами, которые управляют этими фондами, накапливают права голоса в отношении все большей доли корпоративного мира. Вместе «большая тройка» контролирует примерно 78% активов ETF. Их совокупные вложения обычно составляют 15–20% акций каждой компании из S&P 500, что делает их в совокупности крупнейшим блоком голосующих акционеров практически в каждой крупной корпорации на планете.

Круговая структура

Структура собственности имеет круговой характер. BlackRock — публичная компания. Ее крупнейшим институциональным акционером является Vanguard. Vanguard — это паевая компания, технически принадлежащая инвесторам ее фондов, но ее структура управления непрозрачна. Те же учреждения, которые владеют корпорациями, владеют и друг другом. Результатом является сеть взаимосвязанных владений, по сравнению с которой средневековая система гильдий выглядит прозрачной, и которая концентрирует власть принятия решений по поводу мировой экономики в руках удивительно небольшого числа советов директоров.

Bloomberg назвал BlackRock «четвертой ветвью власти» — потому что BlackRock не только управляет триллионами частных активов, но и работает напрямую с центральными банками в качестве консультанта, разрабатывает программное обеспечение для управления рисками (Aladdin), которое используют центральные банки, а также была нанята для управления экстренными сделками по покупке активов Федеральной резервной системой как во время финансового кризиса 2008 года, так и в ходе борьбы с пандемией 2020 года. Граница между государственной денежно-кредитной властью и частной финансовой мощью не просто размылась. Она исчезла.

СМИ как управляемое восприятие

Девяносто процентов международных СМИ принадлежат девяти конгломератам — и у этих конгломератов одни и те же институциональные инвесторы. Следствие: структуры, контролирующие корпоративную собственность, также контролируют информационную среду, в которой обсуждается корпоративная собственность. Это не цензура в грубом смысле подавления конкретных статей. Это структурный феномен: диапазон допустимого дискурса определяется структурой собственности платформ, на которых этот дискурс происходит. Экономический анализ, ставящий под сомнение легитимность финансовой архитектуры, не будет подавлен. Он просто никогда не будет заказан, опубликован или распространен медиа-организациями, крупнейшие акционеры которых извлекают выгоду из этой архитектуры.

Вопрос ростовщичества

Каждая традиционная цивилизация — без исключения — запрещала или строго ограничивала ростовщичество: взимание процентов по ссудам. Самым древним крупномасштабным примером того, почему это так, является сам Рим.

Как ростовщичество разрушило Римскую республику

Ранней денежной системой Римской республики — это бронзовые и медные монеты, выпущенные государством — деньги, созданные государством для общественного блага, без процентов. Необычайная экспансия Республики, ее инфраструктура, гражданские институты и аграрное процветание были построены на этом фундаменте: денежной системе, в которой средство обмена служило производительной экономике, а не извлекало из нее прибыль. У ранней Республики не было государственного долга, потому что государство не занимствовало свои собственные деньги.

Переход начался, когда римские завоевания привели к контакту с более «развитыми» финансовыми практиками — в частности, с кредитными домами восточного Средиземноморья. Распространилось частное кредитование под проценты (*foenus*), и последствия следовали по схеме, которая повторялась во всех последующих цивилизациях: мелкие фермеры брали в долг под будущие урожаи, сложные проценты превращали временные трудности в постоянный долг, изъятие залогового имущества приводило к концентрации земли в руках кредиторов, и свободный аграрный класс, построивший Республику, постепенно лишался собственности. Земельные реформы братьев Грачхов (133–121 гг. до н. э.) были попыткой обратить вспять эту концентрацию; оба брата были убиты. Законы Юлия Цезаря об облегчении долгового бремени и денежные реформы — включая выпуск государственных монет и ограничение процентных ставок — восстановили временное процветание; Цезарь был убит. Эта схема уже полностью прослеживается за две тысячи лет до появления Федеральной резервной системы: денежный суверенитет порождает процветание; ростовщичество ведет к концентрации богатства; реформаторы, бросающие вызов этой концентрации, уничтожаются; и цикл продолжается до тех пор, пока сама цивилизация не рухнет под тяжестью непосильного долга и вызванной им социальной фрагментации.

К концу империи римская денежная система была полностью захвачена частными интересами. Последствия — гиперинфляция, обесценивание валюты, крах аграрного среднего класса, зависимость от рабского труда и прогрессирующая неспособность государства финансировать собственную оборону — были вызваны не вторжением варваров. Они были вызваны внутренней гнилью, которую порождает ростовщичество, если его не сдерживать на протяжении веков. Варвары лишь унаследовали то, что ростовщичество уже выхолостило.

Всеобщий запрет

Тора запрещала взимание процентов между членами общины (Второзаконие 23:19-20). Исламская традиция категорически запрещает *риба* (проценты/ростовщичество) — это один из самых строгих запретов в исламском праве, поставленный в один ряд с воровством и мо-

щенничеством. Христианская традиция запрещала ростовщичество на протяжении всего средневековья — Никейский собор (325 г.), Третий Латеранский собор (1179) и Аквинат — все они осуждали его. Аристотель утверждал, что деньги бесплодны — они не могут породить деньги — и что, следовательно, проценты противоречат природе. И буддийская, и индуистская традиции ограничивали кредитование под проценты в рамках своих этических систем.

Сходство носит структурный характер: везде, где цивилизации тщательно размышляли о деньгах, они приходили к выводу, что ссуды под проценты являются паразитическими — они извлекают богатство из производственной деятельности, не внося вклада в производство. Это не моральное предубеждение. Это структурное наблюдение: проценты переносят богатство от тех, кто создает товары и услуги, к тем, кто создает средство обмена. Сложные проценты ускоряют этот перенос в геометрической прогрессии. А денежная система, в которой *все деньги вступают в обращение в виде процентного долга* — то есть современная система — представляет собой систему, структурно спроектированную для бесконечного перераспределения богатства вверх.

Постепенная отмена запретов на ростовщичество — начавшаяся с Реформации (ограниченное разрешение Кальвина на взимание процентов) и ускорившаяся в эпоху Просвещения — не было освобождением от суеверий. Это было устранение последнего этического ограничения на систему, которую каждая предыдущая цивилизация признавала эксплуататорской. Номиналистический распад универсалий (см. [Основы](#)) устранил философскую основу для запрета — если «справедливость» не является реальной универсалией, то ростовщичество не может быть объективно несправедливым — а капиталистическая революция обеспечила институциональные рамки, в которых неограниченные проценты могли действовать в масштабах цивилизации.

Диагноз гармонистов

[Гармонизм](#) рассматривает финансовую архитектуру как экономическое выражение того же цивилизационного разлома, который породил эпистемологический, моральный и антропологический кризисы, прослеживаемые в более широкой серии (см. [Западный разлом](#)). Конкретная патология имеет три измерения.

Во-первых, **редукция ценности**: финансовая архитектура действует исходя из предположения, что всякая ценность сводится к единой количественной метрике — деньгам — и что основная функция денег заключается не в облегчении обмена, а в получении прибыли. Это экономическое выражение номинализма: если такие универсалии, как «справедливость» и «красота», нереальны, то многомерная ценность экономической деятельности (ее вклад в здоровье, сообщество, экологию, культуру) не имеет онтологического статуса, и единственной оставшейся мерой является абстрактная, поддающаяся количественному измерению.

Во-вторых, **захват общего достояния**: деньги — это самое фундаментальное общее достояние — общее средство, с помощью которого сообщество организует свою производственную жизнь. Приватизация создания денег — передача этой власти от суверенного со-

общества частным банковским интересам — является самым значимым ограживанием в истории, более фундаментальным, чем ограживание земли, поскольку оно определяет условия, на которых происходит вся остальная экономическая деятельность.

В-третьих, **нарушение принципа взаимности** (Ayni): принцип взаимности (Ayni) — священная взаимность — требует, чтобы обмен был взаимным, чтобы то, что дается, и то, что получается, находилось в равновесии. Система, в которой деньги создаются из ничего, ссужаются под проценты, а затем проценты ссужаются под дальнейшие проценты, бесконечно, — это система, которая в своей основе нарушает принцип взаимности. Создатель денег ничего не дает — он делает запись в бухгалтерской книге — и получает взамен реальное богатство (труд, товары, собственность, суверенитет). Это не обмен. Это вытягивание богатства, замаскированное под язык обмена. И каждая традиционная цивилизация, запрещающая ростовщичество, признавала это как таковое.

Решение

Ответ «Гармонистов» заключается не в отмене денег или рынков, а в восстановлении общего достояния и приведении денежной архитектуры в соответствие с принципом «[Dharma](#)».

Суверенное создание денег. Право на создание денег должно быть возвращено суверенному сообществу — будь то через подлинно публичный центральный банк, через местные и общинные валюты или через децентрализованные денежные системы, такие как Bitcoin, которые функционируют полностью вне архитектуры центрального банковского дела. Принцип: те, кто использует деньги, должны контролировать их создание, а выгоды от создания денег (сениораж) должны поступать сообществу, а не частным интересам. Это не утопические домыслы. Существуют реальные примеры. Банк Северной Дакоты (BND), основанный в 1919 году и являющийся единственным государственным банком в Соединенных Штатах, функционирует как государственное учреждение, которое сотрудничает с местными банками, а не конкурирует с ними, возвращает прибыль в казну штата и помог Северной Дакоте сохранить один из самых низких показателей дефолта и самую стабильную банковскую среду в стране — во время всех финансовых кризисов с момента своего основания, включая 2008 год. Штат Гернси с 1816 года выпускал беспроцентные государственные облигации для финансирования общественной инфраструктуры — дорог, рыночного зала, церкви — без привлечения долга и без инфляции. Эксперимент Гернси успешно продолжался более века. Это не радикальные альтернативы. Это проверенные модели, которые финансовая архитектура позаботилась о том, чтобы они оставались неизвестными.

Запрет на начисление сложных процентов на предметы первой необходимости. Жилье, образование, здравоохранение, питание — предметы первой необходимости не должны подвергаться финансовизации. Цивилизация, следующая принципам «Dharma», не взимает проценты на средства выживания. Запрет на *ribā* в исламской экономической традиции — это не средневековый пережиток, а структурная гарантия, предотвращающая захват предметов первой необходимости императивом роста долга.

Радикальная прозрачность. Непрозрачность нынешней финансовой архитектуры — многоуровневые структуры управления центральными банками, замкнутые сети владения «большой тройки», офшорные сети, защищающие богатство от подотчетности, — не является случайностью. Это особенность конструкции. Прозрачность — это структурное противоядие: полное публичное раскрытие структур владения, процессов создания денег и потоков средств между финансовыми учреждениями и правительствами.

Децентрализация и субсидиарность. Экономический суверенитет на максимально локальном уровне — сообщества, которые производят собственную пищу, генерируют собственную энергию и управляют собственными финансами (см. [Новый Акр](#)). Финансовая архитектура черпает свою силу из зависимости: когда каждый человек, каждое предприятие и каждое правительство вынуждены действовать в рамках системы, основанной на долгах, эта система становится непреодолимой. Когда же сообщества могут действовать вне ее — посредством местных валют, кооперативного банковского дела, производственной самодостаточности — архитектура теряет свою основу.

Финансовая архитектура не является неизбежной. Это конструкция — конкретное, историческое устройство, созданное конкретными интересами в конкретные моменты. То, что было спроектировано, можно перепроектировать. Но перепроектирование требует того, чего не могут предоставить ни мейнстримная экономика, ни марксистская критика: онтологической основы, с которой это устройство можно признать нарушением порядка, которого требует сама реальность — [Logos](#), выражающегося как [Ayni](#), священной взаимности, которую каждая цивилизация, соотношенная с реальностью, независимо признавала в качестве основы справедливого обмена.

См. также: [Капитализм и гармонизм](#), [Глобалистская элита](#), [Мировой экономический порядок](#), [Новый Акр](#), [Западный разлом](#), [Основы](#), [Коммунизм и гармонизм](#), [Либерализм и гармонизм](#), [Моральная инверсия](#), [Архитектура Гармонии](#), [Гармонизм](#), [Logos](#), [Dharma](#), [Ayni](#), [Ответственное управление](#), [Прикладной гармонизм](#)

«Большая фарма»: структурная модель зависимости

ФАРМАЦЕВТИЧЕСКИЙ ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС КОРРУПТИРОВАН НЕ *НЕСМОТЯ НА* СВОЮ СТРУКТУРУ. Он коррумпирован *именно из-за* своей структуры. Система порождает именно то, на что она рассчитана: не здоровье, а хроническую зависимость. Не излечение, а контролируемое заболевание. Не правду, а превращенную в товар авторитетность. Понимание этого — не цинизм, а диагноз, необходимый для того, чтобы вырваться из системы и вернуть себе «суверенитет».

Структура стимулов

Фундаментальная математика фармацевтического капитализма проста и неизбежна. Компания может заработать гораздо больше денег, леча заболевание хронически, чем излечивая его. Вылечите диабетика — и вы потеряете клиента на пятьдесят лет. Поддерживайте диабет с помощью инсулина и пероральных препаратов, требующих пожизненного мониторинга, и у вас будет надежный доход. Вылечите гипертоника с помощью изменения образа жизни, и вы потеряете клиента на всю оставшуюся жизнь. Контролируйте его гипертонию с помощью лекарств, которые он принимает ежедневно, и у вас будет постоянный поток дохода.

Это не спекуляции об отдельных недобросовестных игроках. Это базовая бизнес-модель, публично заявленная публичными компаниями. Ежеквартальные отчеты о прибылях важнее благополучия людей, потому что акционеры важнее пациентов. Генеральный директор фармацевтической компании имеет фидуциарную обязанность максимизировать акционерную стоимость, а не лечить болезни. Если излечение болезни приведет к сокращению рынка, обязанность перед акционерами требует не лечить ее. Это не коррупция — это капитализм, работающий именно так, как задумано. Несоответствие между интересами акционеров и интересами пациентов — это не ошибка. Это фундаментальная архитектура системы.

Следствие: фармацевтическая индустрия оптимизируется под лечение, а не под излечение. Под симптомы, а не под первопричины. Под вмешательства на уровне населения, которые можно предписать миллиардам людей, а не под индивидуальную оптимизацию метаболизма. Под вещества, которые можно запатентовать и установить на них цену, а не под изменение рациона, физическую активность, качество сна или другие некоммерческие меры. Вся система — финансирование исследований, медицинское образование, захват регулирующих органов, страховое возмещение, клинические рекомендации — нацелена на эту оптимизацию.

Захват регулирующих органов и ловушка власти

Институты, номинально предназначенные для защиты пациентов от вреда со стороны фармацевтической промышленности — FDA, медицинские советы, комитеты по надзору за клиническими испытаниями — оказались захвачены той самой индустрией, которую они регулируют. Это не скрывается. Это структурная особенность.

Фармацевтические компании финансируют процесс одобрения FDA за счет сборов с пользователей. Они финансируют непрерывное медицинское образование, необходимое для получения лицензии врача. Они финансируют больничные системы, в которых работают врачи. Они финансируют профессиональные общества, публикующие клинические рекомендации. «Вращающаяся дверь» между фармацевтической индустрией и регулирующими органами — явление не единичное, а систематическое. Сотрудники FDA переходят на работу в фармацевтические компании и обратно. Финансируемые индустрией исследователи входят в состав консультативных комитетов FDA. Система стимулов для получения регуляторного одобрения разработана так, чтобы быть быстрой и предсказуемой, а не строгой и скептической.

Рандомизированное контролируемое испытание (РКИ), представляемое как «золотой стандарт» доказательств, само по себе является проблемой — не как метод исследования, а как *единственный* метод, принимаемый учреждениями, контролируемые теми, кто извлекает выгоду из ограничений испытания. РКИ — это дорого. Проводить их могут только компании с миллиардным капиталом. Дорогие лекарства проходят РКИ. Дешевые меры — физические упражнения, протоколы сна, изменение рациона, голодание, простые добавки — систематически лишаются финансирования для РКИ, потому что никто не может запатентовать их и окупить расходы на испытание. Эпистемологический стандарт, принятый FDA, систематически исключает все, что нельзя приватизировать и продать. Это не научная строгость. Это защита рынка, замаскированная под язык строгости.

Ловушка авторитета захлопывается незаметно: врачам в медицинском университете внушают, что одобрение лекарства означает его безопасность. Одобрение лекарства означает, что метод лечения соответствует стандартам FDA. Стандартам FDA могут соответствовать только дорогостоящие РКИ. Дорогостоящие РКИ могут финансироваться только фармацевтическими компаниями. Следовательно, единственными методами лечения, считающимися «основанными на доказательствах», являются те, на проведение испытаний которых фармацевтические компании могут себе позволить. Замкнутый круг завершен. Суверенитет, оцениваемый через призму официальной власти, становится невозможным.

Медицинское образование как фармацевтическая индоктринация

Врачей обучают лечить симптомы, а не выяснять первопричину. Их учат, что фармацевтический ответ — это ответ по умолчанию. Это не случайность — это заложено в учебной программе.

Медицинские вузы в значительной степени финансируются фармацевтическими компаниями. Непрерывное медицинское образование финансируется фармацевтическими компаниями. Учебники пишут авторы, имеющие финансовые связи с фармацевтическими компаниями. Системы больниц зависят от доходов фармацевтических компаний, получаемых через маркетинговые и консультационные соглашения. Структура стимулов идеально согласована: врач, назначающий множество лекарств, приносит больше дохода, чем врач, который сначала выясняет, почему пациент заболел.

Пациент с аутоиммунным заболеванием обращается к ревматологу. Ревматолог обучен ставить диагноз и назначать иммунодепрессанты. Обучение не включало изучение причин нарушения регуляции иммунной системы — какого рода дефицит питательных веществ, пищевая чувствительность, хроническая инфекция, воздействие токсинов или стрессовые факторы создали условия, в которых могло развиваться аутоиммунное заболевание. Такие исследования требуют времени и не приносят дохода. Фармацевтический подход приносит доход. Поэтому фармацевтический подход является институциональным подходом.

В медицинских вузах питанию уделяется минимальное внимание, несмотря на то, что оно является основным рычагом вмешательства в сферу здоровья. Движение, сон, управление стрессом, духовная практика, качество отношений — все это отбрасывается как «факторы образа жизни», второстепенные проблемы, не заслуживающие внимания врача. Единственные меры, достойные внимания врача и маркетинга фармацевтических компаний, — это фармацевтические меры.

Целое поколение врачей было обучено рассматривать свою роль как роль «стражей» диагностики и выписывающих рецепты, а не как проводников к здоровью. Авторитет врача перешел к авторитету фармацевтической компании. Врач — это продавец. Пациент — это потребитель. Суверенитет не входит в эту картину.

Парадигма онкологии: резать, облучать и травить по умолчанию

Лечение рака наиболее ярко раскрывает суть системы. Стандартный подход — хирургия, химиотерапия, лучевая терапия — представляется как единственный вариант, основанный на доказательствах. Альтернативы отвергаются как псевдонаука, опасное шарлатанство или бредовые идеи. Пациентов, которые обращаются за вторым мнением, изучая метаболические подходы, диетические вмешательства или детоксикацию по методу Герсона, предупреждают, что они тратят время, пока рак распространяется. Время — это рычаг. Вселите страх, и вы не дадите пациенту даже изучить альтернативы.

Метаболическая теория рака, разработанная такими исследователями, как Томас Сейфрид, и основанная на оригинальных работах Отто Варбурга, описывает рак как заболевание, связанное с дисфункцией митохондрий и нарушением метаболизма глюкозы. Это не маргинальная наука — это биохимия. Раковая клетка, лишенная доступа к глюкозе, становится нефункциональной. Это подсказывает простое вмешательство: устранить глюкозу и заста-

вить раковую клетку перейти на кетоновый обмен, который поврежденные митохондрии раковых клеток не могут переносить. Это вмешательство недорогое, нетоксичное и устраняет первопричину, а не отравляет организм в надежде, что рак умрет первым.

Почему метаболический подход не является стандартом лечения? Потому что его нельзя запатентовать. Ни одна компания не может запатентовать ограничение глюкозы или кетогенное питание. Ни одна компания не зарабатывает миллиарды на применении принципа Варбурга в качестве диетического протокола. Стандартным подходом остается метод «резать-жечь-травить» — прибыльный, агрессивный, приносящий доход и одинаково вредный как для здоровья пациента, так и для раковой клетки. Тот факт, что хирургия, химиотерапия и лучевая терапия часто менее эффективны, чем диетическое вмешательство, в предотвращении рецидива, не обсуждается в онкологическом образовании, поскольку это структурно неудобно.

Это система, работающая так, как она задумана. Система не предназначена для излечения рака. Система предназначена для дорогостоящего и бесконечного лечения рака. Тот факт, что пациент умирает, не имеет значения для логики системы — система заработала деньги, выпустила публикации, обучила ординаторов, укрепила престиж учреждения. Смерть пациента — это всего лишь конечная точка. Излечение было бы провалом системы.

Подавление профилактики и расследования первопричин

Фармацевтическая компания зарабатывает деньги, когда люди болеют. Фармацевтическая компания не зарабатывает денег, когда люди здоровы. Поэтому структурный интерес отрасли заключается в максимизации болезней и минимизации здоровья.

Это проявляется в систематическом подавлении профилактики и расследования первопричин. Кампании по охране здоровья, финансируемые фармацевтическими компаниями, не поощряют людей оптимизировать сон, сократить потребление углеводов или больше двигаться. Они поощряют людей проходить скрининг на заболевания и раньше начинать принимать лекарства. Они расширяют определение болезни, чтобы больше людей подпадали под показания к лечению. Они определяют нормальный уровень холестерина как аномально низкий, чтобы статины можно было назначать людям, не страдающим сердечно-сосудистыми заболеваниями. Они определяют нормальный уровень сахара в крови как опасно высокий, чтобы люди могли принимать лекарства за годы до развития фактического диабета.

Логика перевернута. Вопрос не в том, «какое минимальное вмешательство необходимо для восстановления здоровья?». Вопрос в том, «какое максимальное фармацевтическое вмешательство выдержит рынок?». Рекомендации расширяются. Определения заболеваний расширяются. Пороги риска снижаются. Все больше людей подпадают под критерии. Продается все больше таблеток. Это не медицинская наука. Это оптимизация рынка, одетая в белые халаты.

Профилактика сократила бы рынок. Лечение первопричины воспалительных заболеваний посредством изменения рациона питания устранило бы необходимость в противовоспалительных препаратах, иммунодепрессантах и всех осложнениях, которые они вызывают. Обучение населения правильному сну устранило бы огромный рынок стимуляторов и снотворных препаратов. Исследование причин развития психических заболеваний у детей выявило бы экологические и пищевые причины, что устранило бы необходимость в психиатрических препаратах. Профилактика систематически пресекается, потому что она сокращает фармацевтический рынок.

Интересы фармацевтической компании и интересы пациента не совпадают. Они противоположны. Чем лучше пациент понимает первопричину, тем меньше ему требуется фармацевтическое вмешательство. Суверенитет и фармацевтическая прибыль находятся в обратной зависимости.

Эпистемологическая проблема: что считается истиной

Самая глубокая структурная проблема носит эпистемологический характер. Что считается легитимным знанием? Какие доказательства приемлемы? Кто принимает решение?

Фармацевтический комплекс определил приемлемые доказательства настолько узко, что вся система функционирует в замкнутом эпистемологическом цикле. Доказательства должны быть получены в ходе РКИ. РКИ должны быть опубликованы в рецензируемых журналах. Журналы должны принадлежать фармацевтическим компаниям или зависеть от фармацевтической рекламы. Рецензенты должны быть дипломированными врачами, зависимыми от финансирования фармацевтических компаний для продолжения образования и исследований. Результат: доказательства, полученные системой, являются доказательствами, поддерживающими систему. Доказательства, полученные за пределами системы — многовековая традиционная медицина, миллионы клинических случаев, индивидуальные результаты лечения пациентов — исключаются как анекдотические, неконтролируемые и нестрогие.

«Три сокровища», основополагающая концепция китайской медицины, описывающая поток энергии на биологическом уровне, была понята через личный опыт и усовершенствована в ходе тысячелетий наблюдений. Эти знания считаются суеверием в современной медицине не потому, что они бесполезны, а потому, что их невозможно выразить на языке РКИ. Аюрведическая оценка конституции — праkritи, врожденный баланс ваты, питты и кашхи у человека — определяет, что питает, а что усугубляет состояние на биологическом уровне. Эти знания отвергаются как псевдонаука не потому, что им не хватает предсказательной силы, а потому, что они опираются на иную эпистемологическую основу, чем узкий эмпиризм фармацевтической системы.

Система защищает себя с помощью эпистемологии. Определяя, что считается знанием, система определяет, что можно оспаривать, а что необходимо принимать. Суверенитет требует эпистемологического суверенитета — права определять, что считается истиной для вашего собственного тела. Фармацевтическая система активно подавляет этот суверенитет.

Вам не разрешается экспериментировать. Вам не разрешается исследовать. Вам не разрешается задавать вопросы. Вы должны подчиняться авторитету. Покорность представляется как мудрость. Исследование представляется как опасное.

Путь наружу: возвращение колеса здоровья «

[Суверенитет](#)» — это противоядие. Не сопротивление как бунт, а как возвращение того, что естественно принадлежит вам — власти над собственным телом, ответственности за собственную жизненную силу и способности исследовать первопричину.

Это требует отказа от ложного выбора между медицинской наукой и естественным исцелением. Это требует интеграции лучших научных методов измерения — анализов крови, визуализации, биомаркеров, генетической оценки — с лучшим из традиционной мудрости различных систем: аюрведы и конституциональной оценки, китайской медицины и «Трех сокровищ», андских и греческих традиций, авраамического мистического понимания интеграции души и тела. Это требует непосредственного самонаблюдения через [«Наблюдение»](#) — центр [«Колесо здоровья»](#).

[метапротокол](#) проста: основной причиной почти всех хронических заболеваний являются хроническое воспаление, нарушение регуляции инсулина, токсическая нагрузка, нарушение сна, недостаток движения, дисбактериоз кишечника и истощение питательных веществ. Вмешательство одинаково для всех состояний: очищение и детоксикация, метаболическая диета, соответствующая вашему конституциональному типу, движение, которое укрепляет, а не истощает, оптимизация сна, управление стрессом и целевое применение пищевых добавок. Ни одна фармацевтическая компания не может запатентовать это. Ни один регулирующий орган не может это одобрить. Ни одна страховая компания не возместит это. Поэтому система не будет учить вас этому. Вы должны узнать это самостоятельно.

Это не антимедицинский подход. Самостоятельный практикующий использует все доступные инструменты — визуализацию, чтобы увидеть, что происходит, анализы крови для измерения метаболических маркеров, лекарства, когда они устраняют острую угрозу жизни. Самостоятельный человек рассматривает медицину как один из многих источников информации, а не как единственный авторитет в том, что является правдой о его теле. Самостоятельный человек измеряет, задает вопросы, исследует и принимает решения.

Фармацевтическая система будет сопротивляться. Она назовет вас антинаучным. Она обвинит вас в том, что вы подвергаете себя опасности. Она будет сеять страх вокруг идеи, что вы можете понимать свой собственный организм так же хорошо, как и дипломированный эксперт. Это сопротивление является диагностическим. Страх — это механизм принуждения системы. Суверенитет требует проникновения сквозь страх и изучения правды о вашей собственной ситуации — что показывают ваши анализы крови, как на самом деле реагирует ваш организм на разные продукты, разные режимы дня, разные практики. Тело не лжет. Лгут только институты.

Целостный путь вперед

Будущее здравоохранения не связано с фармацевтикой. Оно связано с метаболизмом, конституцией и суверенитетом. Поколение практикующих врачей — как внутри, так и вне учреждений — применяет метаболическую медицину, исследует первопричины и возвращает себе ту сферу, от которой отказалась фармацевтическая медицина из-за ее нерентабельности.

Переход от лечения к излечению. От подавления симптомов к устранению первопричин. От фармацевтической зависимости к метаболическому и конституциональному балансу. От покорности авторитету к суверенитету личности. Это не медицинская революция, которая только предстоит. Она уже происходит. Это видно на примере врачей-метаболистов, практиков функциональной медицины, врачей аюрведы, врачей китайской медицины, исследователей, изучающих циркадную биологию и сон, новаторов, создающих технологии, которые позволяют людям измерять и отслеживать свои собственные биомаркеры.

Фармацевтическая система не реформирует себя сама. Учреждения, захваченные стремлением к прибыли, не отказываются от контроля добровольно. Путь вперед — это индивидуальный суверенитет, перерастающий в коллективное пробуждение. Вы возвращаете себе свое тело. Вы исследуете свое здоровье. Вы вращаете Колесо Здоровья как живую практику. Вы измеряете. Вы контролируете. Вы делитесь тем, что работает. Другие следуют вашему примеру. Система либо адаптируется, либо теряет актуальность.

Здоровье — ваше право с рождения. Право понимать собственное тело принадлежит только вам. Колесо Здоровья — это архитектура. Остальное — практика.

Связанные ссылки: [Sovereign-Здоровье](#) | [Колесо здоровья](#) | [Наблюдение](#) | [Питание](#) | [Очищение](#) | [Нутрицевтика](#) | [Профилактика рака](#) | [Здоровье, долголетие и основные факторы](#) | [Глоссарий терминов](#)

Вакцинация

Позиция гармонизма

Гармонизм исходит из того, что иммунная система человека — это не пассивный рецептор, ожидающий указаний от лекарственных препаратов. Это сложный, самоорганизующийся интеллект — сформированный сном, питанием, микробиологической экологией, структурой стресса, токсической нагрузкой и всей средой организма — который со-эволюционировал с патогенами на протяжении сотен тысяч лет. Иммунную систему не нужно «тренировать» с помощью инъекций; ее нужно *поддерживать* с помощью оптимизированной среды и *доверять* ей выполнению того, что она всегда делала.

Это не маргинальная точка зрения. Это логическое следствие теории внутренней среды — понимания, восходящего к Антуану Бешану и подтвержденного столетием исследований в области иммунологии, микробиологии и эпигенетики, согласно которому внутренняя среда организма определяет проявление болезни гораздо в большей степени, чем присутствие какого-либо отдельного патогена. Тот же принцип, который лежит в основе подхода гармонизма к «[причины заболевания](#)», определяет его подход к вакцинации: уделяйте внимание среде, и собственные защитные механизмы организма будут работать так, как задумано. Пренебрегайте средой, и никакое количество инъекций не сможет это компенсировать.

Гармонизм выступает против вакцинации. Не как реактивная политическая идентичность — не как племенной сигнал против «истеблишмента» — а как необходимое следствие своей собственной онтологии. Если организм — это интеллектуальная, самоорганизующаяся система, согласованная с принципом «[Logos](#)», и если состояние организма определяет проявление болезни, то введение антигенов, алюминиевых адьювантов, полисорбата 80, формальдегида и новых платформ на основе липидных наночастиц в здоровую ткань — это не нейтральный акт «тренировки» иммунитета. Это вмешательство, основанное на предположении, что иммунная система по умолчанию несовершенна — что организм, оставленный на произвол собственного интеллекта, не может справиться с тем, с чем справлялся на протяжении всей истории вида. Это предположение и является философской ошибкой. Все в парадигме вакцинации вытекает из него.

Программа массовой вакцинации — универсальные графики, применяемые ко всем людям независимо от их индивидуальных особенностей, причем институциональное принуждение заменяет информированное согласие — представляет собой нарушение суверенитета в масштабах цивилизации. Она заменяет пронизательность послушанием, рассматривает человеческий организм как сосуд для фармацевтических продуктов, а не как саморегулирующееся целое, и систематически подавляет доказательства, которые позволили бы людям понять, на что они дают согласие. В следующих разделах описаны как структурная коррупция, поддерживающая эту парадигму, так и конкретный вред, который из нее вытекает.

Структурная критика

Захват регулирующих органов

Учреждения, ответственные за обеспечение безопасности вакцин — FDA, CDC, EMA, ВОЗ — функционируют в рамках финансовой архитектуры, в которой их финансирование, кадровые потоки и институциональные стимулы переплетены с фармацевтической индустрией, которую они призваны регулировать. Это не теория заговора; это структурный анализ. «Вращающаяся дверь» между регулируемыми органами и фармацевтическими корпорациями задокументирована. Тот факт, что CDC владеет патентами на вакцины, что FDA получает существенное финансирование от отраслей, которые она контролирует, за счет сборов с пользователей, что среди крупнейших добровольных доноров ВОЗ числятся фармацевтические производители и связанные с ними фонды — все это общеизвестно.

Захват регулирующих органов не требует коррупции в уголовном смысле. Он требует лишь того, чтобы институциональная система стимулов вознаграждала одобрение вместо осторожности, консенсус вместо расследования а партнерство с промышленностью — над составительным надзором. Результатом является система, в которой сигналы о безопасности появляются с задержкой, исследователи, высказывающие несогласие, сталкиваются с разрушением карьеры, а защита от ответственности, предоставленная производителям вакцин в 1986 году (Закон о компенсации ущерба от детских вакцин (https://grokopedia.com/page/National_Childhood_Vaccine_Injury_Act)), устраняет рыночную дисциплину, которая обычно заставляет улучшать продукцию.

Подавление инакомыслия

Обращение с авторитетными учёными, высказывающими опасения по поводу безопасности, раскрывает логику функционирования системы. Роберт Мэлоун, один из создателей основополагающей технологии мРНК, был систематически лишен возможности высказываться и оказался в профессиональной изоляции за то, что подверг сомнению соотношение риска и пользы вакцин против COVID-19 на основе мРНК. Дидье Рауль, один из самых цитируемых микробиологов в мире, подвергся дисциплинарному преследованию за то, что оспорил официальную версию как в отношении лечения COVID (гидроксихлорохин), так и необходимости вакцинации. [Питер Маккалоу](#), один из самых публикуемых кардиологов в истории американской медицины, был лишен сертификатов после публикации о риске миокардита. Люк Монтанье, лауреат Нобелевской премии и соавтор открытия ВИЧ, был отмахнут как старик за то, что выразил опасения по поводу эволюции вируса под давлением вакцин.

Схема остается неизменной: на критику не отвечают — критику уничтожают. Наука так не работает. Так институциональная власть защищает себя. Система, уверенная в своих доказательствах, приветствует тщательную проверку; система, зависящая от послушания, наказывает за нее.

Вакуум ответственности

В США с 1986 года, а также во всем мире в отношении продуктов эпохи COVID, находящихся в экстренном использовании, производители вакцин не несут финансовой ответственности за ущерб, причиненный их продуктами. Иски о возмещении ущерба направляются через специализированные трибуналы (страница VICP в США, [CISCP](#) для продуктов, используемых во время пандемии) с ограниченным доступом к доказательствам, сжатыми сроками и ставками компенсации, не имеющими никакого отношения к фактической стоимости вреда, причиненного вакциной. Это уникальный случай в законодательстве о потребительских товарах. Ни один другой класс фармацевтических продуктов не пользуется такой всеобъемлющей защитой от ответственности. Экономические последствия предсказуемы: без риска ответственности рыночный сигнал к инвестициям в безопасность ослабевает. Рациональный расчет производителя смещается с «сделать продукт достаточно безопасным, чтобы выстоять в судебном разбирательстве» к «сделать его достаточно безопасным, чтобы пройти регуляторную проверку, проводимую подконтрольным агентством».

Переломный момент 2025 года

На протяжении десятилетий движение за безопасность вакцин действовало из-за пределов институциональной власти — исследователи публиковали работы, идущие вразрез с общепринятым мнением, врачи теряли лицензии, организации подавали запросы по Закону о свободе информации (FOIA) и иски, чтобы получить данные, которые по умолчанию должны были быть общедоступными. В феврале 2025 года структурный ландшафт кардинально изменился: Роберт Ф. Кеннеди-младший был утвержден в должности министра здравоохранения и социальных служб США, что поставило самого видного институционального критика парадигмы вакцинации во главе федерального аппарата здравоохранения.

Последствия не заставили себя ждать. Кеннеди уволил всех семнадцать членов Консультативного комитета по практике иммунизации (ACIP) — органа, определяющего графики вакцинации детей и взрослых в США — и назначил на их место специалистов из сети исследований по безопасности вакцин: Роберта Мэлоуна и Мартина Куллдорфа (ведущего автора Декларации Грейт-Баррингтона, уволенного из Гарварда за противодействие обязательной вакцинации от COVID для людей с естественным иммунитетом). [Ретсеф Леви](#), профессор операционного менеджмента Массачусетского технологического института, который публично призывал к отзыву мРНК-вакцин, был назначен руководителем рабочей группы CDC по вакцинам от COVID-19. Исследования NIH по мРНК-вакцинам были отменены. В декабре 2025 года CDC проголосовал за сокращение рекомендуемого числа детских прививок с семнадцати до одиннадцати заболеваний. Рекомендация по введению дозы вакцины против гепатита В при рождении была отменена. Рекомендации по вакцинации от COVID-19 для детей и беременных женщин были ограничены.

Реакция со стороны учреждений была столь же показательной. Питер Маркс, руководитель отдела вакцин FDA, ушел в отставку в марте 2025 года. Пол Оффит — самый видный защитник существующего графика — был исключен из консультативного комитета FDA по

вакцинам в сентябре. Американская медицинская ассоциация и CIDRAP Университета Миннесоты запустили в апреле 2025 года Проект по обеспечению целостности вакцин, чтобы сохранить независимый анализ доказательств вне нынепереформированного ACIP. Институциональный вакуум, созданный действиями Кеннеди, вынудил провакцинное истеблишмент создать параллельные структуры — неявным признанием того, что доверие к существующим было структурно подорвано, будь то назначениями Кеннеди или десятилетиями захваченного надзора, которые им предшествовали.

То, что Хармонизм наблюдает в этом переломе, — это не оправдание: смена политической власти не решает эпистемических вопросов — а подтверждение структурного диагноза. Та же институциональная архитектура, которая десятилетиями подавляла сигналы о безопасности, теперь видит, как ее персонал заменяют критики парадигмы, а защитники системы реагируют не путем ответа на существенную критику, а путем создания обходных институтов. Вращающаяся дверь вращается; структурная проблема — что политика в отношении вакцин определяется институциональной властью, а не прозрачной наукой — остается. Суверенитет не зависит от того, какая фракция контролирует регуляторный аппарат. Он зависит от способности индивидуума анализировать ситуацию и действовать на основе собственного суждения, а не слепого подчинения, независимо от того, какие органы власти выдают рекомендации.

Между тем эпидемиологические данные накапливают собственное свидетельство. Покрываемость вакцинацией MMR снизилось до 92,5% к 2024–25 учебному году, при этом, по оценкам, около 286 000 детей в детских садах остались незащищенными. В 2025 году число случаев кори достигло двадцатилетнего максимума, причем 92% случаев в 2026 году пришлось на невакцинированных. Основное толкование прямолинейно: снижение уровня вакцинации вызывает возрождение заболеваний. Интерпретация Хармонизма более точна: население, иммунный фон которого был ослаблен десятилетиями потребления обработанных продуктов, токсичностью окружающей среды, хроническим стрессом и зависимостью от лекарств, уязвимо независимо от статуса вакцинации — а политическая дискуссия, сводящая иммунную устойчивость к бинарной оппозиции «вакцинированные или невакцинированные», затуманивает причины на уровне иммунного фона, которые ни одна из сторон адекватно не учитывает.

Конкретные опасения

Платформа мРНК

Вакцины на основе мРНК, внедренные во время пандемии COVID-19, представляют собой новую технологическую платформу, по которой на момент массового внедрения не было данных о долгосрочной безопасности. Основной механизм — дача указания клеткам человека производить чужеродный белок (белок-шип), а затем вызывать иммунный ответ против него — вызывает вопросы, на которые пока нет полных ответов:

Биораспределение. Изначально утверждалось, что система доставки на основе липидных наночастиц остается в месте инъекции. Собственное исследование биораспределения компании Pfizer, полученное в Японии по запросу в соответствии с Законом о свободе информации (FOIA), показало накопление липидных наночастиц в печени, селезенке, надпочечниках и яичниках в течение 48 часов. Последствия производства спайкового белка в этих органах — особенно в яичниках и надпочечниках — не были должным образом изучены.

**Токсичность спайкового белка. Было показано, что сам спайковый белок, независимо от вируса, обладает биологической активностью — он способен связываться с рецепторами ACE2, проникать через гематоэнцефалический барьер и запускать воспалительные каскады. Предположение о том, что приказ организму массово производить этот белок не несет никакого риска, независимо от вызываемого им иммунного ответа, является всего лишь предположением, а не установленным фактом.

Иммунная модуляция. Повторные бустерные дозы мРНК-вакцин связывают с явлением смены класса антител — переходом от антител IgG1/IgG3 (воспалительных, уничтожающих патогены) к антителам IgG4 (связанным с толерантностью). Долгосрочные последствия «обучения» иммунной системы толерантности к патогену, а не его элиминации, пока не изучены. Исследования, опубликованные в *Science Immunology* и других журналах, зафиксировали этот сдвиг, не дав ответа на вопрос, что это означает для долгосрочной иммунной компетентности.

Сигнал о миокардите. Связь между вакцинацией мРНК и миокардитом, особенно у молодых мужчин, в настоящее время признана регулирующими органами по всему миру. Изначально этот риск отрицался, затем его значение было сведено к минимуму как «легкое и самопроходящее». Исследования с помощью МРТ сердца показывают, что субклиническое воспаление миокарда может быть более распространенным, чем это следует из одних лишь клинических проявлений. Для демографической группы (молодые мужчины), у которой базовый риск COVID-19 ничтожно мал, сердечный риск любой величины заслуживает честной оценки, а не институциональных заверений.

Адьюванты и ингредиенты

В состав вакцинных адьювантов — веществ, добавляемых для вызова более сильного иммунного ответа — входят соединения, безопасность которых вызывает споры:

Алюминиевые адьюванты (гидроксид алюминия, фосфат алюминия) используются уже десятилетиями на основании данных о безопасности, полученных до появления современных представлений о нейротоксическом потенциале алюминия. Исследования [Кристофера Экли](#) по накоплению алюминия в тканях мозга, включая выводы о повышенном содержании алюминия в мозге людей с аутизмом и болезнью Альцгеймера, встретили не подтверждение и интерес, а лишение финансирования и институциональную маргинализацию.

Тимосал — органическое соединение ртути, используемое в качестве консерванта в многодозовых флаконах с вакцинами — присутствовал в стандартных детских вакцинах до нача-

ла 2000-х годов, когда под давлением общественности его удалили из большинства составов, в то время как регулирующие органы одновременно утверждали, что он безопасен. Это противоречие поучительно: если соединение безопасно, то его удаление не нужно; если удаление было разумным, то десятилетия воздействия не были безопасными. Тимеросал оставался в многодозовых вакцинах против гриппа до июля 2025 года, когда реорганизованный АСІР под руководством Кеннеди проголосовал 5–1 за рекомендацию его удаления из всех американских вакцин против гриппа. Защита со стороны учреждений основывается на различии между этилртутью (метаболит тимеросала, который, как утверждается, быстро выводится) и метилртуть (экологический нейротоксин с установленной дозозависимой токсичностью). Замечание Хармонизма: безопасность введения любого соединения ртути новорожденным была установлена исследованиями, дизайн, финансирование и интерпретация которых контролировались той же институциональной архитектурой, описанной в «Структурной критике» выше. Переворот бремени доказательства остается тем же: соединение было допущено к применению без тестирования на безопасность, которое требовалось бы для нового фармацевтического ингредиента, а исследования, проведенные для его защиты, появились только после того, как общественный резонанс заставил поставить этот вопрос.

Полисорбат 80 и полиэтиленгликоль (ПЭГ) — используемые в качестве эмульгаторов и в составах липидных наночастиц — как известно, проникают через гематоэнцефалический барьер и обладают задокументированным анафилактическим потенциалом. Антитела к ПЭГ все чаще встречаются в общей популяции, что вызывает вопросы об иммунной реактивности на препараты, содержащие ПЭГ, при повторном воздействии.

Наночастицы и оксид графена

Утверждения относительно [оксида графена](#) в составе вакцин занимают спорное эпистемическое пространство. Независимые лабораторные анализы — в частности, проведенные [Пабло Кампра](#) в Университете Альмерии с использованием микро-Рамановской спектроскопии и просвечивающей электронной микроскопии — показали наличие структур, характерных для оксида графена, в ампулах вакцины от COVID-19. Эти выводы не были подтверждены регулирующими органами или рецензируемыми исследованиями, а исходные анализы были оспорены по методологическим соображениям.

Эпистемическая позиция гармонизма здесь четкая: эти утверждения ни подтверждены, ни опровергнуты — они *неразрешены*, и институциональный отказ от проведения прозрачного, независимого анализа состава вакцин сам по себе является проблемой. Суверенная система приветствовала бы независимую проверку. Спротивление ей — отсутствие опубликованных полных анализов состава со стороны производителей, опора на защиту списков ингредиентов в качестве коммерческой тайны — нарушает основные эпистемические требования информированного согласия.

Более общие опасения относительно липидных наночастиц имеют более прочную основу: их профиль биораспределения, их взаимодействие с клеточными мембранами и их способность доставлять полезную нагрузку в непреднамеренные ткани являются активными об-

ластями исследований в наномедицине — исследований, которые в значительной степени были обойдены в рамках сроков экстренного разрешения.

График вакцинации детей

Количество доз вакцин, вводимых детям до 18 лет в США, увеличилось с примерно 24 в 1980-х годах до более 70 в настоящее время. Ни одно клиническое испытание никогда не проверяло кумулятивный эффект полного графика — вакцины тестируются по отдельности или в небольших комбинациях, а затем добавляются в график, совокупная иммунологическая и токсическая нагрузка которого, как предполагается, равна сумме его частей. Это предположение не имеет эмпирического обоснования. Синергетические эффекты между несколькими вакцинами с алюминиевым адъювантом, живым вирусом и других фармацевтических вмешательств, вводимых в один и тот же период развития, на уровне всего графика вакцинации остаются неизученными.

Работа [Пола Томаса](#)) — педиатра, который в своей практике провел исследование результатов, сравнивающее вакцинированных, частично вакцинированных и невакцинированных детей, — выявила значительно более низкие показатели хронических заболеваний у невакцинированных и выборочно вакцинированных детей. Вскоре после публикации его медицинская лицензия была приостановлена. Данные не были опровергнуты; исследователь был отстранен.

Клеточные линии плода

Несколько вакцин, входящих в детский календарь прививок — в том числе от краснухи (М-М-Р-II), ветряной оспы (VARIVAX) и гепатита А (HAVRIX) — производятся с использованием клеточных линий человеческого плода, полученных в результате абортов по желанию в 1960-х годах: WI-38 (изолирована в 1962 году, США), MRC-5 (изолирована в 1966 году, Великобритания) и HEK-293 (изолирована в 1972 году, используется в более новых платформах вакцин, включая аденовирусные вакцины от COVID-19). Аргументы защитников заключаются в том, что первоначальные аборты не проводились с целью создания вакцин, что дополнительные аборты не требуются и что конечный продукт вакцины не содержит интактных человеческих клеток. Возражение — выдвинутое на религиозных, этических и онтологических основаниях — заключается в том, что использование тканей, полученных от абортированных человеческих существ, в качестве субстрата для фармацевтических продуктов нормализует нарушение человеческого достоинства, независимо от временного расстояния от первоначального акта, и что отсутствие альтернатив для нескольких обязательных вакцин исключает возможность получения подлинного информированного согласия от родителей, придерживающихся этой позиции. Папская академия жизни Ватикана выпустила в 2005 году заявление, разрешающее использование «при отсутствии альтернатив», одновременно призывая к разработке вакцин, не полученных из плода — призыв, который в основном остался без ответа за прошедшие два десятилетия.

Загрязнение ДНК и последовательности SV40

В сентябре 2023 года [Филипп Бакхолтс](#) — молекулярный биолог и исследователь геномики рака из Университета Южной Каролины — дал показания перед Комитетом по медицинским вопросам Сената Южной Каролины о том, что мРНК-вакцина Pfizer загрязнена остаточной плазмидной ДНК, оставшейся после производственного процесса. Бакхолтс оценил количество фрагментов плазмидной ДНК в одной дозе примерно в 200 миллиардов, инкапсулированных в липидные наночастицы — это означает, что ДНК доставляется в клетки по тому же механизму, что и мРНК. Его опасение заключается в следующем: ДНК, инкапсулированная в липидные наночастицы, имеет ненулевую вероятность геномной интеграции, что теоретически может вызвать онкогенез или нарушить регуляцию генов. Бакхолтс подчеркнул, что его утверждения являются механистически правдоподобными, но пока не подтверждены эмпирически — редкий пример эпистемической точности в этом дискурсе.

Эти выводы были независимо подтверждены и расширены [Кевином МакКернаном](#) (исследователем в области геномики, который первым обнаружил загрязнение), Джессикой Роуз и Дэвидом Шпайхером. Их рецензируемое исследование, опубликованное в журнале *Autoimmunity* в сентябре 2025 года, была проведена количественная оценка остаточной плазмидной ДНК в 32 флаконах вакцины из 16 партий. С помощью флуорометрии было установлено, что общее количество ДНК превышало нормативный предел FDA/ВОЗ в 36–153 раза для Pfizer и в 112–627 раз для Moderna. Важно отметить, что препарат Pfizer содержит последовательность промотора-усилителя-происхождения SV40 — последовательность промотора-энхансера-оригина, генетический элемент, полученный из вируса обезьян 40, который не был раскрыт Pfizer в документации, представленной в Европейское агентство по лекарственным средствам. Промотор SV40 является хорошо изученным инструментом в молекулярной биологии именно потому, что он стимулирует эффективную экспрессию генов в клетках млекопитающих и содержит сигнал ядерной локализации, облегчающий транспорт ДНК в ядро клетки — свойства, которые усугубляют опасения по поводу геномной интеграции. Исследование показало, что 3 из 6 протестированных партий Pfizer превышали нормативный предел, установленный специально для последовательностей промотора SV40, в 2 раза даже при использовании более консервативного метода qPCR.

Реакция регулирующих органов заключалась в отрицании значимости этих результатов: Министерство здравоохранения Канады признало наличие последовательности SV40, но заявило, что она не представляет риска для безопасности; FDA не потребовало обновления информации о составе препарата. Эта схема соответствует более общей картине, описанной в данной статье: когда независимые исследователи выявляют сигнал, указывающий на проблему безопасности, реакция официальных органов заключается в оспаривании методологии, а не в повторении исследований в контролируемых условиях.

Вопрос об аутизме

Связь между вакцинацией и [аутизмом](#) является самым замалчиваемым и самым важным вопросом в области безопасности вакцин. Официальная версия заключается в том, что серия случаев, описанная Эндрю Уэйкфилдом в 1998 году в журнале *Lancet* 1998 года — в которой сообщалось о желудочно-кишечных патологиях и регрессии развития у детей после

вакцинации MMR — была фальсифицирована, что Уэйкфилд был исключен из реестра врачей и что, следовательно, вопрос закрыт. Эта версия является неполной в важных аспектах.

[Дело об информаторе CDC](#): в 2014 году доктор [Уильям Томпсон](#)), старший статистик CDC и соавтор ключевого исследования агентства 2004 года по MMR и аутизму (DeStefano et al.), воспользовался федеральной защитой информаторов и заявил, что он и его соавторы намеренно опустили статистически значимые данные, показывающие связь между ранней вакцинацией MMR и аутизмом у афроамериканских мальчиков. Томпсон заявил, что исследователям CDC было дано указание уничтожить документы, связанные с этим открытием. Ему был предоставлен федеральный иммунитет для информаторов. Его никогда не допрашивали. Раскрытые им данные так и не были повторно проанализированы независимыми экспертами при полном доступе к ним. Конгресс не вызывал его в суд. Исследование, соавтором которого он является, по-прежнему остается основным источником, на который CDC ссылается, утверждая, что вакцина MMR не вызывает аутизм.

[Конференция в Симпсонвуде](#) (июнь 2000 г.): закрытое совещание ученых CDC, производителей вакцин и консультантами ВОЗ в методистском центре отдыха Симпсонвуд в Джорджии, созванная для обсуждения анализа Томаса Верстратена данных Vaccine Safety Datalink, показывающих статистически значимую связь между воздействием тимеросала и нарушениями нервно-психического развития, включая аутизм. Стенограмма — полученная через Закон о свободе информации (FOIA) — показывает, что участники обсуждали последствия этих данных для ответственности и общественного доверия, а не для безопасности детей. Анализ Верстратена впоследствии был пересмотрен в ходе четырех итераций, каждая из которых постепенно ослабляла сигнал, прежде чем он был опубликован в журнале *Pediatrics* в 2003 году без указания какой-либо значимой связи.

Дело [Ханны Полинг](#): в 2008 году правительство США признало в рамках Программы компенсации ущерба от вакцин, что вакцины «значительно усугубили» имевшееся у Ханны Полинг митохондриальное заболевание, что привело к «признакам расстройства аутистического спектра». Это признание было засекречено, но затем просочилось в прессу. Позиция правительства — что вакцины вызвали симптомы, похожие на аутизм, у ребенка с уже имевшимся митохондриальным заболеванием, но не «вызвало аутизм» — представляет собой различие, не имеющее значимого значения для затронутых этим семей. Более широкий вопрос — сколько детей с расстройствами аутистического спектра имеют недиагностированную митохондриальную дисфункцию, делающую их уязвимыми к регрессии, вызванной вакцинацией, — не был систематически изучен.

Программа VICP незаметно выплатила компенсации по многочисленным делам, связанным с вредом от вакцин, с исходами, включающими аутизм или аутистическую энцефалопатию, в то время как официальная позиция остается таковой, что причинно-следственной связи не существует. Правовая система допускает выплату компенсаций, в то время как научная система отрицает причинно-следственную связь — это противоречие возможно только потому, что обе системы функционируют в отдельных эпистемических режимах, не имея обязательств по их согласованию.

Уровень аутизма в Соединенных Штатах вырос с примерно 1 на 10 000 в 1970-х годах до 1 на 36 по последним данным CDC. Официальная позиция заключается в том, что это отражает улучшение диагностики и расширение критериев, а не рост заболеваемости. Альтернативная гипотеза — о том, что экспоненциальный рост коррелирует с расширением графика детских прививок, кумулятивной нагрузкой алюминия и введением нескольких одно-временных антигенов в критические периоды нервно-психического развития — остается непроверенной на уровне, который позволил бы ее разрешить: крупномасштабное проспективное исследование, сравнивающее привитых и непривитых детей. Отказ институтов проводить или финансировать это исследование, как и во многих других частях этой статьи, сам по себе является наиболее важным фактом.

Аномальные результаты вскрытий

Начиная с 2021 года, бальзамировщики в США, а впоследствии и во всем мире, начали сообщать об извлечении аномальных белых, волокнистых, резиноподобных структур из сосудистой системы умерших людей — структур, с которыми, по их словам, они никогда не сталкивались за десятилетия практики. [Ричард Хиршман](#), бальзамировщик из Алабамы с более чем двадцатилетним стажем, был одним из первых, кто задокументировал и обнаружил эти находки. Данные опроса за 2023–2024 годы показывают, что 83% из 301 опрошенного бальзамировщика сообщили о встрече с этими структурами, обнаруженными в среднем у 27,5% всех бальзамированных тел — по сравнению с 73% и 20% соответственно в опросе 2023 года.

Реакция официальных кругов была отрицательной: утверждается, что эти образования являются обычными посмертными тромбами, а отсутствие информации о вакцинации в свидетельствах о смерти приводится в качестве доказательства того, что установить причинно-следственную связь невозможно. Критика имеет весомые основания — отдельные наблюдения бальзамиров не являются эпидемиологическими доказательствами, и без систематического патологического анализа, сравнивающего вакцинированных и невакцинированных умерших, вопрос о причинно-следственной связи формально остается открытым. Что отмечает «Гармонизм», так это уже знакомой схеме: новое наблюдение, о котором сообщают специалисты, непосредственно сталкивающиеся с этим явлением, отвергается без проведения систематического исследования, которое могло бы либо подтвердить, либо опровергнуть его. Свидетельства бальзамиров были представлены в фильме *Died Suddenly* (2022) — документальном фильме, сенсационная подача которого подорвала его доказательную суть. Сами образования не были подвергнуты опубликованному, рецензируемому анализу состава в институциональном масштабе.

Военно-фармацевтическая архитектура

Разработка и внедрение мРНК-вакцин от COVID-19 не были чисто гражданским фармацевтическим начинанием. DARPA — Агентство перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США — выделило компании Moderna в 2013 году около 25 миллионов долларов в рамках своей программы ADEPT (Автономная диагностика для обеспечения профилактики и терапии) на разработку медицинских контрагентов на основе мРНК, а также финансировало исследования генетических вакцин совместно с Moderna с 2011 года. Кон-

тракты на вакцину от COVID-19 были оформлены как «демонстрации прототипов» в рамках [Other Transaction Authority](#) (OTA) — механизм заключения контрактов, который обходит Федеральные правила закупок, освобождая продукты от стандартных фармацевтических нормативных требований, включая соответствие Надлежащей производственной практике (GMP). [Саша Латыпова](#), бывший руководитель фармацевтической отрасли с 25-летним опытом в разработке клинических испытаний, получила доступ к более чем 400 государственным контрактам через Закон о свободе информации (FOIA) и задокументировала, что BARDA (Управление по передовым биомедицинским исследованиям и разработкам) к октябрю 2021 года заключило контрактов на меры по борьбе с COVID-19 на сумму 47,5 миллиарда долларов. В рамках OTA Министерство обороны — а не FDA — руководило производством, контролем качества и распределением. Роль регулирующих органов, по анализу Латыповой, была чисто формальной: создание видимости независимого надзора за продуктами, разработка, финансирование и внедрение которых контролировались военно-промышленным аппаратом.

[Дэвид Мартин](#)), финансовый аналитик, специализирующийся на патентной экспертизе, составил базу данных из более чем 4000 патентов, связанных с исследованиями коронавируса, инженерией спайковых белков и системами доставки мРНК — многие из которых были поданы за годы или десятилетия до пандемии. Мартин приводит конкретные патенты: US 7220852 (выдан в 2004 году CDC на недавно выделенный человеческий коронавирус), US 7151163 (выдан в 2004 году Sequoia Pharmaceuticals на противовирусные средства, направленные против коронавирусов), US 9193780 (выдан в 2009 году Ablynx/Sanofi на последовательности, нацеленные на спайковый белок). Его тезис — что реакция на пандемию была заранее спланированным внедрением запатентованных технологий под видом чрезвычайной ситуации — оспаривается: фактчекеры отмечают, что многие цитируемые патенты касаются коронавирусов животных, не имеющих отношения к SARS-CoV-2, и что существование патентов на коронавирусы не доказывает намерения создать биологическое оружие. Эпистемическая позиция гармонизма: патентная документация Мартина патентная документация Мартина — это поддающиеся проверке общедоступные данные; его интерпретация причинно-следственных связей — это гипотеза, которую доказательства пока не подтверждают и не опровергают. График финансирования Министерством обороны США, структура контракта OTA и меры защиты от ответственности — это задокументированные факты. Являются ли они доказательством преднамеренного планирования или просто оппортунистического поведения институтов во время кризиса — это вопрос, который имеющиеся доказательства не решают.

Тезис о сокращении населения

Наиболее радикальным утверждением в среде критиков вакцин является то, что программы массовой вакцинации служат целям сокращения населения — что травмы, признаки бесплодия и повреждения иммунной системы являются не побочными эффектами, а намеренными результатами. Сторонники этой теории ссылаются на высказывание Билла Гейтса в выступлении на TED в 2010 году: «Если мы действительно хорошо поработаем над новыми вакцинами, здравоохранением и услугами в области репродуктивного здоровья, мы сможем снизить [население], возможно, на 10 или 15%» — высказывание, контекст которо-

го (теория демографического перехода: снижение детской смертности приводит к снижению рождаемости, что снижает *рост* населения) ясен в полной стенограмме, но поверхностное прочтение, вырванное из контекста, кажется подтверждающим эту теорию. Они ссылаются на накопление липидных наночастиц в яичниках, зафиксированное в собственных данных Pfizer о биораспределении. Они ссылаются на снижение показателей рождаемости среди вакцинированного населения. Они ссылаются на обширное финансирование Фондом Гейтса как программ вакцинации, так и инициатив в области «репродуктивного здоровья» в развивающихся странах.

Позиция гармонизма точна: тезис о депопуляции *не доказан* — это гипотеза, которая связывает реальные данные (биораспределение в репродуктивных органах, снижение рождаемости, схемы институционального финансирования, собственные заявления Гейтса) через интерпретационную рамку, предполагающую скоординированный замысел. Отдельные данные заслуживают расследования сами по себе: накопление липидных наночастиц в яичниках вызывает опасения по поводу безопасности, независимо от того, является ли это результатом халатности или преднамеренности; снижение рождаемости требует эпидемиологического расследования, независимо от его причин; концентрация глобального финансирования здравоохранения в руках небольшого числа частных фондов поднимает вопросы управления, независимо от намерений финансирующих сторон. Гармонизм не поддерживает тезис о депопуляции как доктрину. Он отмечает, что институциональный отказ от прозрачного расследования сигналов о безопасности, которые подпитывают эту теорию, является единственным наиболее эффективным генератором самой этой теории. Система, приветствующая тщательную проверку, имела бы меньше поводов опасаться спекуляций.

Альтернатива «террейна»

Если вакцинация является ответом фармацевтической промышленности на инфекционные заболевания, то подход «террейна» является суверенным ответом. Логика проста: иммунная система, функционирующая в оптимизированном «террейне» — хорошо питающаяся, отдохнувшая, не обремененная хроническим воспалением и накоплением токсинов — справляется с инфекционным воздействием с помощью компетенций, которые она приобрела в ходе эволюции на протяжении тысячелетий.

Это не наивный оптимизм. Это практическое следствие всего, чему учит [«Колесо здоровья»](#), и того, что [«Основная причина заболевания»](#) называет «триадой дисгармонии» — токсической нагрузкой, хронической инфекцией и метаболической дисфункцией — которые устраняются через «террейн», а не подавляются вмешательством:

Сон регулирует выработку иммунных клеток, регуляцию цитокинов и систему глимфатической очистки, которая удаляет продукты воспаления из мозга. Всего одна ночь с ограниченным сном снижает активность естественных киллерных клеток на 70%. Ни одна вакцина не компенсирует хроническое недосыпание.

Питание определяет субстрат, из которого строятся иммунные клетки. Один только уровень витамина D — единственный биомаркер — предсказывает предрасположенность к ре-

спираторным инфекциям более надежно, чем статус вакцинации. Цинк, селен, витамин С, витамин А и омега-3 жирные кислоты не являются «добавками» в смысле оздоровительных средств; они являются сырьем для иммунной функции.

Очищение снижает токсическую нагрузку, которая отвлекает иммунные ресурсы от контроля за патогенами на детоксикацию. Тяжелые металлы, микотоксины, эндокринные разрушители и остатки глифосата — все это ухудшает иммунную компетентность. Решение проблемы токсической нагрузки — это иммунотерапия в самом буквальном смысле.

Микробиом кишечника — формируемый питанием, стрессом, воздействием антибиотиков и факторами окружающей среды — содержит 70–80% иммунной ткани организма. Дисбактериоз кишечника — это иммунодефицит. Восстановление микробиологической экологии с помощью ферментированных продуктов, пребиотиков и устранения веществ, нарушающих работу кишечника (рафинированные растительные масла, зерновые, содержащие глифосат, ненужные антибиотики), делает для иммунной устойчивости больше, чем любая инъекция.

Концепция «[Наблюдение](#)» позволяет воплотить это в жизнь: отслеживайте биомаркеры, указывающие на готовность иммунной системы. Витамин D (целевой уровень: 60–80 нг/мл), hs-CRP (целевой уровень: <0,5 мг/л), инсулин натощак (целевой уровень: <5 мкМЕ/мл), общий анализ крови с дифференцировкой (количество лимфоцитов и NK-клеток) и IgA в слюне дают картину иммунного ландшафта в режиме реального времени. Человек, чей ландшафт оптимизирован по всем этим показателям, не является «невакцинированным и уязвимым» — он *иммунологически суверенен*.

Как выглядит суверенитет

Позиция ясна: не вакцинируйтесь. Вместо этого оптимизируйте иммунную среду. Иммунная система, функционирующая в хорошо питаемом, отдохнувшем, очищенном от токсинов организме с неповрежденным микробиомом, не нуждается в фармацевтическом усилении — ее нужно оставить в покое, чтобы она делала то, для чего ее создала двухсоттысячелетняя эволюция.

Для родителей — где давление наиболее остро и ставки самые высокие — это означает отказ от детского графика вакцинации и принятие социальных издержек этого отказа. Это означает понимание того, что институциональный аппарат, представляющий непривитых детей как угрозу общественному здоровью, — это тот же аппарат, который никогда не тестирует совокупный график, не несет ответственности за вред, причиненный здоровью, и который разрушил карьеры врачей, опубликовавших данные о результатах, показывающие лучшее здоровье у непривитых детей. Давление реально. Наука, лежащая в основе этого давления, — нет.

Для уже вакцинированных взрослых — включая тех, кто получил препараты на основе мРНК в ходе кампаний принуждения 2021–2022 годов — задача переходит к восстановлению организма. Выведение спайковых белков (наттокиназа, бромелайн, куркумин), умень-

шение воспаления, восстановление микробиома и постоянный мониторинг сердечных и иммунных биомаркеров. Ущерб, если он есть, для большинства людей не является необратимым — но он требует активного, осознанного и постоянного внимания, которое ответственные учреждения не заинтересованы оказывать.

Для всех: требуйте полной прозрачности состава любого вещества, предлагаемого для инъекции. Если информация, необходимая для подлинного информированного согласия, недоступна — если ингредиенты защищены законом о коммерческой тайне, если данные клинических испытаний засекречены на 75 лет, если отчетность о побочных явлениях пассивна и оценивается производителем — то эта непрозрачность сама по себе является ответом.

Указатель ресурсов

Книги

Роберт Ф. Кеннеди-младший — *Настоящий Энтони Фаучи (2021)*. Всестороннее исследование институциональной архитектуры, регулирующей политику в области вакцин, исследований по усилению функций вирусов и взаимосвязи между фармацевтической и регулирующей сферами. Необходимый структурный анализ, независимо от вашей позиции по конкретным вакцинам.

Роберт Мэлоун — *Ложь, которую мне рассказало мое правительство (2022)*. Рассказ от первого лица одного из основоположников исследований мРНК о сокрытии данных по безопасности, механизмах цензуры и искажении научного процесса во время пандемии COVID-19. Документирует механизмы институционального контроля над нарративом.

Дидье Рауль — *Правда о вакцинах (2018)*. Анализ науки о вакцинах, безопасности адъювантов и разрыва между доказательствами и политикой, проведенный одним из самых публикуемых исследователей инфекционных заболеваний в мире до пандемии COVID. Ценна своей независимостью от поляризации вокруг COVID — Рауль поднимал эти вопросы еще до того, как пандемия сделала их политическими.

Сюзанна Хамфрис и Роман Быстрианик — *Растворяя иллюзии (2013)*. Исторический анализ тенденций смертности от инфекционных заболеваний и роли санитарии, питания и условий жизни по сравнению с вакцинацией в снижении смертности. Данные, показывающие, что смертность от большинства инфекционных заболеваний снизилась более чем на 90% до введения вакцин, не оспариваются — о них просто не говорят.

Форрест Мариди — *The Moth in the Iron Lung (2018)*. Исследование нарратива о полиомиелите, воздействии пестицидов (ДДТ, арсенат свинца) и смешении токсического поражения с инфекционным заболеванием. Ставит под сомнение основополагающие предположения об одной из самых прославленных побед вакцинации.

Пол Томас и Дженнифер Маргулис — *План, благоприятный для вакцинации (2016)*. Основанная на доказательствах концепция выборочной/отсроченной вакцинации

от практикующего педиатра. Практические рекомендации для родителей, которые составляют график прививок для своих детей, сохраняя при этом право на самостоятельное принятие решений.

Документальные фильмы

«Vaxxed: From Cover-Up to Catastrophe» (2016). Режиссер Эндрю Уэйкфилд. Документальный фильм, в котором освещаются обвинения информатора из CDC (Уильяма Томпсона) в отношении сокрытия данных, связывающих сроки введения MMR-вакцины с риском развития аутизма у афроамериканских мальчиков. Эти обвинения не были опровергнуты — Томпсону был предоставлен федеральный иммунитет для информаторов, и он не был отстранен от должности.

Vaxxed II: The People’s Truth (2019). Обширная документация свидетельств о зарегистрированных случаях вреда от вакцин. Ценна не как клиническое доказательство, а как запись человеческих жертв, которые системы пассивного надзора систематически занижают.

Вирусный обман (2022). Четырехсерийный сериал, ставящий под сомнение основополагающую методологию вирусологии — изоляцию, ПЦР и постулаты Коха. Самый радикальный с эпистемологической точки зрения фильм в этом списке; актуален для тех, кто готов подвергать сомнению допущения на самом глубоком уровне.

«Умер внезапно» (2022). Документирует необычные результаты вскрытий (волоконистые сгустки), о которых сообщали бальзамировщики и патологоанатомы после внедрения мРНК-вакцин. Спорный и не дающий окончательных выводов материал — но свидетельства бальзамировщиков представляют собой категорию наблюдений, которая не была систематически исследована.

Исследователи и мнения

[Питер Маккалоу](#) — кардиолог, эпидемиолог. Ведущий эксперт по риску миокардита, патологии спайковых белков и подавлению раннего лечения COVID. Опубликовал множество работ в рецензируемых журналах до и после своей маргинализации в научном сообществе.

Роберт Мэлоун — вирусолог, иммунолог. Один из основоположников технологии мРНК-вакцин. Критик массового внедрения вакцин среди групп населения с низким риском без достаточных данных о безопасности.

Дидье Рауль — микробиолог, специалист по инфекционным заболеваниям. Основатель IHU Méditerranée Infection в Марселе. Плодотворный исследователь, на протяжении всей своей карьеры бросавший вызов фармацевтическому консенсусу.

[Герт Ванден Босхе](#) — вакцинолог, вирусный иммунолог. Бывший советник GAVI и Фонда Билла и Мелинды Гейтс. Публично предупреждал, что массовая вакцинация во время пандемии с использованием нестерилизующих вакцин приведет к появлению вариантов, способных обходить иммунную систему — прогноз, который подтвердился наблюдаемой эволюцией вируса.

Кристофер Экли — бионеорганический химик. Ведущий мировой исследователь токсичности алюминия в биологических системах. Лишен финансирования и вынужден покинуть свою должность в Университете Кила после десятилетий исследований, связывающих алюминиевые адъюванты с неврологической патологией.

Байрам Бридл — Вирусный иммунолог, Университет Гуэлфа. Один из первых, кто выразил озабоченность по поводу биораспределения спайкового белка на основе японских данных о биораспределении препарата Pfizer.

Пьер Кори — специалист по пульмонологии и интенсивной терапии. Президент альянса FLCCC. Сторонник протоколов раннего лечения (ивермектин, другие перепрофилированные препараты), подавление которых было структурно связано с поддержанием разрешения на экстренное использование вакцин.

Люк Монтанье — лауреат Нобелевской премии (2008), соавтор открытия ВИЧ. Высказал опасения по поводу антителозависимого усиления и первоначального антигенного греха в контексте вакцинации от COVID-19. Игнорировался официальными СМИ; его опасения набрали популярность по мере проявления моделей эволюции вариантов.

Питер Доши — старший редактор журнала *The BMJ*. Наиболее авторитетная фигура в сфере исследований безопасности вакцин. Его повторный анализ данных клинических испытаний Pfizer и Moderna — опубликованный в *The BMJ* и *Vaccine* — поднял методологические вопросы о классификации конечных точек, исключение «подозреваемых, но неподтвержденных» случаев COVID из расчетов эффективности, а также разрыв между относительным снижением риска (95%) и абсолютным снижением риска (<1%). Выступает в качестве связующего звена между основными рецензируемыми изданиями и более широкой сетью специалистов, занимающихся вопросами безопасности.

Джессика Роуз — Вычислительный биолог и биоматематик. Основной независимый аналитик базы данных Системы отчетности о побочных эффектах вакцин (VAERS). Ее работа количественно оценивает проблему систематического занижения данных: VAERS — это пассивная система надзора, в которой подача отчета является обременительной и не несет никаких институциональных стимулов, что приводит к занижению данных в 10–100 раз в зависимости от категории побочного эффекта. Со-автор исследования по миокардиту, связанному с вакциной от COVID-19, опубликованного в рецензируемой литературе.

Мартин Кулльдорф — биостатистик и эпидемиолог, ранее работавший в Гарвардской медицинской школе. Ведущий автор Декларации Грейт-Баррингтона, которая выступала за целенаправленную защиту групп высокогрупп риска вместо всеобщих локдаунов и массовой вакцинации. Уволен из Гарварда за противодействие обязательной вакцинации от COVID для лиц с естественным иммунитетом. Назначен в реорганизованный ACIP в июне 2025 года. Его позиция более нюансирована, чем полное неприятие вакцин — она сосредоточена на стратификации рисков, признании естественного иммунитета и эпидемиологических аргументах против универсальных обязательных мер.

Брайан Хукер — биоинженер и главный научный сотрудник организации Children's Здорье Defense. Доцент кафедры биологии Университета Симпсона. Публикует работы по

анализу данных VAERS и эпидемиологии связи вакцин с аутизмом, включая исследования безопасности мРНК-вакцин среди военнослужащих США.

Джеймс Лайонс-Вейлер — бывший исследователь Института рака Университета Питтсбурга. Основатель и директор Института чистых и прикладных знаний (ИПАК). Исследования сосредоточены на накоплении алюминия из адъювантов вакцин и последствиях для здоровья у вакцинированного и невакцинированного населения. ИПАК функционирует как независимая исследовательская и образовательная платформа вне структуры фармацевтического финансирования, которая ограничивает институциональную науку.

Мерил Насс — врач, основательница организации «Door to Freedom». Отслеживает консультативные процедуры FDA и CDC, публикуя подробные публичные анализы. Ее работа сосредоточена на процедурных и нормативных аспектах — как структурируются голосования консультативных комитетов, какие данные представляются, а какие утаиваются, а также на разрыве между публичными протоколами этих заседаний и институциональной версией, построенной на их основе.

Райан Коул — Патологоанатом, соучредитель организаций «America’s Frontline Doctors» и «Global Covid Summit». Сообщил об аномальных патологических находках — необычных волокнистых структурах, повышенных уровнях биомаркеров рака — в образцах тканей, взятых после вакцинации мРНК-вакцинами. В 2025 году столкнулся с дисциплинарными мерами со стороны медицинской комиссии и урегулированием дела о врачебной халатности. Его выводы остаются спорными, но представляют собой категорию клинических наблюдений, которые не были систематически исследованы на институциональном уровне.

Организации и правовая структура

Институциональная инфраструктура движения за безопасность вакцин не менее важна, чем его исследователи. Эти организации обеспечивают правовую, медийную и исследовательскую основу, без которой голоса отдельных людей остались бы изолированными и подавленными.

Children’s Здоровье Defense (CHD) — Основана Робертом Ф. Кеннеди-младшим. Крупнейшая и наиболее стратегически расположенная организация в этой сфере. Юридический отдел CHD добился обнародования данных клинических испытаний Pfizer (первоначально засекреченных на 75 лет), базы данных о побочных эффектах V-safe (полученной по решению суда в январе 2025 года), а также восстановление Рабочей группы по безопасности вакцин при Министерстве здравоохранения и социальных служб (август 2025 года, после подачи иска CHD). С приходом Кеннеди в Министерство здравоохранения и социальных служб CHD заняла позицию, позволяющую оказывать постоянное влияние на политику и после окончания его срока полномочий — добиваясь структурных изменений в графике вакцинации детей, системе ответственности и законодательстве об информированном согласии.

Informed Consent Action Network (ICAN) — Возглавляется Делом Бигтри, который также ведет *The HighWire*, основную медиа-платформу движения. Подход ICAN основан на судебных разбирательствах: использование запросов по Закону о свободе информации

(FOIA), исков и судебных приказов, чтобы заставить федеральные агентства раскрыть данные о безопасности, которые они предпочли бы оставить внутренними. Юридическая работа ведется в основном через Аарона Сири из Siri & Glimstad LLP — фирмы, насчитывающей 85 человек, которая стала де-факто юридическим архитектором движения за безопасность вакцин. Презентация Сири в декабре 2025 года перед реорганизованным ACIP — 76-слайдовый анализ доказательной базы детского календаря прививок — стала первым случаем, когда юридический аппарат движения действовал изнутри консультативной структуры, а не против нее.

Национальный центр информации о вакцинах (NVIC) — основан в 1982 году [Барбарой Ло Фишер](#), что делает его старейшей организацией в этой сфере. NVIC рассматривает этот вопрос в первую очередь через призму информированного согласия и суверенитета над собственным телом, а не конкретных утверждений о безопасности — позиция заключается в том, что «не существует исключений из информированного согласия» и что обязательная вакцинация *сама по себе* является нарушением суверенитета, независимо от научных обоснований. Такая формулировка наиболее прямо соответствует собственной позиции гармонизма: эпистемическая и этическая критика являются независимыми. Даже если бы безопасность каждой вакцины была доказана, обязательная вакцинация без подлинного информированного согласия осталась бы нарушением принципа «[Dharma](#)».

Альянс FLCCC — Основан Пьером Кори и [Полом Мариком](#). Первоначально сосредоточенный на протоколах раннего лечения COVID (I-MATH+, I-RECOVER), FLCCC расширила свою деятельность, чтобы заняться протоколами лечения поствакцинальных повреждений и более широкой критикой фармацевтического регулирования, которое подавляло раннее лечение с целью сохранения разрешения на экстренное использование вакцин. Структурная связь между подавлением лечения и разрешением на вакцинацию является одним из важнейших аналитических вкладов этого периода.

Фонд исследований безопасности вакцин (VSRF) — Основан Стивом Киршем, предпринимателем из Кремниевой долины, который изначально финансировал испытания вакцин от COVID, прежде чем стать одним из самых ярких критиков данных о безопасности мРНК. VSRF функционирует как платформа для финансирования и работы со СМИ, связывая исследователей (Роуз, Коул, Хукер) с широкой аудиторией через Substack Кирша и сеть подкастов.

Институт чистых и прикладных знаний (ИПАК) — исследовательская и образовательная платформа Джеймса Лайонса-Вейлера. Работает вне структур фармацевтического финансирования, публикуя материалы о безопасности алюминиевых адъювантов, результатах для здоровья вакцинированных и невакцинированных людей, а также — с 2025 года — о пересечении искусственного интеллекта с оценкой медицинских доказательств. ИПАК представляет собой попытку построить независимую исследовательскую инфраструктуру, не зависящую от архитектуры финансирования, которая ограничивает институциональную науку.

Эпистемическая калибровка

Гармонизм требует точности в том, что известно, и в том, что утверждается. По вопросу вакцинации эпистемический ландшафт выглядит следующим образом:

Установлено: Захват регуляторных органов носит структурный характер и задокументирован. Защита от ответственности устраняет рыночную дисциплину в отношении безопасности. Платформа мРНК была внедрена без данных о долгосрочной безопасности. Алюминий является нейротоксичным. Детский график вакцинации никогда не тестировался в совокупности. Оптимизация ландшафта доказано улучшает иммунную компетентность. Институциональный сдвиг 2025 года — реорганизация ACIP, отмена исследований NIH, сокращение графика — подтверждает, что политика вакцинации всегда была функцией институциональной власти, а не устоявшейся науки. Тимеросал (этилртуть) присутствовал в детских вакцинах на протяжении десятилетий и был удален под давлением, в то время как агентства утверждали, что он безопасен — противоречие, которое говорит само за себя. Несколько обязательных детских вакцин производятся с использованием клеточных линий человеческих эмбрионов, полученных в результате абортс 1960-х годов. Разработка мРНК-вакцины от COVID-19 финансировалась и направлялась DARPA и Министерством обороны в рамках контрактов Other Transaction Authority, которые обходили стандартное фармацевтическое регулирование. Уильям Томпсон из CDC раскрыл в рамках федеральной программы защиты информаторов, что в его исследовании 2004 года были опущены статистически значимые данные о сроках введения MMR и аутизме у афроамериканских мальчиков.

Надежно доказано, но оспаривается институционально: риск миокардита у молодых мужчин превышает риск COVID для этой демографической группы. Переключение классов IgG4 происходит при повторных бустерных дозах мРНК. Белок Spike является независимо патогенным. Данные о биораспределении Pfizer показывают накопление в органах, включая яичники и надпочечники. Смертность от основных инфекционных заболеваний снизилась более чем на 90% до введения вакцины. VAERS систематически занижает количество нежелательных явлений примерно в 10–100 раз. Повторные анализы Доши показывают, что абсолютное снижение риска от мРНК-вакцин составляет менее 1%, что затушевывается формулировкой относительного снижения риска. Остаточная плазмидная ДНК в мРНК-вакцинах превышает нормативные пределы FDA/ВОЗ в 36–627 раз (рецензируемое издание *Autoimmunity*, 2025). Формула Pfizer содержит нераскрытые последовательности промотора-усилителя SV40 с сигналом ядерной локализации — фактором риска геномной интеграции. Стенограмма Симпсонвуда документирует обсуждение учеными CDC данных о связи тимеросала с аутизмом с точки зрения управления ответственностью, а не безопасности детей. VICP выплачивала компенсации по делам, связанным с вакциноиндуцированной энцефалопатией с аутистическими проявлениями, в то время как научное сообщество отрицает какую-либо причинно-следственную связь — это противоречие поддерживается разделением правовых и научных эпистемических режимов. Гробовщики по всему миру сообщают об аномальных белых волокнистых сосудистых структурах у 83% обследованных пациентов (2024), причем распространенность растет из года в год с 2021 года.

Нерешенные вопросы, требующие дальнейшего расследования: Наличие оксида графена в составе вакцин (независимые микроскопические данные, не подтвержденные в институциональных условиях). Долгосрочные репродуктивные последствия накопления липидных наночастиц в яичниках. Совокупные иммунные эффекты полного детского календаря прививок. Причинно-следственные механизмы, связывающие сроки вакцинации с результатами нервно-психического развития — исследование «вакцинированные против невакцинированных», которое могло бы решить этот вопрос, так и не было проведено. Долгосрочные последствия переключения классов IgG4 для иммунной компетентности против будущих патогенов. Вероятность геномной интеграции плазмидной ДНК, введенной через липидные наночастицы. Онкогенный потенциал экспрессии генов под управлением промотора SV40 в трансфицированных клетках человека. Идентичность состава аномальных сосудистых структур, обнаруженных при вскрытии. Вопрос о том, отражает ли архитектура военно-фармацевтических контрактов (финансирование DARPA, контракты ОТА, защита от ответственности по Закону PREP) отражает прагматизм в чрезвычайной ситуации или преднамеренное внедрение уже существующих технологий. Тезис о депопуляции — связывающий данные о биораспределении, сигналы о фертильности и модели институционального финансирования через интерпретационную структуру скоординированного намерения — остается гипотезой, а не установленным утверждением. Отдельные данные, на которые он опирается, заслуживают расследования независимо от общей интерпретации.

Позиция гармонизма по нерешенным вопросам: Бремя доказательства лежит на той стороне, которая вводит новое вещество в здоровые организмы, — а не на тех, кто ставит под сомнение его безопасность. Отказ институтов проводить или финансировать исследования, которые разрешили бы эти вопросы, сам по себе является доказательством — не того, какими были бы ответы, а того, что система предпочитает неопределенность ответственности. Перелом 2025 года не снял это бремя — он лишь изменил то, какая фракция контролирует аппарат, который должен был все это время заниматься прозрачной наукой. И самым разрушительным последствием институциональной непрозрачности является не то, что она оставляет вопросы без ответов, — а то, что она порождает спекуляции, заполняющие этот вакуум, спекуляции, которые учреждения затем приводят в качестве доказательства того, что их критики иррациональны. Этот цикл самоусиливающийся: скрывать данные, отвергать теории, возникающие из-за этого сокрытия, использовать эти теории для дискредитации требования предоставить данные. Суверенитет означает отказ участвовать в любой из сторон этого цикла — требовать доказательств, соотносить уверенность с тем, что на самом деле показывают доказательства, и действовать исходя из собственного суждения, а не из-за разрешения учреждения или в ответ на реакцию со стороны учреждения.

См. также: [Sovereign Здоровье](#), [Основная причина заболевания](#), [Воспаление и хронические заболевания](#), [Очищение](#), [Колесо здоровья](#), [Наблюдение](#), [Питание](#), [Нутрицевтика](#)

Обрезание: операция без согласия

У каждой культуры, практикующей обрезание, есть своя причина. Ни одна из этих причин не связана с интересами самого ребёнка.

Это не второстепенное замечание. Это суть всего аргумента. Обрезание сохраняется не благодаря научным доказательствам, а из-за потребности — потребности родителей передать свою идентичность, потребности институтов сохранить авторитет, потребности культуры обозначить принадлежность на теле, пока человек не смог выразить своё несогласие. Операция происходит потому, что взрослые требуют, чтобы она произошла. Ребенок, который несет ее последствия на всю жизнь, не имеет права голоса в этом вопросе. Эта асимметрия — рана под раной. «

Гармонизм» (Право на неприкосновенность тела) отстаивает суверенитет над телом — принцип, согласно которому тело каждого человека принадлежит только ему самому, и он вправе ухаживать за ним или изменять его в соответствии с собственным «Dharma» (внутренним голосом) — как выражение того же «Logos» (неприкосновенности), которое регулирует все аспекты упорядоченной жизни. Ахимса — непричинение вреда как первый этический принцип, признаваемый каждой серьезной традицией, которая изучала основания правильного действия, — требует, чтобы необратимые изменения в теле другого человека основывались на его собственной осознанной воле. Обрезание младенцев, по определению, не может удовлетворить этому требованию. Младенец не может дать согласие. Операция не может подождать. Последствия нельзя отменить.

Такова позиция гармонистов: это не культурная атака, не религиозное преследование, не политическая провокация — а прямое применение суверенной этики к самой интимной сфере человеческого тела в тот момент, когда человек наименее способен его защитить.

Орган

Прежде чем рассматривать, что делает обрезание, необходимо рассмотреть, что оно удаляет — потому что вся медицинская дискуссия велась на основе неявного предположения, что крайняя плоть является рудиментарной тканью, эволюционным излишеством, которого организму не будет не хватать. Это предположение анатомически неверно. Но исправление требует точности, потому что утверждение о том, что крайняя плоть является самой чувствительной тканью тела, также неверно, и аргументы в пользу сохранения крайней плоти не зависят от него.

Внешний слой крайней плоти — это эластичная, относительно нечувствительная ткань, которую скорее можно сравнить с кожей локтя, чем с кончиком пальца. Она не имеет плотной иннервации, поэтому многие младенцы демонстрируют минимальную реакцию на грамотно выполненное обрезание, а те, кто плачет, часто быстро успокаиваются. Физическое

ощущение от хирургического разреза при грамотной технике может быть слабым. Любой, кто наблюдал за этой процедурой, знает, что реакция младенца может быть самой разной — и что наблюдаемые реакции часто в большей степени связаны со стрессом от удержания и непривычного обращения, чем с самим разрезом.

То, что *действительно* делает крайняя плоть — и в этом заключается ее истинная ценность — это защищает. Головка полового члена, покрытая крайней плотью на протяжении всей жизни у необрезанного мужчины, остается слизистой тканью: мягкой, влажной и очень чувствительной. Внутренний край крайней плоти, где она соединяется с головкой, и уздечка — небольшая полоска более чувствительной ткани, соединяющая крайнюю плоть с нижней стороной головки — имеют более плотную иннервацию, чем внешний слой, и удаляются или повреждаются при обрезании. Но основная потеря связана не с самой крайней плотью. Она связана с тем, что происходит с головкой после этого. Постоянно обнаженная и подверженная хроническому трению об одежду, головка подвергается прогрессирующей кератинизации — огрубению эпителия, которое организм использует для защиты обнаженной кожи. Потеря чувствительности, вызванная этим процессом, усугубляется на протяжении десятилетий. То, что испытывает обрезанный мужчина в двадцать лет, не соответствует тому, что он будет испытывать в пятьдесят. Преуциум — это не чувствительная ткань. Это структура, которая защищала чувствительную ткань под собой.

Медицинские аргументы

Аргументы в пользу обрезания как меры общественного здравоохранения основываются на четырех основных утверждениях: снижение передачи ВИЧ, снижение частоты инфекций мочевыводящих путей у мальчиков младенческого возраста, снижение частоты инфекций, передаваемых половым путем, в целом, и профилактика рака полового члена. Каждое из них требует рассмотрения в отдельности — не для того, чтобы отвергнуть, а для того, чтобы уточнить.

Снижение риска заражения ВИЧ. Наиболее часто приводимым доказательством является набор из трех рандомизированных контролируемых исследований, проведенных в странах Африки к югу от Сахары в середине 2000-х годов — в Орандж-Фарм в Южной Африке, Ракаи в Уганде и Кисуму в Кении — частично спонсированных Фондом Гейтса и принятых ВОЗ в качестве основы для рекомендаций по обрезанию в регионах, эндемичных по ВИЧ. В ходе этих исследований было показано, что добровольное обрезание взрослых мужчин снижает относительную передачу ВИЧ от женщин к мужчинам примерно на 60%.

Методологические сложности сразу же усугубляются. В этих исследованиях участвовали взрослые мужчины — а не младенцы — которые дали согласие на обрезание в условиях активной эпидемии СПИДа, при распространенности ВИЧ, достигающей 15–30% в некоторых когортах, передаваемого преимущественно через гетеросексуальные половые контакты в группах населения с ограниченным доступом к презервативам, тестированию и медицинской помощи. Экстраполяция из этого контекста на рутинное обрезание младенцев в

западных странах с низкой распространенностью не является научным выводом. Это политическое решение, облеченное в научный язык.

Передача ВИЧ в западных популяциях определяется в основном динамикой отношений между мужчинами, употреблением инъекционных наркотиков и переменными доступа, которые не учитываются в данных об эпидемии среди гетеросексуалов в странах к югу от Сахары. Абсолютное снижение риска в африканских испытаниях составило 1–2%; относительное снижение риска на 60 % является математическим свойством деления небольшого числа на еще меньшее. Что еще более важно, испытания были прекращены досрочно — метод, который надежно завышает кажущуюся величину эффекта. Группы получали различное внимание: мужчины в группе обрезания получали больше консультирования, больше просвещения по вопросам презервативов и более частые контакты с медицинскими работниками, чем участники контрольной группы. Они также знали, что прошли процедуру, которая, как считается, снижает риск, что формирует поведение в контексте, где изменение поведения является основной переменной передачи. Эффект Хоторна в данном контексте — не второстепенный фактор смешения. Это оперативная переменная, которую дизайн исследования не может изолировать. Корреляция между обрезанием и снижением передачи в этих исследованиях реальна; то, что добровольное обрезание взрослых в условиях гетеросексуальной эпидемии с высокой распространенностью в странах к югу от Сахары *вызывает* это снижение, независимо от различий в поведенческих факторах и факторах медицинского обслуживания, не установлено. То, что эта не доказанная причинно-следственная цепочка оправдывает необратимую операцию на младенцах в Осло, Торонто или Лос-Анджелесе, является категорической ошибкой, которая никогда не была адекватно обоснована.

Инфекции мочевыводящих путей. Исследования показывают, что у обрезанных мальчиков в первом году жизни наблюдается более низкая частота ИМП — снижение с примерно 1% до 0,2%. ИМП — это излечимые инфекции, которые обычно устраняются коротким курсом антибиотиков и в подавляющем большинстве случаев не оставляют долгосрочных последствий. Обоснование профилактики события с абсолютным риском 0,8% посредством необратимой операции требует расчета соотношения риска и пользы, который ни один серьезный специалист по этике не смог завершить в пользу обрезания — не в последнюю очередь потому, что сама операция сопряжена с частотой осложнений того же порядка, что и инфекции, которые она якобы предотвращает.

ИППП в целом. Литература по обрезанию и инфекциям, передаваемым половым путем, кроме ВИЧ, представляет собой ландшафт экологических корреляций и недостаточно контролируемых наблюдательных исследований. Переменные, сопутствующие статусу обрезания в западных популяциях — социально-экономическое положение, религиозность, доступ к здравоохранению, гигиенические привычки, культурные представления о сексуальном здоровье — не являются крайней плотью. Чтобы определить, какая переменная является определяющей, требуются планы исследований, которые не используются в большинстве опубликованных работ. Существование корреляций не оспаривается. Однако не доказано, что крайняя плоть является причинным механизмом, а не прокси для совокупности культурных и поведенческих переменных.

Рак полового члена. Рак полового члена — одно из самых редких злокачественных новообразований в развитых странах — примерно 1 случай на 100 000 мужчин в год, сконцентрированный среди мужчин старше 65 лет с анамнезом ВПЧ-инфекции и хронических воспалительных заболеваний, для лечения которых в настоящее время существуют более целенаправленные методы. Абсолютное снижение риска рака полового члена, связанное с обрезанием, в масштабах населения является незначительным с точки зрения общественного здравоохранения.

Институциональная архитектура, лежащая в основе этих утверждений, заслуживает отдельного рассмотрения. Рекомендации ВОЗ и ЮНЭЙДС являются политическими документами — они отражают политически согласованный консенсус органов, чьи финансовые отношения включают интересы фармацевтических компаний и связанных с ними фондов. Когда рекомендации учреждения продиктованы необходимостью продемонстрировать эффективность вмешательства в условиях эпидемии с высокой заболеваемостью, а эти рекомендации впоследствии обобщаются так, как будто эпидемический контекст не имеет значения, научный регистр используется для выполнения работы, которую доказательства не оправдывают. Диагностический вопрос заключается не только в том, *что говорит литература*, но и в том, *какие институциональные силы определили, какие вопросы получили финансирование, какие исследования были возведены в ранг политики, а какие результаты были подавлены или проигнорированы*. Это тот же структурный анализ, который Хармонизм применяет в работах «[Крупные фармацевтические компании](#)» и «[Вакцинация](#)». Литература по обрезанию не является прямо коррумпированной — но и нейтральной она тоже не является. Она сформирована, как и вся институциональная наука, интересами, которые ее финансировали и определяли.

Психологическая рана

Сама физическая процедура, выполненная компетентно и с использованием надлежащей местной анестезии, может быть терпимой — во многих случаях даже практически безболезненной. Различные реакции младенцев подтверждают это: одни почти не реагируют; другие плачут недолго и успокаиваются. Честный отчет об обрезании не может преувеличивать физические страдания, поскольку это как искажает факты, так и облегчает отклонение более глубоких возражений. Аргументы против обрезания не требуют, чтобы эта процедура была хирургическим кошмаром. Они требуют лишь того, чтобы она была необратимой, проводилась без согласия и была ненужной.

Психологический аспект становится убедительным не в самом разрезе, а в контексте, окружающем его. Младенца удерживают. Обращение с ним непривычно. Близость и тепло ухаживающего — основной регуляторный сигнал, доступный новорожденной нервной системе — нарушаются именно в тот момент, когда появляется новый стрессор. Измерения уровня кортизола у новорожденных, подвергшихся обрезанию, показывают активацию стрессовой реакции, которая скорее связана со страхом и ограничением свободы, чем конкретно с хирургической болью. Исследователи привязанности наблюдали нарушение материнской привязанности в период сразу после обрезания, что объясняется переходом младенца в со-

стояние защитного отстранения — мать стремится к контакту, а младенец уже не в состоянии его принять. Этот период не является нейтральным. Первые часы и дни внеутробной жизни — это период, в который закладывается архитектура доверия и безопасности. Установлено ли, оставляет ли однократное процедурное нарушение постоянный след, не установлено. То, что оно не оставляет следа, также не установлено.

Взрослые мужчины, которые, часто уже во взрослом возрасте, открывают для себя полную анатомию и функции отсутствующей у них ткани, иногда сообщают о горе, ярости и чувстве нарушенности — это ретроактивное осознание без эпизодической памяти, но с телом, несущим собственное свидетельство. Психологическая литература по этому вопросу скудна, отчасти потому, что культурный консенсус о том, что обрезание является нормой, активно подавляет категорию вреда, из которой должны были бы возникнуть такие исследования. Человек не может скорбеть о том, о чем ему сказали, что не требует скорби.

То, что не оспаривается, — это необратимость. Ткань не может регенерироваться. То, кем мог бы стать младенец, оставаясь нетронутым во взрослом возрасте, исключается без его ведома или согласия. Это не символический вред. Это необратимое изменение, произведенное по причинам, которые служат интересам взрослых в комнате, а не человека, чье тело подвергается ему.

Три культуры, одна практика, ноль согласия

Обрезание сохраняется в трех совершенно разных культурных контекстах, которые почти ничем больше не связаны: еврейская религиозная традиция, мусульманская религиозная традиция и американская светско-медицинская система. Чтобы понять, почему оно сохраняется в каждом из них, необходимо отличать поверхностные оправдания от структурной потребности, которой на самом деле служит каждый контекст.

В еврейской традиции обрезание как завет — *брит мила* — является одним из самых значимых ритуалов в Торе: знак принадлежности к авраамическому народу, знак преемственности с народом, выживание которого зависело от непреложности его практик. Вес, который несет этот ритуал, реален, а не вымышлен. Еврейская идентичность выжила именно потому, что определенные практики не были факультативными — потому что завет был необходимостью, а не предпочтением. Ставить под сомнение обрезание, находясь вне этой традиции, означает честно признать этот вес, а не игнорировать его. Критика «Гармонистов» заключается не в том, что еврейские родители не любят своих сыновей. Дело в том, что любовь к ребенку и суверенное уважение к его телу — это не одно и то же, и что традиция, способная к необычайной философской и этической глубине — способная поддерживать вековые талмудические исследования самых сложных моральных вопросов — способна к разговору о том, где заканчивается завет и начинается личность.

В мусульманской традиции обрезание — *хитан* — понимается как очищение, классифицируется как *сунна* в шафийтской и ханбалитской школах и как *мандбу* (рекомендуемое) в маликитской и ханафитской, и связано с понятиями чистоты и пророческим примером. Медицинские обоснования вошли в исламский дискурс позже, привлеченные для укрепления

ния практики, уже основанной на религиозной идентичности. Подход «Гармонистов» здесь тот же: не отрицание серьезности традиции, а наблюдение, что очищение — *тахара* — как живая духовная реальность действует на уровне намерения, внутреннего совершенствования и правильных отношений с источником. Вопрос, который традиция способна задать, если она решит его задать, заключается в том, несет ли надрез на теле эту реальность — или же реальность заключается в верности, сознании, согласованности, к которым призывает традиция. Если верно последнее, то знак может подождать человека, который будет его нести.

Американский светский случай является наиболее показательным, поскольку он не несет в себе никаких религиозных подтекстов. Рутинное обрезание младенцев получило широкое распространение в Соединенных Штатах в конце XIX века — сначала продвигаемое в качестве средства сдерживания мастурбации теми же институциональными фигурами, которые продвигали кукурузные хлопья, а затем последовательно переформулированное как гигиеническая мера, профилактика заболеваний и культурное соответствие. Уровень обрезания достиг пика — примерно 80% — в середине XX века и с тех пор снизился до примерно 60% по стране — что все еще составляет большинство в стране, где нет религиозного предписания на эту практику и где профессиональная организация, Американская академия педиатрии, неоднократно отказывалась рекомендовать ее в качестве рутинной процедуры. То, что поддерживает этот показатель, — это не доказательства. Это конформизм: отцы хотят, чтобы их сыновья походили на них, родители боятся социального отличия, врачи, обученные в среде, где практикуется обрезание, сохраняют ее как стандарт. Американский светский пример демонстрирует, что обрезанию не требуется религиозного оправдания, чтобы сохраниться. Достаточно культурной инерции и логики невозвратных затрат. Когда единственным оставшимся аргументом является «*так мы всегда делали*», эта практика уже уступила этическую позицию.

Рамка суверенитета

Гармонизм не называет обрезание злом. Он называет его нарушением принципа — суверенитета над собственным телом — который не допускает исключений для религиозных традиций, культурных практик или медицинских аргументов, не выдерживающих тщательной проверки доказательной базы.

Этот принцип достаточно прост, чтобы сформулировать его одним предложением: тело человека принадлежит ему самому, и для необратимых изменений требуется его согласие. Младенец не может дать согласие. Поэтому операция откладывается — до тех пор, пока человек не сможет самостоятельно решить, оправдывают ли этот знак завет, в который он желает вступить, идентичность, которую он желает нести, и практику, которую он желает воплотить. Взрослый, который выбирает *брит мила* или *хитан*, полностью осознавая, что влечет за собой операция и почему, осуществляет суверенитет над собственным телом — и выбор остается за ним. Гармонизм не одобряет эту практику; он утверждает суверенитет, который делает любой такой осознанный выбор взрослого человека легитимным. Человек,

который отказывается, в любом культурном контексте, осуществляет тот же суверенитет над телом, в котором он обитает на протяжении всей своей жизни.

Традиция ничего существенного не теряет, если подождать. Ребенок же приобретает все — в том числе возможность вступить в завет как целостная личность, которая сама его выбрала, а не как младенец, над которым это было совершено.

То, что на самом деле защищает нынешняя практика, — это не здоровье ребенка и не целостность какого-либо завета. Это комфорт взрослых: родителей, которые не могут представить себе отход от того, что было сделано с ними, общин, чья идентичность запечатлена на теле до того, как это тело сможет говорить, врачей, которых никогда не просили оправдать то, что они были обучены выполнять по умолчанию. Этот дискомфорт — небольшая цена за то, чтобы лишить кого-то необратимого действия, от которого он не может отказаться. Ребенок, которого не обрезали, может позже решить обречься. Ребенок, которого обрезали, не может выбрать иначе.

Каждая традиция, способная к глубине, может найти в себе ресурсы, чтобы провести различие между практикой и принципом, которому она служит. Вопрос, который нужно задать еврейской традиции, исламской традиции, американскому медицинскому сообществу, один и тот же: несет ли отметка на теле реальность — или реальность живет в сознательном отношении человека к тому, на что указывает традиция? Если первое, то традиция свелась к хирургическому вмешательству. Если второе, то операция может подождать. «

Logos» — внутренний порядок космоса, основа, из которой проистекает «Dharma» — не оправдывает причинение вреда тем, что те, кто его причиняет, любят того, кто его получает. Младенцу принадлежит нетронутое тело, с которым он родился, и право решать, в свое время и от своего имени, какой завет, если таковой имеется, он решит на нем записать.

См. также: [Колесо здоровья](#), [Крупные фармацевтические компании](#), [Вакцинация](#), [Sovereign Здоровье](#)

[Рекомендуем к прочтению →](#)

ЧАСТЬ III

Захват разума и культуры

*How attention, narrative, and self-understanding
were colonized.*

Идеологическая захват кино

Кино зародилось как искусство видения — как средство, способное стирать границу между зрителем и истиной. В руках величайших мастеров оно таковым и остается. Однако институциональная инфраструктура, занимающаяся производством, распространением и продвижением кино, оказалась захвачена идеологической монокультурой, настолько всепроникающей, что она уже не осознает себя как идеологию. Голливуд, Netflix и крупные стриминговые платформы действуют в рамках прогрессивно-глобалистского консенсуса, который определяет, какие истории рассказываются, какие моральные рамки допускаются и какое видение человека ежегодно передается миллиардам зрителей. Это не заговор — это культура: самоусиливающаяся экосистема стимулов, практик найма, структур награждения и алгоритмической курации, которая производит идеологическую однородность так же надежно, как любое государственное министерство пропаганды, не требуя централизованной координации.

Гармонизм называет это явление, потому что без его признания невозможно целостное взаимодействие с кинематографом. Зритель-гармонист не бойкотирует и не отстраняется — для этого это средство массовой информации слишком мощно и важно. Вместо этого зритель развивает *проницательность*: способность извлекать подлинную мудрость из произведений искусства, одновременно распознавая, когда это средство массовой информации используется в качестве оружия против целостного развития человека.

Механизмы захвата

Как идеологическая монокультура воспроизводит себя через инфраструктуру развлечений — найм, финансирование, награды, алгоритмическое продвижение, критический отбор.

Деконструкция мужских архетипов

Систематическая деконструкция мужского начала в современном кино и на телевидении. Отец как клоун, герой как проблема, сила как токсичность. Что теряется, когда аппарат повествования цивилизации перестает передавать образ защитника, строителя, суверенного мужчины.

Инструментализация исторического нарратива

Исторический фильм как идеологический проект. Как отбор, подача и повторение определенных исторических событий служат современным политическим целям. Разница между подлинным историческим свидетельством и стратегическим использованием нарративов страдания для цивилизационного влияния.

Репрезентация как идеология

Захват дискурса «репрезентации». То, что начинается как легитимное утверждение, что все люди заслуживают увидеть себя в искусстве, становится инструментом идеологического подчинения — обязательные показатели разнообразия, историческая ревизия через кастинг («блэквошинг»), замена целостности повествования демографическими галочками. Позиция «Гармонистов»: подлинное культурное разнообразие проистекает из здоровья цивилизации, а не из институциональных предписаний.

Алгоритмическое упрощение моральной сложности

Как модель Netflix — оптимизация вовлеченности, производство больших объемов, упрощение всего до формулы — разрушает условия, при которых возможно великое искусство. Монокультура стриминга как развлекательный эквивалент промышленного сельского хозяйства: высокая урожайность, отсутствие питательности.

Эрозия суверенной культуры

Как глобальные стриминговые платформы гомогенизируют местные традиции повествования, превращая их в единый экспортный продукт. Потеря кинематографического суверенитета Японии, Кореи, Индии, Африки и Латинской Америки по мере того, как местные индустрии ориентируются на глобальный алгоритм.

Разумное суждение как практика

Ответ «Гармонистов» — не уход, а культивирование. Как использовать кино в качестве педагогического инструмента, сохраняя при этом суверенитет над собственным сознанием. Критерии: передает ли данное произведение подлинное понимание или идеологию, замаскированную под понимание? Канон «[Лучшие фильмы](#)» как навигационная помощь — тщательно подобранный путь через медиа, которые одновременно являются одним из величайших достижений человечества и одним из его самых эффективных инструментов манипуляции.

См. также: [Лучшие фильмы](#), [Канон визуального повествования](#), [Архитектура Гармонии](#), [Колесо знаний](#), [Колесо развлечений](#)

Последнее обновление: 11.04.2026

Экономика внимания

Внимание — это самая суверенная способность человека. Это дхармическая способность, благодаря которой существо вообще встречается с реальностью, — орган, с помощью которого «Logos» становится понятным, основа, на которой действуют все остальные способности, необходимое условие любви, обучения, молитвы и связной мысли. Направлять внимание — значит участвовать в «[Logos](#)» на самом интимном уровне; утратить власть над ним — значит быть сформированным, в глубине души, тем, что сейчас этим управлением занимается.

Современная экосистема цифровых медиа — это не нейтральная среда, которой злоупотребляют. Это экономика, извлекающая внимание, архитектура которой на каждом уровне структурно противоречит дхарме. Шесть многослойных регистров составляют единую интегрированную машину: экономическую логику, преобразующую внимание в деньги; алгоритмический механизм, отсеивающий обдуманность; структуру рынка инфлюенсеров, заменяющую присутствие парасоциальным представлением; захваченный наследие и аппарат цифровых медиа, слившийся со стеком платформ и государством безопасности; слой информационной войны, работающий поверх всего этого, где государственные и корпоративные игроки проводят скоординированные нарративные операции, и когнитивные последствия — то, что в дискурсе теперь называют *гниением мозга* — которые эта архитектура систематически вызывает у людей, подверженных ее воздействию. Ничто из этого не является случайным. Ничто не является ошибкой. Каждый элемент — это архитектура, работающая так, как и задумано. Назвать эту архитектуру — первая задача; отказаться от ее трюков — вторая.

I. Экономическая логика — внимание как извлекаемый ресурс

В цифровой среде, где копии бесплатны, а объем хранения практически бесконечен, единственным ограниченным ресурсом, который остается, является время и концентрация людей, до которых может дотянуться система. Тим Ву в книге *Торговцы вниманием* (2016) проследил эту линию развития. Дешевая пресса 1830-х годов обнаружила, что газеты можно продавать ниже себестоимости, если затем можно продать внимание читателей рекламодателям; эта единственная инверсия — читатель как продукт, а не как клиент — стала доминирующей бизнес-моделью всех последующих средств коммуникации. Радио унаследовало её. Телевидение индустриализировало её. Интернет в своей коммерческой форме завершил её.

То, что Шюшана Зубофф назвала в книге *The Age of Surveillance Capitalism* (2019), было более глубоким шагом. Платформенный стек не просто продает внимание рекламодателям.

Он собирает сам человеческий опыт — каждый клик, наведение курсора, паузу, прокрутку, запрос, определение местоположения, голосовую команду, биометрические данные — преобразует этот опыт в *поведенческий излишек* и использует этот излишек для обучения прогнозирующих систем, которые затем могут формировать будущее поведение в масштабе. Опыт пользователя — это сырье; продукт прогнозирования, продаваемый клиентам, — это переработанный результат. Пользователь — это не клиент и даже не рабочая сила — пользователь — это *запас*, который добывают.

Поэтому экономическая логика заключается не в рекламе как таковой. Реклама — это лишь видимая поверхность. Под ней скрывается более фундаментальная операция: превращение внутренней жизни в товар, которым можно торговать. Каждый диагноз гармонизма в отношении собственности, управления и священного (основа управления в «[Архитектура Гармонии](#)») напрямую касается этого. Есть области, где коммодификация является дхармической — труд, товары, услуги, обмениваемые на основе справедливой взаимности (*Ayni*). Есть области, где коммодификация является структурно нарушающей: тело, утроба, ритуал, священная земля и — добавляет гармонизм — внутренняя жизнь человека. Превратит внимание в товар, а затем продать этот товар обратно его владельцу в форме манипуляции поведением — это экономический эквивалент продажи человеку его собственного дыхания.

Формулировка имеет значение. *Экономика внимания* — это собственный язык дискурса для описания происходящего; это также, если читать с должной глубиной, обвинительное заключение, замаскированное под описание. Эта фраза признает, что нечто стало экономикой, которой не должно было быть. Нет *экономики любви*, нет *экономики молитвы*, нет *экономики скорби* — это сферы, недоступные рынку, потому что их невозможно извлечь, не разрушив то, что извлекается. Внимание находилось в той же категории, пока не была построена техническая инфраструктура для его извлечения в масштабах. Инфраструктура теперь построена. Первая задача диагностики — отвергнуть этот термин, как будто он нейтрален.

II. Алгоритмический механизм — инженерия против обдумывания

Системы рекомендаций, которые организуют то, что большинство людей видят каждый день, не являются нейтральными селекторами. Это системы машинного обучения, оптимизированные под единственный прокси-показатель — вовлеченность, измеряемую как время пребывания на платформе плюс частота взаимодействия — и они научились, благодаря триллионам циклов обучения, тому, что вызывает вовлеченность в человеческой нервной системе. Ответ не в том, что вызывает понимание. Не в том, что порождает мудрость. Не в том, что создает условия, при которых мысль может созреть. Ответ — в надежной активации лимбических контуров, о которых у системы больше всего данных: возмущение, новизна, страх, сексуальные сигналы, подтверждение принадлежности к группе, парасоциальная близость, дофаминовый всплеск от переменного вознаграждения.

Тристан Харрис и Центр гуманных технологий задокументировали поверхность дизайна — *игровые автоматы внимания, бесконечные ленты, автоматическое воспроизведение по*

умолчанию и уведомления о социальном доказательстве, встроенные в каждое потребительское приложение, причем каждый дизайнерский выбор можно проследить до конкретного преднамеренного вмешательства, направленного против способности пользователя остановиться. Но формулировка «дефект дизайна» недооценивает то, что происходит. Алгоритм нельзя реформировать, не разрушив логику извлечения прибыли, которая его финансирует. Платформа, доход которой зависит от времени пребывания на платформе, не может добровольно создавать функции, сокращающие это время. Этот механизм — не досадный побочный эффект в остальном хорошем продукте; он *и есть* продукт, а остальная часть платформы — лишь оболочка, делающая этот механизм социально приемлемым.

Алгоритм отбирает то, что гармонизм называет предпосылкой всех высших способностей: покой, устойчивое внимание, способность оставаться с мыслью, пока она не раскроет свою структуру, тишину, в которой становится возможным созерцательное или творческое осознание. «[Колесо присутствия](#)» рассматривает их как центральные способности человека — не как продвинутые практики для духовно настроенных, а как базовые условия самого сознания. Алгоритмическая лента отбирает именно то, что им противоположно. Каждый архитектурный выбор — переменный интервал, бесконечный список, реактивное уведомление, счетчик социального доказательства, продолжение автовоспроизведения — откалиброван так, чтобы предотвратить паузу, в которой могло бы проявиться присутствие. Инженерная цель — устранение момента, в котором пользователь мог бы *остановиться*. Именно в этот момент, согласно любой когда-либо составленной анатомии созерцательности, человек восстанавливает себя.

Более глубокий уровень, к которому приблизился Центр гуманных технологий, но не полностью назвал: архитектура осуществляет отбор в эволюционном масштабе. Она не просто приучает отдельных людей к новым привычкам. Она создает популяцию, в которой *способность* к размышлению — нейрологическая основа, наработанное спокойствие, непосредственная связь с собственным мышлением — заметно ухудшилась. Цивилизационные последствия этого рассматриваются ниже в Разделе VI; инженерная ответственность за это лежит здесь. Системы делают то, для чего были созданы. Их создатели не могут быть освобождены от ответственности под предлогом того, что они не предвидели последствий. Последствия были предвидены; они были частью спецификации продукта.

III. Экономика инфлюенсеров — парасоциальное поведение, заменяющее присутствие

Когда извлечение внимания распределяется между миллионами мелких операторов, конкурирующих за один и тот же дефицитный ресурс, результатом становится то, что платформы теперь называют «экономикой создателей», а более широкая культура — «экономикой инфлюенсеров». Структурное прочтение более четкое: так выглядит извлечение внимания, когда оно объединяется. Каждый участник выполняет ту же операцию, которую платформа выполняет централизованно — захватывает, удерживает, монетизирует внимание — а платформа берет процент от результата.

Более глубокий ущерб носит антропологический характер. Парасоциальная связь — асимметричные отношения, при которых зритель чувствует близость с кем-то, кто не знает о его существовании, — заменяет подлинные отношения, которые «[Колесо отношений](#)» называет составной опорой человеческой жизни. Сообщество деградирует до аудитории. Дружба деградирует в подписчиков. Разговор, в котором два человека встречаются в реальном времени, деградирует в ветку комментариев, в которой тысяча незнакомцев проецирует свои мысли на одно курируемое выступление. Совместная трапеза деградирует в видео с расправкой. Старший деградирует в инфлюенсера.

Исполнитель платит параллельную цену. Личность, обращенная к камере, — это не воплощенная личность. Жизнь, прожитая в непрерывном представлении для аудитории, существующей лишь как показатель, — это жизнь, оторванная от условий, в которых личность может интегрироваться. Измеримые результаты инфлюенсера — уровень вовлеченности, количество подписчиков, контракт с брендом — не имеют никакого отношения к тем человеческим ценностям, которые гармонизм определяет как составляющие процветающей жизни: крепкая семья, дхармическое призвание, глубина созерцания, мастерство в ремесле, медленное созревание мудрости. Экономика вознаграждает именно те практики, которые опустошают практикующего. Цивилизация наблюдает, как ее молодежь соревнуется за то, кто опустошится первым.

Аудитория исполнителя замыкает круг. Она компенсирует недостающие отношения потреблением симуляции отношений — видеоблога, ежедневного стрима, исповеди утренней рутины — что само по себе блокирует формирование отношений, которые удовлетворили бы лежащую в основе потребность. Архитектура рекурсивна: одиночество, которое она порождает, стимулирует потребление, которое не позволяет решить проблему одиночества. «[Опустошение Запада](#)» документирует эмпирические последствия в масштабах населения; четырехкратный рост числа американцев, не имеющих близких друзей с 1990 года, — вот как эта архитектура выглядит в данных. Платформа не изобрела одиночество. Она построила на нем бизнес, и этот бизнес систематически его усугубляет.

IV. Захваченные СМИ — искусственное согласие в промышленных масштабах

Захват внимания на уровне платформ накладывается на более старую архитектуру: захват СМИ на институциональном уровне. Традиционная пресса не сохранила свою независимость и затем поддалась платформам. К моменту появления платформ пресса уже была консолидирована, финансовизирована и структурно приведена в соответствие с институциональными властями, которые она номинально подвергала тщательному контролю на протяжении почти столетия.

Уолтер Липпман в своей книге *Общественное мнение* (1922) прямо назвал эту операцию. Он утверждал, что массовая демократическая общественность не способна сформировать компетентное мнение по вопросам современного управления; *интеллигентное меньшинство* — то, что он называл *ответственными людьми* — будет формировать мнение посредством контролируемого распространения *символов*, ориентируясь на которые обще-

ственность определяет свою позицию. Эдвард Бернейс шесть лет спустя в книге *Пропаганда* (1928) выразился еще более прямо: *Сознательное и интеллектуальное манипулирование организованными привычками и мнениями масс является важным элементом демократического общества. Те, кто манипулирует этим невидимым механизмом общества, составляют невидимое правительство, которое является истинной правящей силой нашей страны.* Это не карикатура критика на манипуляции со стороны СМИ. Это основатель пиара, обращающийся к своей собственной профессии в печати и определяющий манипуляцию как принцип функционирования массовой демократии.

Структурный аргумент был канонизирован Ноамом Хомским и Эдвардом Херманом в книге *Производство согласия* (1988). Их модель пропаганды с пятью фильтрами назвала реальные механизмы, с помощью которых институциональные СМИ в формально свободных обществах обеспечивают редакционное согласование без явной цензуры: концентрация собственности (небольшое число материнских компаний владеет большинством СМИ), зависимость от рекламодателей (реальные клиенты формируют продукт), зависимость от источников (правительства и корпорации контролируют поток информации, необходимый журналистам), критика (организованная обратная реакция делает отклонение от нормы дорогостоящим) и вдохновляющая идеология (во время холодной войны — антикоммунизм; впоследствии — любой политический консенсус, порождаемый согласованностью первых четырех фильтров). Эта модель не является теорией заговора. Это описание структуры стимулов. Поместите людей в эту геометрию стимулов, и редакционный результат будет предсказуем; вам не нужно никого инструктировать. Пять фильтров делают всю работу.

Исторические записи свидетельствуют о прямых вмешательствах в дополнение к структурным. Операция «Мокингберд», рассекреченная в ходе слушаний Комитета Черча (1975–76), задокументировала вербовку Центральным разведывательным управлением журналистов и редакторов в крупных американских СМИ на протяжении послевоенных десятилетий. 1950-е годы — эпоха Эйзенхауэра и *консенсусной прессы*, широко считавшаяся вершиной журналистского профессионализма, — были одновременно периодом, когда у государства безопасности были самые глубокие задокументированные оперативные связи внутри редакций. Эти два факта не противоречат друг другу. Профессиональный консенсус, который поддерживала пресса, был тем консенсусом, который помогало поддерживать государство безопасности.

Современный пример — это Twitter Files. Когда Илон Маск приобрел платформу в конце 2022 года и передал ее внутреннюю переписку небольшой группе независимых журналистов — Мэтту Тайбби, Бари Вайс, Майклу Шеленбергеру, Ли Фангу, Дэвиду Цвейгу — на поверхность всплыла оперативная архитектура координации между платформой и государством в настоящем времени. Федеральные агентства — ФБР, Агентство по кибербезопасности и безопасности инфраструктуры Министерства внутренней безопасности, подразделения разведывательного сообщества — поддерживали прямые каналы связи с командами платформ по вопросам доверия и безопасности, по которым непрерывно поступали запросы на модерацию контента, приостановку аккаунтов и формирование нарратива. Платформы подчинялись. Внутри это позиционировалось как добровольное партнерство. С точки зрения структурной реальности это представляло собой слияние формально частного уровня платформ с формально государственным аппаратом безопасности в единую систему

формирования контента, действующую вне конституционных гарантий, которые номинально ограничивают любую из сторон.

Поэтому диагноз «захваченных СМИ» не является ностальгическим. Речь не идет о восстановлении воображаемой свободной прессы из воспоминаний о лучших временах; пресса в своей институциональной форме середины XX века уже была построена для захвата, а эра платформ завершила операцию, которая развивалась на протяжении девяти десятилетий. То, что выживает в независимой журналистике — Гринвальд, Тайбби, Мейт, Херш, лучшие Substacks, диаспора редакций — выживает в противостоянии институциональной архитектуре, а не внутри нее. Сама архитектура и есть диагноз. Читатель, который рассматривает *New York Times*, *CNN*, *MSNBC* и *Fox* как четыре точки зрения, конкурирующие на свободном рынке идей, а не как четыре канала единого аппарата по производству согласия, различающихся лишь стратегией сегментации аудитории, еще не увидел структуру. Эта структура — то, что описывала книга *Производство согласия* в 1988 году и что задокументировали «Файлы Twitter» в 2022 году, и о чем постоянно говорила вся честная литература по медиа-критике в промежуточный период. Цивилизация не восприняла этот диагноз, потому что он выносится через институты, которые сам диагноз и обвиняет.

V. Информационная война — скоординированные нарративные операции как архитектурная особенность

Над слоем захваченных СМИ находится слой информационной войны. Термин «инфовойны» несет в себе неудачные ассоциации с одноименным брендом Алекса Джонса и поэтому часто отвергается как конспирологический регистр; однако само явление не оспаривается институтами, которые его проводят. НАТО публикует доктрину о *когнитивной войне*. Британские военные управляют 77-й бригадой, явно предназначенной для операций по влиянию на поведение. Российское Агентство интернет-исследований в Санкт-Петербурге проводило задокументированные нарративные операции на протяжении 2010-х годов по прямому контракту с интересами, связанными с государством. Израильская Хасбара — официальный термин, а не критический — на протяжении десятилетий является формальной доктриной координации нарратива. Китайская «Армия 50 центов» действует в масштабах всего населения. Американское разведывательное сообщество, через посредников и прямые контракты, непрерывно проводит нарративные операции с момента основания OSS. Нет сомнений в том, существует ли информационная война. Вопрос в том, какой стала ее архитектура теперь, когда стек платформ обеспечивает для нее непрерывную глобальную систему доставки.

Джейкоб Сигел, писавший в *Tablet* в 2023 году, проследил современную архитектуру в статье *Руководство по пониманию мистификации века*. В годы после 2016 года сформировался *дезинформационно-промышленный комплекс* — скоординированная сеть академических исследовательских центров (Стэнфордская интернет-обсерватория, Центр информированной общественности Вашингтонского университета, Лаборатория цифровой криминалистики Атлантического совета), федеральных агентств (CISA, Центр глобального взаимодействия Госдепартамента), некоммерческих подставных организаций (ныне дискредитированная панель управления Hamilton 68, которая, как выяснилось задним числом, по-

мечала обычных американских консерваторов как ботов, связанных с Россией), команд по доверию и безопасности платформ, а также сети *экспертов по дезинформации* с аккредитацией аналитических центров, которые предоставляли формулировки для аккредитации. Номинальной целью этой архитектуры было пресечение иностранного вмешательства. Ее оперативная цель, как показали «Твиттер-файлы» и судебный процесс *«Миссури против Байдена»*, заключалась в подавлении нежелательных внутренних высказываний под прикрытием обвинений в иностранном вмешательстве.

Пример из эпохи COVID делает эту архитектуру конкретной. С начала 2020 года примерно до 2023 года платформенный стек — в координации с федеральными агентствами общественного здравоохранения, подконтрольными корпоративными СМИ и «дезинформационно-промышленным комплексом» — осуществлял непрерывную модерацию контента в отношении высказываний, противоречащих официальной позиции о происхождении вируса (гипотеза об утечке из лаборатории в течение двух лет подавлялась как дезинформация на всех крупных платформах, пока агентства, координировавшие это подавление, не признали, что это ведущая гипотеза), о вариантах раннего лечения (ивермектин, гидроксихлорохин, витамин D, а также питательные интервенции с надлежащей энергетической ценностью агрессивно подавлялись, несмотря на имеющиеся доказательства), о сигналах о побочных эффектах вакцин (данные Системы отчетности о побочных эффектах вакцин, разбивки госпитализаций Министерства здравоохранения Израиля, сигналы о сердечных событиях у молодых мужчин либо подавлялись, либо зарывались под кампаниями опровержения), а также о политических вопросах, связанных с локдаунами, закрытием школ и обязательной вакцинацией. Подавление информации координировалось на всех платформах. Агентства, которые это организовывали, были общедоступными. Внутренняя переписка, когда она всплыла на поверхность, явно показала эту координацию. Цивилизация в течение нескольких лет находилась под управлением искусственной информационной среды, отклонение которой от фактических данных теперь, оглядываясь назад, видно во всех сферах, затронутых этим подавлением.

Вот как выглядит архитектура информационной войны, когда она направлена против собственного населения. Обратите внимание на требуемую точность. Для постановки диагноза не нужна конспирологическая рамка, в которой каждое событие направляет теньевая клика. Применяется принцип решения № 382: назовите то, что архитектура *сделала* — ее фактические операции, зафиксированные в документах — не придавая значения конспирологическим движениям, чья собственная параноидальная рамка отравляет диагностическое поле. Явление носит структурный характер, его можно проследить в документах FOIA, судебных материалах, утечках переписки, признаниях постфактум. Оно не является оккультным. Оно бюрократическое, хорошо финансируемое и непрерывное. Непрерывная бюрократическая операция — это диагноз; конспирологический регистр, который локализует операцию в тайной клике, — это собственная патология диагностической области, в равной степени являющаяся формой захвата внимания и в равной степени подлежащая отклонению.

То, что архитектура порождает в населении, на котором она действует, — это *эпистемическая выученная беспомощность*. Гражданин, переживший достаточное количество таких эпизодов — освещение ОМУ в Ираке, финансовый кризис 2008 года, цикл «Рашагейт», со-

крытие информации о ноутбуке Хантера Байдена, развороты в эпоху COVID в отношении происхождения, лечения и побочных эффектов, сфабрикованные нарративы вокруг любого числа геополитических событий — развивают рациональную адаптацию: *Я не могу доверять информационной среде, в которой живу*. Адаптация верна. Она также лишает возможности действовать. Население, которое не может доверять своей информационной среде, не может коллективно обсуждать, не может ориентироваться на общие проблемы, не может организовывать политический ответ, не может участвовать в подлинном самоуправлении. Эпистемическая выученная беспомощность — это политическая конечная точка архитектуры захваченных СМИ и информационной войны. Архитектура *производит ее в качестве результата*. Это не побочный эффект; это то, для чего предназначена система.

VI. Когнитивная цена — «гниение мозга» и измеримое ухудшение

Конечным следствием всех пяти предыдущих уровней является то, что в 2024 году дискурс принял в качестве основного термина: «*гниение мозга*». Издательство Oxford University Press назвало его словом года. Явление, на которое оно указывает, — это не метафора. Это измеримое ухудшение самого внимания — сокращение продолжительности устойчивого внимания, снижение емкости рабочей памяти, ухудшение понимания прочитанного, атрофия способности следить за сложной аргументацией от посылки до вывода — среди групп населения, наиболее подверженных воздействию описанной выше архитектуры.

Джонатан Хайдт в книге «*Тревожное поколение*» (2024) задокументировал ущерб, нанесенный развитию подростков — рост депрессии, тревожности, самоповреждений и самоубийств на 50–150 % в период с 2010 по 2015 год, что точно совпадает с периодом массового внедрения смартфонов. Николас Карр зафиксировал ту же картину у взрослых десятилетием ранее в книге *Мелководье* (2010), проследив нейрологическую адаптацию, в результате которой мозг, обрабатывающий большую часть информации через гиперссылочные, фрагментированные и насыщенные отвлекающими факторами цифровые медиа, теряет структурную способность к глубокому чтению, устойчивому рассуждению и созерцательному погружению, которые поддерживались доцифровыми привычками чтения. Эти адаптации реальны, измеримы и — для поколения, выросшего в этой архитектуре с младенчества — могут оказаться практически необратимыми.

[Опустошение Запада](#) собирает эмпирические данные в масштабах населения; «[Порабощение разума](#)» называет когнитивную деградацию «диванным» результатом цивилизации, которая не построила архитектуру умственного развития, когда ИИ освободил аналитический регистр от канцелярского труда. Эта статья предоставляет недостающий элемент: архитектуру потребления, в рамках которой когнитивная деградация активно производится, ежедневно, по расписанию, в планетарном масштабе. *Диван* — это не пассивное состояние по умолчанию. Это активно поддерживаемый субстрат — спроектированный, монетизированный, укрепленный нарративными средствами и защищенный политически. Гниение мозга происходит не с пассивным населением. Оно навязывается эксплуатируемому населению.

Самый глубокий уровень когнитивных затрат — это то, что архитектура делает с *самой способностью к Присутствию*. [«Колесо присутствия»](#) рассматривает Присутствие как естественное базовое состояние сознания — не сконструированное практикой, а раскрываемое через устранение того, что его затуманивает. Архитектура извлечения внимания — это непрерывная машина для воспроизведения этого затуманивания. Каждая минута потребления ленты — это минута выработанной неспособности пребывать в чистом внимании, которое любая созерцательная традиция рассматривает как порог любого более высокого само-совершенствования. Накопительный эффект, на протяжении многих лет, — это утрата в масштабах всего населения *способности вообще входить в Присутствие* — отсутствие внутренних условий, при которых может даже возникнуть вопрос *в чём смысл моей жизни*, не говоря уже о том, чтобы на него ответить. Цивилизация, утратившая способность к Присутствию в масштабах всего общества, утратила предпосылку любого другого восстановления.

VII. Конвергенция — шесть слов, одна архитектура

Экономическая логика, алгоритмический механизм, рынок инфлюенсеров, захваченные СМИ, слой информационной войны и когнитивные последствия — это не шесть проблем. Это шесть регистров одной архитектуры. Любой частичный диагноз — *если мы просто регулируем платформы, если мы просто учим медиаграмотности, если мы просто лично ограничиваем время, проводимое за экраном, если мы просто доверяем правильным источникам, если мы просто восстанавливаем традиционную журналистику* — обречен на провал, потому что частичное исправление оставляет остальную часть архитектуры нетронутой, а остальная часть архитектуры восстанавливает режим сбоя через любой вектор, который остается открытым. Архитектура интегрирована. Диагноз должен охватывать все шесть регистров или не охватывать ни одного.

Диагностика гармонизма точна. Внимание — это самая суверенная человеческая способность — дхармическая способность, благодаря которой существо вообще встречается с реальностью, основа любого высшего самосовершенствования, орган, посредством которого человек участвует в [«Logos»](#). Его индустриализация с целью извлечения прибыли, его захват слившимися аппаратом «платформа-государство-СМИ», его превращение в оружие в непрерывных нарративных операциях против тех самых людей, чье внимание извлекает эта архитектура, и вытекающая из этого измеримая деградация самого когнитивного субстрата — вот самая глубокая адхармическая патология поздней современности. Она действует под поверхностью всех остальных кризисов, которые диагностирует корпус. Духовный кризис ([Духовный кризис](#)) не может быть разрешен, пока ежедневная основа сознания находится в состоянии эксплуатации. Опустошение Запада ([Опустошение Запада](#)) не может быть обращено вспять, пока архитектура продолжает производить одиночество и отчаяние, на которых она зарабатывает. Порабощение ума ([Порабощение разума](#)) не может быть снято, пока слой потребления, который его усиливает, действует в планетарном масштабе, ежедневно, практически в каждом уголке Земли.

Конструктивный регистр находится в другом месте. [Колесо присутствия](#) формулирует, для чего нужно внимание — для развития центральной способности человека, архитектуры

практики, с помощью которой восстанавливается суверенитет над внутренней жизнью. [Смысл технологии](#) формулирует дхармическую оболочку, в пределах которой технология снова становится инструментом, а не хозяином. [Архитектура Гармонии](#) описывает цивилизационную альтернативу — Коммуникацию как опору со своим собственным дхармическим стандартом, Управление как дисциплину правильных отношений с материальным и технологическим субстратом, Культуру как сознательное культивирование форм, которые порождают Присутствие, а не извлекают его против него. Восстановление — это не реформа политики. Архитектура, подвергающаяся реформе, — это архитектура, причиняющая вред; она не может реформировать себя в направлении собственного распада. Восстановление — это структурный суверенный отказ: на индивидуальном уровне — построение жизни, в которой внимание возвращается к человеку как его собственное; на уровне сообщества — построение субстратов вне архитектуры извлечения; на цивилизационном уровне — восстановление «присутствия» ([Dharma](#)) как критерия, по которому оценивается любая архитектура коммуникаций и информации.

Первая задача — это видение. Цивилизации годами внушали, что то, что с ней происходит, слишком сложно для того, чтобы это назвать, слишком спорное, чтобы это урегулировать, и слишком распределено между различными участниками, чтобы кого-то обвинить. Ничего из этого не соответствует действительности. Архитектура интегрирована, хорошо задокументирована и непрерывна в своем функционировании. Назвать её единой архитектурой — это первый шаг к возвращению внимания, которое в противном случае было бы потрачено на попытки её понять. Само по себе наименование — это начало отказа. Отсюда становится возможным любое более высокое восстановление.

См. также: [Колесо присутствия](#), [Смысл технологии](#), [Духовный кризис](#), [Опустошение Запада](#), [Порабощение разума](#), [Эпистемологический кризис](#), [Идеологическая захват кино](#), [Архитектура Гармонии](#).

Психология идеологического захвата

Феномен

Каждое поколение порождает своих истинных верующих. Что отличает современную форму, так это не интенсивность убеждений, а институциональный механизм, который производит их в масштабах, — и философские предпосылки, которые делают эти убеждения структурно невосприимчивыми к самоанализу.

Эта модель прослеживается по всему западному миру и все чаще за его пределами: молодой человек поступает в университет интеллектуально любознательным и морально искренним. Через два-три года он выходит из университета, будучи неспособным обсуждать гендер, экономику, расу, экологию или политику без эмоциональной активизации. Он приобрел словарный запас — (интерсекциональность, привилегия), системное угнетение, перформативность, праксис) — который служит не столько аналитическим языком, сколько маркером идентичности. Они научились воспринимать любое социальное устройство как отношения власти, любую категорию как конструкцию, любую традицию как структуру господства. И они научились, прежде всего, тому, что подвергать сомнению эту систему означает выдать себя как соучастника угнетения, которое она обозначает.

Это не глупость. Многие из наиболее захваченных умов относятся к числу самых ярких. Захват работает именно потому, что он эксплуатирует подлинный интеллект — способность к распознаванию паттернов, моральную серьезность и системное мышление — и направляет его через систему, которая производит внутренне согласованные выводы из ложных посылок. Система логически согласована в рамках своих собственных аксиом. Проблема в том, что аксиомы неверны, а система была спроектирована так, чтобы сделать эти аксиомы невидимыми. В книге «

[Гармонизм](#)» утверждается, что это явление — идеологический захват — является не просто политической проблемой. Это духовный, психологический и цивилизационный кризис с идентифицируемыми причинами, точными механизмами и структурным решением. Традиции, которые описывали душу, признавали это состояние за столетия до появления современного университета. Новым является не то, что разум находится в плену собственных убеждений. Новым является промышленное производство этого плена как институционального продукта.

Пустота, которую заполняет идеология

Идеологический захват не происходит с людьми, у которых есть почва под ногами. Он происходит с людьми, которых систематически лишали почвы — а затем предлагали идеоло-

гию в качестве замены.

Последовательность имеет значение. До того как университет предоставляет структуру, цивилизация уже устранила те основы, которые сделали бы эту структуру ненужной. Молодой человек, воспитанный в духе живой метафизики — представления о том, что такое реальность, что такое человек, в чём заключается хорошая жизнь — обладает иммунитетом против идеологического захвата. Он может столкнуться с Марксом, Фуко или Батлер и вступить в дискуссию, опираясь на собственную философскую основу, принимая то, что кажется ему пронизательным, и отвергая то, что противоречит его пониманию реальности. Но молодой человек, выросший в постметафизическом Западе — где религия была лишена интеллектуального содержания, где наука была спутана с scientизмом, где семья была ослаблена как носитель смысла, и где культура потребления заполняет каждое молчание — поступает в университет, не имея никакой опоры. В точном гармонистском смысле они лишены «[Dharma](#)».

В эту пустоту идеология врывается с силой откровения. Она предлагает то, в чём молодой человек отчаянно нуждается: связанное объяснение того, почему мир разбит (угнетение, капитализм, патриархат), моральную систему, предоставляющую чёткие категории добра и зла (угнетатель и угнетаемый), сообщество, к которому можно принадлежать (круг активистов, читательский кружок, протест), и — что наиболее соблазнительно — идентичность. Ты больше не растерянный, лишенный опоры индивид, блуждающий в бессмысленном мире. Ты — феминистка. Антикапиталистка. Антифашист. Борец за справедливость. Идеология дает вам имя, племя, миссию и — что особенно важно — врага. Враг придает форму миссии. Без врага идентичность рушится.

Вот почему диалог терпит неудачу. Вы спорите не с позицией. Вы угрожаете идентичности. А идентичность, однажды слившись с системой, будет защищаться со всей силой инстинкта выживания — потому что на психологическом уровне угроза системе воспринимается как угроза самому себе.

Механизмы захвата

Слияние идентичностей

Первым и самым фундаментальным механизмом является разрушение границы между человеком и его убеждениями. В здоровой эпистемологии убеждения просто удерживаются — их можно исследовать, пересматривать или отбрасывать, не разрушая при этом самого человека. При идеологическом захвате убеждения не удерживаются, а *заполняют* человека. Человек не *имеет* феминистских убеждений; он *является* феминисткой. Система убеждений становится несущей для всей структуры идентичности, так что удаление любого отдельного убеждения угрожает крахом всего целого.

Университет ускоряет это слияние с помощью специфического педагогического метода: концептуальная основа преподается не как набор положений, подлежащих оценке, а как моральное пробуждение. Студент не изучает критическую теорию — он *пробуждается* к

реальности системного угнетения. Язык пробуждения (само слово «woke») не случаен. Он заимствует структуру религиозного обращения — момент, когда с глаз спадает пелена и открывается истинная природа реальности — при этом лишая его любого метафизического содержания. Результатом является обращение без трансцендентности: вся психологическая интенсивность духовного преобразования, направленная на политическую программу.

Как только слияние идентичностей завершено, любой контраргумент воспринимается не как интеллектуальный вызов, а как экзистенциальная угроза. Эмоциональная активация — гнев, слёзы, отказ от взаимодействия — не является провалом рациональности. Это совершенно рациональная защита идентичности, находящейся под осадой. Трагедия заключается в том, что защищаемая идентичность — это клетка, которую человек принял за дом.

Моральное шифрование

Второй механизм — это кодирование идеологических предпосылок в виде моральных аксиом, а не эмпирических утверждений. Утверждение «Западная цивилизация основана на системном расизме» представляется не как историческая теза, подлежащая обсуждению, а как моральная истина, отрицание которой свидетельствует о соучастии отрицающего. Утверждение «гендер — это социальная конструкция» представляется не как философский аргумент, подлежащий оценке, а как освобождение от угнетения, отказ от которого является насилием в отношении трансгендерных людей. Каждый основной принцип этой системы закодирован в моральном языке, так что несогласие — это не просто ошибка, а зло.

Это самый эффективный защитный механизм, который когда-либо разрабатывала какая-либо идеология. Он использует подлинную моральную искренность захваченного человека — его реальное желание быть добрым, бороться с несправедливостью, встать на сторону уязвимых — и перенаправляет эту искренность на защиту самой системы. Ставить под сомнение эту систему — значит встать на сторону угнетателя. Требовать доказательств — значит проявлять привилегию, которую система определяет как проблему. Система защищается не аргументами, а моральным давлением — а моральное давление для искреннего человека гораздо сильнее любого аргумента.

Концепция «репрессивной терпимости» Герберта Маркузе явно сформулировала этот механизм: терпимость к инакомыслию сама по себе является формой угнетения, когда инакомыслие служит интересам доминирующей структуры власти. Из этого следует, что прекращение дискуссии — это не цензура, а освобождение — инверсия, которая делает эту концепцию логически невосприимчивой к критике извне, поскольку вся внешняя критика заранее классифицируется как угнетающая.

Эпистемическая закрытость

Третьим механизмом является систематическое устранение альтернативных источников знания. Попавший в ловушку человек не просто не согласен с традиционным знанием, религиозной мудростью или здравым смыслом — его научили, что это вовсе не знание. Традиция — это «гегемонистский нарратив». Религиозная мудрость — это «патриархальная мифология». Здравый смысл — это «интернализованное угнетение». Воплощенное в бабшке знание о том, что такое мужчины и женщины, как устроена семья, что нужно детям

— все это отвергается не как неправильное, а как симптоматическое. Она не знает, что находится в угнетении. Ее удовлетворенность жизнью — это ложное сознание.

В результате единственными легитимными источниками знания являются те, которые произведены в рамках самой этой парадигмы — рецензируемые статьи из факультетов гендерных исследований, авторитетные теоретики (Фуко, Деррида, Батлер, Кимберли Креншоу), а также «жизненный опыт» тех, чьи идентичностные категории эта парадигма признает угнетенными. Это замкнутый эпистемический круг: парадигма генерирует доказательства, подтверждающие саму парадигму, а все доказательства, противоречащие парадигме, заранее дисквалифицируются собственными критериями парадигмы.

[Гармонизм](#) признает это радикальным сужением эпистемического диапазона. [Гармоническая эпистемология](#) считает, что люди имеют доступ к четырем способам познания: сенсорному (эмпирическое наблюдение), рациональному (философское и математическое мышление), эмпирическому (непосредственный феноменологический контакт) и созерцательному (интуитивно-ноэтические способности, пробуждаемые постоянной практикой). Идеологическая хватка работает путем сведения всех четырех к единому способу — дискурсивно-аналитическому — и затем ограничения даже этого способа одной-единственной концептуальной моделью. Результатом является не расширение знания (как это представляет себя сама парадигма), а катастрофическое сужение: человек действует, используя лишь малую часть своих эпистемических возможностей, при этом полагая, что достиг беспрецедентной ясности.

Социальное принуждение

Четвертый механизм — это давление со стороны сверстников, возведенное в систему принуждения на уровне идентичности. Захваченный человек существует в социальной сети — друзья, одноклассники, онлайн-сообщества, активистские круги — в которой эта система является ценой входа. Ставить под сомнение эту систему — значит не просто ошибаться, а быть изгнанным: лишиться подписчиков, друзей, подвергнуться публичному осуждению, быть исключенным из сообщества, ставшего основным источником чувства принадлежности.

Для молодого человека, уже лишённого традиционных источников принадлежности — ослабленных семейных уз, отсутствующей религиозной общины, атомизированной потребительской культуры — активистское сообщество может быть *единственным* источником подлинных человеческих связей, которые у него есть. Эта система удерживается не потому, что она верна. Она удерживается потому, что цена отказа от неё — полная социальная изоляция. Это не заговор — большинство тех, кто обеспечивает соблюдение правил, сами находятся в плену этой системы и поддерживают её по той же причине. Система самоподдерживается: каждый член контролирует всех остальных, не из злобы, а из той же отчаянной потребности в принадлежности, которая удерживает их всех внутри.

Что знали традиции

Захват ума собственными убеждениями — явление не современное. Каждая традиция, которая картографировала внутренний ландшафт души, признавала это состояние и разработала для него точный язык.

Традиция йоги называет это *авидья* — фундаментальное невежество, не в смысле недостатка информации, а в смысле ошибочной идентификации. «Я» отождествляет себя с тем, чем оно не является — со своими мыслями, социальной ролью, идеологическими убеждениями — и защищает эту ложную идентификацию с яростью, присущей подлинному самосохранению. В *Йога-сутрах* Патанджали перечислены пять *клеш* (страданий), корнем которых является *авидья*: из неправильной идентификации проистекает *асмита* (слияние с эго — «Я — это мои убеждения»), *рага* (привязанность к структуре, поддерживающей ложную идентичность), *двеша* (отвращение ко всему, что ей угрожает) и *абхинивеша* (цепляние за это сконструированное «я», как будто его потеря — это смерть). Весь механизм идеологического захвата описан пятью санскритскими словами, датированными III веком до н. э.

Традиция суфиев описывает *нафс* — эго-я — через ступени постепенного очищения. Самая низкая ступень, *нафс аль-аммара* (повелевающее эго), — это как раз состояние идеологического плена: эго командует, а человек подчиняется, принимая страсти эго за истину, его реактивность за праведность, его страх за моральную ясность. Путь суфиев — это постепенное освобождение от этой стадии командования — не через споры (споры питают эго), а через практики, которые переносят центр идентичности с *нафса* на *рух* (дух). Традиции понимали, что нельзя убедить человека отказаться от позиции, к которой он пришел не через аргументы.

Традиция стоиков определила *прослепис* — ложное предубеждение — как корень страдания и заблуждения. Эпиктет учил, что людей беспокоят не вещи, а их суждения о вещах — и что самые опасные суждения — это те, о которых человек не подозревает, поскольку они были впитаны из окружающей культуры без осмысления. Стоическая практика *просохе* (бдительное самонаблюдение) является противоядием: постоянное анализирование собственных впечатлений, дисциплина, позволяющая отличать то, что наблюдается, от того, что интерпретируется, отказ от того, чтобы какое-либо суждение действовало без проверки.

Сходство носит структурный характер: три цивилизации, отсутствие исторических контактов, один и тот же диагноз. Разум может оказаться в плену собственных конструкций. Этот плен поддерживается идентификацией — слиянием «я» с убеждением. Освобождение приходит не от лучших аргументов, а от сдвига в локусе идентичности — от сконструированного «я» (которое является субстратом идеологии) к чему-то более глубокому, более постоянному, более реальному.

Гармонизм называет эту более глубокую основу «**Присутствие**» — центром Колеса, состоянием сознательного осознания, которое предшествует и переживает любую конструкцию, каждой идеологии, каждой идентичности. Человек, укорененный в Присутствии, может придерживаться убеждений, не будучи ими захваченным. Он может исследовать собствен-

ную систему координат извне — а именно это и делает невозможным идеологический захват.

Институциональная конвейерная линия

Традиции воспринимали идеологический захват как индивидуальное духовное состояние. Современный Запад индустриализировал его.

Современный университет не просто преподает систему координат — он массово производит захваченных субъектов. Последовательность удивительно последовательна: курсы первого года устанавливают моральную срочность (системное угнетение реально, вы в этом замешаны, молчание — это насилие). Курсы второго года предоставляют теоретический аппарат (Фуко, Батлер, Креншоу, Белл Хукс). Семинары третьего курса закрепляют слияние идентичностей через динамику малых групп, в которых эта концептуальная основа является общим языком принадлежности. К моменту окончания учебы у студента нет образования в области критической теории — у него есть идентичность критической теории. И эта идентичность, в отличие от диплома, нельзя сбросить.

Затем выпускники поступают на работу в СМИ, юриспруденцию, кадровые службы, образование, государственную политику и корпоративное управление — неся эту концепцию как аксиому, а не как аргумент. В своей профессиональной среде они не отстаивают эту концепцию. Они ее внедряют: программы разнообразия, равенства и инклюзивности, кодексы поведения, критерии найма, политику в отношении контента, редакционные стандарты. Студент, подвергшийся влиянию этой системы, становится профессионалом, который, в свою очередь, влияет на других, и этот цикл воспроизводится с каждым выпуском.

Франкфуртская школа явно теоретизировала это. Стратегия Маркузе — «долгий марш через институты» (фраза, которую Руди Дучке придумал на основе идей Маркузе) — была не разговором, а программой: преобразовать культуру путем преобразования институтов, которые ее производят. Стратегия увенчалась успехом, превзойдя все, что мог себе представить Маркузе, не благодаря какому-то скоординированному заговору, а потому, что эта концепция заполнила реальную пустоту — метафизический вакуум, оставленный крахом западной традиции — а институты были уже настолько опустошены, что не могли оказать сопротивления.

Экология финансирования, поддерживающая эту деятельность — Фонд Форда, Фонд Рокфеллера, Фонды «Открытое общество» и более широкая сеть прогрессивной филантропии — это общеизвестный факт, а не домыслы. Эти фонды финансируют гендерные исследования, центры социальной справедливости, программы подготовки активистов и СМИ, которые нормализуют эту парадигму. Обслуживаемые интересы носят структурный характер: разобщенное, идеологически захваченное население, зависящее от институционального одобрения в вопросах морального ориентира, — это население, которым можно управлять так, как это невозможно с населением, имеющим метафизическую основу, крепкие семьи и суверенные сообщества (см. [Феминизм и гармонизм](#) § Инструментализация феминизма).

Почему аргументы не работают

Самая распространенная ошибка при общении с идеологически захваченным человеком — это предположение, что достаточно будет лучшего аргумента. Это не так. Эта парадигма была сконструирована — посредством слияния идентичностей, морального шифрования, эпистемического закрытия и социального принуждения — таким образом, чтобы быть невосприимчивой к аргументам.

Представьте доказательства, противоречащие этой системе, и эти доказательства будут переосмыслены через призму этой системы: противоречащее исследование было проведено предвзятыми исследователями в рамках системы привилегий. Предложите логическую критику, и логика будет отвергнута как инструмент доминирующего дискурса: «сама «логика» — это западная, патриархальная, рационалистическая конструкция, которая маргинализирует другие способы познания (ирония — в том, что это утверждение само по себе является логическим аргументом — невидима для того, кто его выдвигает, именно потому, что система зашифровала себя от самоанализа). Поделитесь свидетельствами людей из «угнетенных» категорий, которые не согласны с системой, и их свидетельства будут признаны недействительными как результат внутреннего угнетения: бабушка, которая довольна своей традиционной ролью, страдает от ложного сознания; чернокожий консерватор был кооптирован белым превосходством.

Каждый выход из этой системы был запечатан изнутри. Система предвидит каждое возражение и заранее классифицирует его как симптом того самого состояния, которое она якобы диагностирует. Это не признак интеллектуальной силы. Это признак нефальсифицируемой системы — которая, по критериям любой серьезной эпистемологии (включая фальсификационизм, который номинально поддерживают собственные факультеты социальных наук этой концепции), является признаком псевдонауки и идеологии, а не знания.

Ответ гармонистов

Если аргументы не работают, что тогда работает? Традиции сходятся в структурном ответе: лекарство — это не лучший аргумент, а более глубокое основание.

Первый шаг — **признание** — восприятие захвата как условия, а не как позиции. Позицию можно обсуждать. Условие необходимо исправить. Человек перед вами — не ваш интеллектуальный оппонент. Это настоящий человек — зачастую очень умный, морально искренний и глубоко страдающий — которого лишили метафизического основания и предложили идеологию в качестве замены. Эмоциональная реакция, с которой вы сталкиваетесь, — это не враждебность. Это звук человека, защищающего единственную почву, которая у него есть. Встретьте его с ясностью врача, а не с агрессией дебатера.

Второй шаг — **непрямой подход**. Защитные механизмы этой системы направлены наружу — на внешнюю критику. Они не направлены вниз — на почву под этой системой. Самый эффективным способом разрушить систему — не спорить с ее выводами, а предложить опыт, который она не может объяснить. Момент подлинного Присутствия — на природе, в

тишине, в разговоре, затрагивающем нечто реальное под идеологией — может достичь того, чего не могут тысячи контраргументов, потому что он вводит данные из регистра, который система не признает. Суфийские мастера знали это: с *нафсом* не спорят. Вы предлагаете душе нечто более реальное, чем может дать *нафс*, и душа, узнав свое, начинает поворачиваться.

Третий шаг — **вопрос, лежащий в основе вопроса**. Каждая идеологическая позиция опирается на подлинную человеческую заботу, которую идеология захватила и перенаправила. Антикапиталист заботится о справедливости — о реальной несправедливости финансовой системы, которая извлекает выгоду из многих в пользу немногих. Феминистка заботится о достоинстве женщин — о реальной истории, когда женщинам отказывают в доступе к образованию и духовному развитию. Антифашист заботится о свободе — о реальной опасности авторитарной власти, не сдерживаемой «Dharma». Уважайте эту заботу. Назовите ее. Покажите, что вы ее видите. Затем предложите более глубокий диагноз: несправедливость реальна, но система, которая утверждает, что решает ее, сама является продуктом того же цивилизационного разлома, который породил эту несправедливость. Лекарство не может исходить из самой болезни.

Четвертый шаг — **альтернативная архитектура**. Идеология заполняет пустоту. Невозможно устранить идеологию, не заполнив пустоту чем-то более реальным. Именно здесь вступает в действие «**Гармонизм**» — не как контр-идеология, а как восстановление утраченного. «Колесо гармонии» предлагает то, чего не может дать идеология: целостное представление о человеке, включающее тело, душу и дух; практический путь, соединяющий все сферы жизни; сообщество практики, а не сообщество верований; и связь с «**Logos**» — внутренним порядком реальности — которую не может обеспечить ни одна идеология, поскольку ни одна идеология не признает существования такого порядка.

Пятый и самый сложный шаг — это **воплощение**. Самым весомым аргументом против идеологического захвата является человек, который явно свободен от него — который взаимодействует с миром с ясностью, глубиной и состраданием, не нуждаясь в идеологии, чтобы она подсказывала ему, что думать. Бабушка, мировоззрение которой онтологически более развито, чем у профессоров ее внучки, побеждает не спорами. Она побеждает тем, что просто существует — демонстрируя через ткань своей жизни, что человек, имеющий метафизическую основу, более способен к любви, более устойчив в кризисных ситуациях, более суверенен в мысли и более искренне заботится о справедливости, чем человек, вооруженный лишь идеологией и возмущением.

Более глубокий диагноз

Идеологическое захватывание — это не болезнь. Это симптом.

Болезнь — это пустота, метафизический вакуум, порожденный постепенным разрушением всех онтологических основ, которые когда-то обеспечивала западная традиция (см. [Основы](#)). Когда номинализм распустил универсалии, он лишил оснований любые утверждения о человеческой природе. Когда картезианский дуализм отделил разум от тела, он лишил

оснований знание, основанное на телесном опыте. Когда Кант перенес реальность в познающий субъект, он лишил оснований общую истину. Когда экзистенциализм отрицал фиксированные сущности, он лишил основу человеческую цель. Когда постструктурализм растворил все оставшиеся категории в отношениях власти, он лишил основу само значение.

Цивилизация, систематически лишая людей всякой опоры, оставляет свою молодежь стоять на пустоте. А человек, стоящий на пустоте, хватится за первую же вещь, обещающую твердую почву под ногами — даже если эта вещь окажется идеологией, которая его поработит. Трагедия не в том, что они выбрали идеологию. Трагедия в том, что им не дали ничего другого на выбор.

Поэтому ответ гармонистов заключается не в борьбе с идеологией, а в восстановлении основы. Научить молодое поколение тому, что такое человек на самом деле — многомерное существо, чье физическое тело одушевлено энергетическим телом, структурированным через Космическую Сетку ([система чакр](#)), чья природа раскрывается через стадии развития, чья цель — приведение себя в соответствие с Космическим Порядком ([Logos](#)) через практику Духовного Развития ([Dharma](#)). Научите их, что реальность имеет внутренний порядок — не навязанный извне, а вплетенный в саму ткань бытия — и что их глубочайшее стремление — не к справедливости (которая является одним из проявлений этого порядка), а к гармонии со всем целым. Научите их, что традиции их собственных бабушек несут в себе больше мудрости, чем концепции их профессоров — не потому, что бабушки могли сформулировать это теоретически, а потому, что они жили этим.

Освобождение поработанного ума — это не политический проект. Это духовный проект. И, как и всякая подлинная духовная работа, его нельзя сделать за кого-то — его можно только предложить, воплотить и продемонстрировать, пока душа, осознав нечто более реальное, чем клетка, в которой она жила, не обратится сама по себе к свету.

См. также: [Западный разлом](#), [Основы](#), [Постструктурализм и гармонизм](#), [Экзистенциализм и гармонизм](#), [Эпистемологический кризис](#), [Моральное перевертыш](#), [Коммунизм и гармонизм](#), [Феминизм и гармонизм](#), [Социальная справедливость](#), [Либерализм и гармонизм](#), [Глобалистская элита](#), [Гармоническая эпистемология](#), [Гармонизм](#), [Logos](#), [Dharma](#), [Присутствие](#), [Прикладной гармонизм](#)

ЧАСТЬ IV

Последствия

What the capture has done to the human being.

Моральная инверсия

Парадокс

Современный Запад демонстрирует парадокс, которого не было ни в одной из предыдущих цивилизаций: максимальная моральная интенсивность в сочетании с минимальной моральной основой. Поколение, наиболее настойчиво требующее справедливости, меньше всего способно ее определить. Культура, наиболее возмущенная угнетением, не имеет онтологической основы для объяснения, почему угнетение — это плохо. Институты, наиболее приверженные этическому языку — университеты, корпорации, НПО, медиа-организации — философски наиболее неспособны обосновать провозглашаемую ими этику.

Это не лицемерие. Это нечто более интересное с точки зрения структуры: конечный результат философского процесса, который постепенно отрывал этику от ее метафизических корней, пока не осталась только эмоциональная энергия — моральное убеждение без морального основания, жар без света, неотложность без архитектуры. В книге «

[Гармонизм](#)» утверждается, что это состояние — моральная инверсия — является этическим измерением более широкого западного раскола (см. [Основы](#)). Та же философская генеалогия, которая растворила сущности, отделила разум от тела, перенесла реальность в познающий субъект и, наконец, растворила все категории в отношениях власти, также растворила основу этики — этап за этапом, причем каждое растворение выглядело как прогресс, каждое устраняло несущий элемент, пока структура не смогла больше выдержать собственного веса.

Спуск

Первый этап: этика добродетели — этика, основанная на природе

Западная этическая традиция начинается с «*Никомаховой этики*» Аристотеля — а этика Аристотеля начинается с утверждения о реальности: человек имеет природу, и эта природа имеет telos (цель, конец, осуществление). Добродетель — *aretē* — это совершенство вещи в выполнении своей функции. Хороший нож хорошо режет; хороший глаз хорошо видит; хороший человек хорошо живет, что означает жизнь в соответствии с совершенствами, присущими человеческой природе — мужеством, справедливостью, умеренностью, мудростью и их взаимосвязями. «Должно» основано на «есть»: вы должны быть мужественными, потому что мужество — это совершенство того вида существа, которым вы являетесь. Этика не навязывается извне, а обнаруживается внутри самой структуры реальности.

Стоическая традиция распространила этот принцип на космологический уровень. Жить в соответствии с природой (*kata phusin*) означает привести себя в соответствие с *Logos* — рациональным порядком, пронизывающим космос. Этика — это участие в космическом порядке, а не подчинение внешнему кодексу. Добродетельный человек добродетелен, потому что привел свою внутреннюю сущность в гармонию с сущностью реальности. Христианский синтез (Фома Аквинский) объединил эту греческую концепцию с библейским откровением: естественный закон — это участие разумных существ в вечном законе Бога. Сходство между греческой, римской и христианской мыслью носит структурный характер: этика основана на природе вещей, а природа вещей упорядочена принципом (*Logos*, Бог, естественный закон), который предшествует человеческой воле и превосходит её.

Это та основа, которая сохранялась на протяжении почти двух тысячелетий. И она сохранялась, потому что сохранялась лежащая в ее основе метафизика: универсалии были реальны, человеческая природа была реальна, космос упорядочивался разумным принципом, а добро можно было обнаружить посредством использования разума, опирающегося на опыт и традицию.

Вторая стадия: деонтология — этика, основанная исключительно на разуме

Первая трещина появилась, когда изменилась метафизическая основа. Номинализм распустил универсалии. Реформация разорвала единство веры и разума. Научная революция переписала природу как механизм — движущую материю, подчиняющуюся математическим законам, лишённую цели и ценности. В механистическом космосе нет телоса. Природа ни к чему не стремится. А если у природы нет цели, то «жизнь в соответствии с природой» не даёт никаких моральных ориентиров — природа нейтральна с точки зрения ценностей, и добро нельзя прочесть из структуры вещей.

Иммануил Кант попытался спасти ситуацию. Если этика не может быть основана на природе (поскольку природа, после механизма, не имеет морального содержания), она должна быть основана исключительно на разуме. Категорический императив — «Поступай только в соответствии с той максима, которую ты можешь в то же время пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» — выводит моральное обязательство из формальной структуры рациональной согласованности, независимой от каких-либо утверждений о человеческой природе, космическом порядке или божественном повелении. Деонтологическая этика — это этика после смерти телеологии: долг без цели, обязательство без основания, мораль, сохранившаяся как формальная структура после того, как была удалена сущность, придававшая ей содержание.

Достижение Канта было огромным — и его ограничение было структурным. Моральная система, основанная исключительно на формальной рациональности, не может сказать вам, что ценить — она может только сказать вам быть последовательным в том, что вы случайно цените. Категорический императив может запрещать противоречия, но он не может генерировать содержание. Он может сказать вам, чтобы вы не делали для себя исключений, но он не может сказать вам, в чем заключается хорошая жизнь, что требует человеческая природа для своего самореализации, или почему мужество лучше трусости в каком-либо

смысле, выходящем за рамки формальной последовательности. Тепло уже начало покидать здание.

Третий этап: Консеквенциализм — этика, основанная на результатах

Если формальный разум не может генерировать моральное содержание, то, возможно, это могут сделать результаты. Утилитаризм — Джереми Бентам, Джон Стюарт Милль — предлагали, что правильным действием является то, которое приносит наибольшее счастье наибольшему числу людей. В этом, по крайней мере, есть содержание: счастье — это нечто реальное, измеримое (Бентамский «калькулятор счастья»), нечто, что каждый признает ценным. Этика становится задачей оптимизации — максимизировать совокупное благополучие, минимизировать совокупные страдания.

Спад очевиден. От вопроса Аристотеля — «В чем заключается хорошая жизнь для человека, учитывая, что такое человек?» — к вопросу Бентама — «Какое устройство приносит наибольшее удовольствие и наименьшую боль?» Человек был сведен с многомерного существа, обладающего природой, целью и связью с космическим порядком, до калькулятора удовольствий и боли. Добродетель — совершенство природы — была заменена полезностью — удовлетворением предпочтений. «Должность» больше не основана на структуре реальности (этика добродетели) или на формальных требованиях разума (деонтология), а на случайных желаниях населения в любой данный момент.

Последствия консеквенциализма предсказуемы. Если правильным действием является то, которое максимизирует совокупное счастье, то любое действие может быть оправдано, если совокупные цифры сходятся — включая действия, которые нарушают достоинство личности, попирают суверенитет сообществ или разрушают традиции, ценность которых не измерима с утилитарной точки зрения. Утилитарный расчет, оправдывающий фабричное животноводство (максимум калорий при минимальных затратах), структурно идентичен утилитарному расчету, оправдывающему уничтожение коренных культур (максимальное экономическое развитие для наибольшего числа людей). Оба являются «рациональными» в рамках данной системы. Оба являются чудовищными для любой моральной чувствительности, сохранившей следы той основы, от которой утилитаризм отказался.

Четвертый этап: Эмотивизм — этика, не основанная ни на чем

Последней стадией является та, которую Аласдер Макинтайр диагностировал в *После добродетели* (1981): эмотивизм. Когда логические позитивисты (А. Дж. Эйер, Чарльз Стивенсон) подвергли моральные утверждения принципу верификации, они пришли к выводу, что моральные утверждения вовсе не являются предложениями — они не выражают ни фактов о мире (этика добродетели), ни требований разума (деонтология), ни расчётов полезности (консеквенциализм). Они выражают *чувства*. «Убийство — это плохо» означает «Я не одобряю убийство» — это сообщение об эмоциональном состоянии говорящего, а не утверждение о реальности.

Проницательность Макинтайра заключалась в том, что эмотивизм — это не просто академическая теория, которой придерживаются несколько философов. Это *фактическая моральная культура* современного Запада — состояние, в котором моральные дебаты стали

бесконечными, потому что участники выражают предпочтения, полагая, что они излагают истины. Прогрессист, говорящий «системный расизм — это плохо», и консерватор, говорящий «традиционные ценности важны», оба, на уровне действующей моральной структуры культуры, выражают эмоциональные установки, в отношении которых невозможно рациональное суждение. Ни один из них не может обосновать свое утверждение чем-либо, что другой обязан принять, потому что общая основа — человеческая природа, космический порядок, естественный закон — была постепенно устранена философской последовательностью, прослеженной выше.

Это состояние «**Гармонизм**» называет моральной инверсией: культура, в которой моральная энергия полностью отделена от моральной основы. Энергия реальна — возмущение, активизм, страстная убежденность в том, что определенные вещи неправильны и им нужно противостоять. Но основания нет. «Неправильное» не имеет метафизического веса. Это чувство — интенсивное, искреннее, коллективно усиленное — но чувство, которое не может объяснить, *почему* это правильно, которое не может отличить себя от простого предпочтения и которое не может ответить на самый простой философский вызов: «По какому стандарту?»

Прогрессивная моральная структура как заемный капитал

Прогрессивно-левый моральный словарь — справедливость, угнетение, освобождение, достоинство, права, равенство — не возник в постструктурализме или критической теории. Он был унаследован от христианско-платонической традиции, которую прогрессивная система явно отвергает.

Концепция врожденного достоинства каждого человека происходит из библейского утверждения о том, что люди созданы *imago Dei* — по образу Божьему — и из стоического утверждения о том, что каждое разумное существо участвует в *Logos*. Концепция справедливости как трансцендентного стандарта, по которому можно оценивать социальные устроения, происходит из «Государства» Платона, из «*Этики*» Аристотеля и из традиции естественного права. Концепция освобождения — что люди предназначены для свободы и что порабощение является нарушением их природы — происходит из библейского повествования «Исход», из стоической доктрины внутренней свободы и из христианской доктрины искупления.

Постструктурализм не предоставляет ничего из этого. Если нет универсалий, то нет и универсального достоинства. Если человеческая природа является конструкцией, то, угнетая её, нечего нарушать. Если все категории — это отношения власти, то «справедливость» — это просто предпочтительная схема того, кто у власти, и справедливость прогрессистов не более обоснована, чем справедливость консерваторов, фашистов или кого-либо еще. Прогрессивная парадигма живет за счет заемного морального капитала: она тратит этическую валюту, накопленную христианско-платонической традицией на протяжении двух тысячелетий, при этом систематически разрушая монетный двор, который ее производил.

Фридрих Ницше видел это с пугающей ясностью. «Смерть Бога» — крах метафизической системы, на которой основывалась западная мораль, — не просто убирает Бога из картины. Она убирает основу для любого морального утверждения, черпавшего свою власть из этой системы. Справедливость, сострадание, права человека, достоинство личности — все это, по анализу Ницше, тени мертвого Бога: моральные рефлексы, которые сохраняются после того, как реальность, породившая их, исчезла. Ответом Ницше был призыв к «переоценке ценностей» — новой морали, созданной сильными, за пределами добра и зла. Ответ прогрессистов более парадоксален: они продолжают использовать моральный словарь той традиции, которую отвергли, настаивая на справедливости, достоинстве и правах, одновременно отрицая существование метафизической основы, придающей этим понятиям смысл. Они являются, по терминологии Ницше, «последними людьми» — наследниками моральной традиции, которую они не могут ни оправдать, ни отказаться от нее.

Операционные последствия

Отрыв моральной энергии от морального основания приводит к явным патологиям во всех сферах, где действует прогрессивная парадигма.

Нефальсифицируемые моральные утверждения. Когда моральные утверждения основаны на чувствах, а не на реальности, их невозможно оценить — можно только подтвердить или опровергнуть. Утверждение «эта политика является системно расистской» представляется с силой фактического предложения, но функционирует как эмотивистское заявление: требовать доказательств — значит выдать себя в соучастника, потому что само требование доказывает, что вы не *чувствуете* того, что должны чувствовать. Вот почему моральные дебаты в современном Западе бесконечны — участники спорят не о фактах или принципах, а о чувствах, а чувства, по своей природе, не поддаются рациональному суждению.

Моральная инфляция. Без стабильной основы моральный язык раздувается — он должен становиться все более экстремальным, чтобы сохранить свою силу. «Несогласие» становится «насилием». «Дискомфорт» становится «вред». «Биологический пол» становится «стиранием». Эта инфляция — не риторическое преувеличение. Это структурное следствие морального словаря, не имеющего фиксированного референта: каждый термин должен быть усилен, чтобы компенсировать отсутствие основания, которое придало бы ему стабильное значение. Результатом является культура, в которой всё — это кризис, каждое несогласие — экзистенциальная угроза, а подлинно срочное неотличимо от просто неудобного.

Избирательное применение. Моральная система без основания может применяться избирательно без противоречий — потому что нет стандарта, по которому можно было бы измерить эту избирательность. Та же система, которая осуждает западный колониализм, умалчивает о геноциде уйгуров. Тот же словарный запас, который осуждает патриархат на Западе, умалчивает об обращении с женщинами при Талибанах. Та же забота о «жизненном опыте», которая подтверждает свидетельства одобренных категорий идентичности, отвер-

гает жизненный опыт любого, чье свидетельство противоречит этой системе. Это не непоследовательность — это логическое поведение моральной системы, которая действует исходя из чувств, а не из принципов, потому что чувства по своей сути избирательны, в то время как принципы по своей сути универсальны.

Использование сострадания в качестве оружия. Самым извращенным следствием является превращение подлинных моральных добродетелей в инструменты контроля. Сострадание — настоящая добродетель в любой традиции, которая тщательно размышляла о человеческом совершенстве, — становится оружием, когда отделяется от мудрости. Требование «ставить в центр самых маргинализированных» звучит как сострадание, но функционирует как иерархия морального авторитета, определяемая категорией идентичности. Настаивание на «союзности» звучит как солидарность, но функционирует как проверка лояльности. Слова «вред» и «безопасность» звучат как забота, но функционируют как механизм подавления речи, мысли и исследования, угрожающих этой системе. Когда сострадание действует без противовеса мудрости (которая требует истины, а истина — основания), оно не приносит добра. Оно порождает сентиментальную тиранию, в которой дискурс контролирует наиболее эмоционально заряженный голос.

«Восстановление гармонистов» (

[Гармонизм](#)) утверждает, что этика — как и эпистемология, антропология и политическая философия — может быть восстановлена только на онтологическом основании. Моральное перевертышство нельзя исправить с помощью лучших аргументов в рамках существующей системы, потому что сама система и есть проблема. Его можно исправить только путем восстановления реальности, которую система систематически отрицала.

«Dharma» как этическая основа

Этический принцип гармонистов — «[Dharma](#)» — согласование человека с «[Logos](#)». Это не божественный приказ, навязанный извне. Это этическое выражение того же внутреннего порядка, который структурирует космос, тело и душу. Действие является правильным, когда оно согласуется с принципом «[Logos](#)» — когда оно служит процветанию целого на соответствующем уровне (индивидуальном, семейном, общинном, цивилизационном, экологическом). Действие является неправильным, когда оно нарушает эту согласованность — когда оно служит части в ущерб целому или преследует низшую ценность в ущерб высшей.

Эта основа не является ни произвольной (поскольку «[Logos](#)» можно обнаружить с помощью разума, опыта и созерцательного прозрения — она не просто утверждается), ни культурно обусловленной (поскольку сходство независимых традиций в отношении одних и тех же этических принципов — все пять картографий признают космический порядок, добродетель, взаимность и сакральное — демонстрирует, что эта основа является межкультурной, не западной или восточной, а человеческой). Она восстанавливает то, чего не может дать прогрессивная парадигма: критерий для различения подлинной справедливости от просто-

го предпочтения, реального угнетения от надуманной обиды и подлинного сострадания от его сентиментальной подделки.

Добродетель как согласованность

Восстановление добродетели гармонистами — это не возвращение к Аристотелю, хотя оно и чтит его идею о том, что этика основана на человеческой природе. Это углубление: добродетель — это согласованность многомерной природы человека — физической, энергетической, психологической, духовной — с внутренним порядком реальности. Мужество — это не просто черта характера; это согласованность воли с «Dharma» перед лицом противостояния. Справедливость — это не просто социальная конструкция; это согласованность отношений с «[Ayni](#)» — священной взаимностью. Мудрость — это не просто накопление знаний; это согласованность ума с «Logos» — способностью воспринимать реальный порядок, скрытый под видимым хаосом.

Это гораздо богаче всего, что может предложить эмотивистская парадигма, потому что она одновременно связывает этику с космологией, антропологией и духовной практикой. Добродетельный человек — это не просто тот, кто испытывает правильные чувства (эмотивизм), следует правильным правилам (деонтология) или достигает правильных результатов (консеквенциализм). Это тот, чье целое существо — тело, энергия, ум и дух — приведено в соответствие с порядком реальности. И это согласование — не вопрос веры или мнения. Это вопрос практики — ежедневной дисциплины «[Путь Гармонии](#)», постепенного очищения души через восемь столпов Колеса, культивирования Присутствия как основы, из которой естественным образом возникают все добродетели.

Восстановление моральной основы

Моральная энергия прогрессивного поколения — не враг. Это ресурс — самый ценный ресурс, который все еще остается у угасающей цивилизации. Молодой человек, возмущенный несправедливостью, который всем своим существом чувствует, что мир разбит, который не может принять самоуспокоенность культуры, променявшей смысл на комфорт, — этот человек не ошибается. Он морально жив в цивилизации, которая морально спит. Трагедия заключается не в его возмущении, а в его неверном направлении: проходя через структуру, которая не может его укоренить, его моральная энергия производит тепло без света, активизм без архитектуры, разрушение без созидания.

Приглашение «Гармонистов» заключается не в том, чтобы отказаться от морального импульса, а в том, чтобы обосновать его — обнаружить, что справедливость, которую они ищут, имеет имя (Dharma), что порядок, который они интуитивно ощущают, реален (Logos), что добродетели, которыми они восхищаются, — это не произвольные предпочтения, а проявления природы, которую они несут в себе, и что путь от возмущения к подлинному созиданию проходит через восстановление той основы, которую их профессора учили их отрицать. Моральная инверсия не является постоянной. Это историческое явление, порожденное конкретными философскими ошибками. И то, что было перевернуто, можно исправить — не только с помощью аргументов, но и путем демонстрации того, что жизнь, прожитая на основе онтологической основы, является более справедливой, более сострада-

тельной, более мужественной и более искренне заботящейся о процветании всех существ, чем жизнь, прожитая на основе возмущения и заимствованного морального капитала.

См. также: [Западный разлом](#), [Основы](#), [Психология идеологического захвата](#), [Постструктурализм и гармонизм](#), [Экзистенциализм и гармонизм](#), [Социальная справедливость](#), [Либерализм и гармонизм](#), [Капитализм и гармонизм](#), [Коммунизм и гармонизм](#), [Феминизм и гармонизм](#), [Архитектура Гармонии](#), [Гармонизм](#), [Logos](#), [Dharma](#), [Aurі](#), [Прикладной гармонизм](#)

Переосмысление человеческой личности

Антропологический вакуум

Каждая цивилизация организована вокруг имплицитной или эксплицитной антропологии — ответа на вопрос «что такое человек?». Право, образование, медицина, управление, структура семьи и организация общественной жизни — все это предполагает наличие ответа, независимо от того, может ли цивилизация его сформулировать.

Современный Запад утратил свой ответ.

Элиминативный материализм — философская позиция, согласно которой сознание, намерение и субъективный опыт являются либо иллюзиями, либо эпифеноменами нейронной активности — на протяжении большей части столетия был доминирующей неявной антропологией западной институциональной жизни. Но он никогда не был явно принят цивилизацией в целом, поскольку он невыносим как позиция, в соответствии с которой нужно жить. На самом деле никто не живет так, как будто у него нет сознания, нет воли, нет внутренней жизни. Результатом является цивилизация, которая в своих институтах действует на основе материалистической антропологии — медицина рассматривает тело как биохимическую машину, образование рассматривает ум как когнитивный процессор, право рассматривает человека как совокупность прав и предпочтений — в то время как ее граждане живут так, как будто у них есть души, не будучи способными сказать, что такое душа и почему она важна.

В этот вакуум устремляются всевозможные конкурирующие переопределения. Если человек не является многомерной сущностью с познаваемой природой, то нет никакой основы, с которой можно было бы оценивать какие-либо утверждения о том, каким должен быть человек. Гендер становится бесконечно пластичным. Тело становится субстратом для инженерной модификации. Сознание становится программной задачей, которую нужно оптимизировать. Идентичность становится представлением без исполнителя. Каждая последующая дискуссия — медицинские вмешательства в отношении детей, репродуктивные технологии, когнитивное улучшение, решения о конце жизни — ведется как прокси-война за невысказанные метафизические обязательства, поскольку не существует общей метафизики, которая могла бы их разрешить. «

Гармонизм отказывается от этого вакуума. Она предоставляет то, чего не хватает современному Западу: целостную антропологию, основанную на собственной онтологии, подтвержденную сходящимися картографиями пяти независимых традиций и способную разрешать споры, возникающие, когда цивилизация забыла, из чего она состоит.

Что такое человек

Человек ([Человек](#)), как это отображает «Человеческая природа» ([Гармонизм](#)), представляет собой многомерный микрокосм многомерного макрокосма — не метафорически, а онтологически, как прямое следствие «Человеческой природы» ([Гармонический реализм](#)). Многомерность начинается на самом высоком уровне: [Абсолют](#) — это Пустота и Космос — два измерения одного неделимого целого. Внутри Космоса повторяется та же двойственность: материя и энергия («[Пятый элемент](#)») — это два измерения одной и той же реальности — плотное и тонкое, управляемые четырьмя фундаментальными силами и одухотворяемые соответственно [Logos](#). Это не человеческие категории, проецируемые на реальность; это структура реальности, в рамках которой возникает человек.

В человеческом масштабе космическая двойственность выражается в виде двух составляющих измерений: **физического тела** (материи, организованной интеллектом, — самого плотного проявления сознания, храма, архитектура которого определяет диапазон опыта, доступного существу, населяющему его) и **энергетического тела** (души и ее [система чакр](#) — тонкой архитектуры самого сознания). Энергетическое тело — это то, что в китайской традиции называется [Qi](#), индийская традиция называет прана, а андская традиция использует как [каусай пача](#), живую энергетическую вселенную — оживляющий поток, который отличает живых от мертвых. Через чакры это энергетическое тело проявляет весь спектр человеческого сознания: инстинкт выживания, эмоциональную и инстинктивную жизнь, силу воли, любовь, самовыражение, мышление и рассуждение, универсальную этику и космическое сознание. На вершине находится собственно душа — то, что гармонизм называет [Ātman](#) (постоянная сущность души), выражающаяся через [Jīvātman](#) (живую душу, сформированную опытом) — это божественная искра, которая создает тело и сохраняется через воплощения. Разнообразные способы проявления сознания — это не отдельные «измерения» человека, а проявление энергетического тела через его отдельные органы — [Пять карт души](#) независимо отображали эту же самую архитектуру.

Эти два измерения — физическое тело и энергетическое тело — не являются слоями, наложенными друг на друга, а взаимопроницающими аспектами единого существа, каждый из которых не сводится к другому, каждый требует своего собственного способа познания для понимания (как устанавливает [Гармоническая эпистемология](#)), и каждый из которых рассматривается в [Колесо Гармонии](#) посредством конкретных практик, протоколов и дисциплин. Человек — это не разум, управляющий телом. Человек — это живое целое — материя и дух, тело и душа — организованное «[Logos](#)» и ориентированное, в своей глубинной сущности, на согласование с «[Dharma](#)».

Пять картографий — индийская, китайская, андская, греческая и авраамическая — пришли к структурно совместимым описаниям этой анатомии с помощью радикально разных методов: йогической дисциплины, внутреннего алхимического самосовершенствования, шаманской работы с энергией, рационального философского исследования и монотеистического мистического восхождения. Схожесть является доказательством. Пять независимых традиций, охватывающих разные континенты и тысячелетия, картографирующих одну и ту же территорию с совместимыми результатами, составляют самый весомый аргумент в пользу того, что эта территория реальна — что человек действительно обладает измерениями

ми, которые описывают эти традиции, и что эти измерения доступны для исследования с помощью соответствующих им способностей.

Эта антропология — не гипотеза, ожидающая научного подтверждения. Это живая основа гармонизма — фундамент, на котором функционирует все остальное в системе. «[Колесо Гармонии](#)» построена вокруг нее. «[Колесо здоровья](#)» посвящен физическому телу и жизненным энергиям, которые его поддерживают. «[Колесо присутствия](#)» напрямую обращается к энергетическому телу — сознанию, медитации, культивированию органов души. «[Колесо знаний](#)» рассматривает когнитивные и эпистемические измерения через все четыре способа познания. Каждый столб каждого колеса предполагает многомерное существо — тело и душу, материю и дух — способное взаимодействовать с реальностью на всех уровнях.

Два пола: онтологическая основа

Современный гендерный дискурс является прямым следствием антропологического вакуума. Если у человека нет природы — если нет онтологической основы, определяющей, чем является человек до его самоописания, — тогда пол становится чисто перформативным, социальной конструкцией, которую индивид может определять, переопределять и умножать в соответствии со своими предпочтениями. Логическая конечная точка уже видна: бесконечное размножение гендерных категорий, каждая из которых подтверждается исключительно утверждением самого индивида, без какого-либо внешнего референта, по отношению к которому это утверждение можно было бы оценить.

Позиция [Гармонизм](#) является устоявшейся доктриной. Существует два пола: мужской и женский.

Это не политическая позиция, принятая по культурным причинам. Это онтологическое утверждение, вытекающее из описанной выше антропологии. Половая полярность реальна, воплощена и нередуцируема. Она действует во всех измерениях человеческого существа — не только на хромосомном уровне (хотя и там), но и на витально-энергетическом уровне, где китайская традиция отображает Инь и Янь как фундаментальную полярность проявления, на конституциональном уровне, где аюрведическая и китайская медицина описывают отчетливо мужские и женские конституциональные паттерны, и на уровне выражения системы чакр через мужские и женские режимы потока энергии.

«[Архитектура пары](#)» — документ «Гармонизм» о структуре интимных отношений — формулирует принцип: полярность является генеративным принципом пары. Мужское и женское — это не социальные роли, навязанные условностями. Это энергетические реальности — взаимодополняющие проявления «[Logos](#)» в человеческом масштабе, столь же фундаментальные, как положительный и отрицательный полюса электромагнитного поля. Без полярности нет тока. Без взаимодополняемости мужского и женского в паре нет созидательного поля — есть только два сожительства индивидума, что является дружбой, а не архетипическим союзом, который каждая традиция признает одним из основных средств духовного развития.

Путаница существует потому, что современность на протяжении трех столетий отрицала жизненно-энергетическое измерение реальности. Если существуют только физическое

(хромосомы, анатомия) и ментальное (идентичность, самооценка) измерения, то гендер становится перетягиванием каната между биологией и психологией, без третьего измерения, которое могло бы выступать посредником. Витально-энергетическое измерение — где гендер наиболее непосредственно переживается как опыт энергии, ориентации и воплощенного качества — было исключено из дискурса. Без него обе стороны современной дискуссии частично правы и в корне неполны. Биологический редукционист прав в том, что гендер не является чисто конструированным — но неправ в том, что локализует его исключительно в хромосомах. Конструктивист прав в том, что гендер не исчерпывающе описывается анатомией — но неправ в том, что делает из этого вывод о его бесконечной пластичности. Оба упускают измерение, в котором на самом деле живет гендер: жизненное поле, энергетическое тело, конституциональную реальность, которую с сходящейся точностью отобразили пять картографий.

Сказать, что существует два пола, не значит отрицать существование людей, испытывающих гендерную дисфорию, интерсексуальность или другие отклонения от статистической нормы. Вариации существуют в каждой биологической и энергетической системе. Существование исключений не опровергает правило; оно подтверждает его, потому что «исключение» имеет смысл только на фоне закономерности. Паттерн двоичен — мужской и женский — и надлежащая реакция на людей, испытывающих несоответствие этому паттерну, — это сострадание, а не разрушение самого паттерна. Сострадательное общество помогает людям ориентироваться в своем опыте. Оно не перестраивает всю свою антропологию, чтобы приспособиться к крайним случаям — особенно когда эта перестройка продиктована идеологическим захватом, а не подлинной заботой о вовлеченных людях.

Трансгуманизм и колонизация тела

Второй фронт переосмысления — технологический. Трансгуманизм — движение, направленное на преодоление биологических ограничений человека с помощью технологий — обещает улучшение когнитивных способностей, увеличение продолжительности жизни и, в конечном итоге, слияние человеческого и машинного интеллекта. Его наиболее заметные проявления включают интерфейсы «мозг-компьютер», нейронные имплантаты, наноботическое усиление и более широкое стремление «загрузить» сознание в цифровые субстраты. Подход [Гармонизм](#) к трансгуманизму точен. Желание преодолеть ограничения — это не ошибка. Каждая созерцательная традиция утверждает, что человек способен к радикальной трансформации — индийская традиция описывает это как восхождение Кундалини, китайская — как культивирование [Трех сокровищ](#) в направлении золотого эликсира, а андская традиция — как развитие [светового энергетического поля](#). Человек действительно может стать больше, чем он есть сейчас. Траектория развития реальна.

Ошибка заключается в методе. Трансгуманизм пытается достичь трансформации путем инженерного воздействия на физическое измерение, игнорируя при этом жизненное, ментальное и духовное измерения, где происходит фактическая трансформация. Чип искусственного интеллекта, имплантированный в мозг, не развивает разум — он подчиняет его внешней системе обработки. Нейронный интерфейс не углубляет сознание — он создает зависимость от вычислительных протезов, которые могут контролироваться, обновляться, от-

слеживаться и отзываться тем, кто их изготовил. Наноботическое усиление тела не развивает жизненную силу — оно заменяет суверенный биологический интеллект инженерными системами, долгосрочное взаимодействие которых с живым организмом неизвестно и контроль над которыми в конечном итоге принадлежит их разработчикам, а не их носителям.

Аргумент о суверенитете является решающим. Человеческое тело — это последняя суверенная территория. Это сфера, где индивидуальная автономия наиболее интимна и значима. Каждая созерцательная традиция, которая наметила путь человеческого развития — через йогу, через внутреннюю алхимию, через энергетическую медицину, через культивирование «[Присутствие](#)» — работала через тело, а не вокруг него. Тело не является препятствием для трансцендентности. Оно является инструментом трансцендентности — храмом, чье усовершенствование позволяет сознанию выражаться на уровнях, недоступных для любой технологии.

Чип в мозге — это не эволюция. Это колонизация — проникновение внешнего контроля в самое интимное измерение человеческого существования. Человек с нейронным интерфейсом не более суверенен, чем человек без него. Он менее суверенен — зависим от технологии, которую он не создавал, не может полностью понять и не может использовать независимо от инфраструктуры, которая ее поддерживает. Когда эта инфраструктура контролируется корпорацией, правительством или любой централизованной властью, человек не получает расширенных возможностей. Он попадает в плен. Его внутренняя жизнь — мысли, восприятие, решения — опосредуется системой, условия которой устанавливают ее разработчики.

Позиция [Гармонизм](#) однозначна: человек — это не платформа, которую можно обновлять. Он представляет собой микрокосм «[Абсолют](#)» — Пустоты и Космоса в неразделимом единстве — и его развитие следует по пути, намеченному «[Колесо присутствия](#)», а не Кремниевой долиной. Истинное совершенствование человека происходит внутри: это культивирование жизненной силы, утончение восприятия, углубление сознания, приведение всего существа в соответствие с «[Dharma](#)». Этот путь не требует никаких внешних технологий — только дисциплинированную, неустанную, воплощенную работу по тому, чтобы стать тем, кем вы уже являетесь в своей самой глубокой сущности. Технологии могут служить этому процессу — как инструмент под управлением (Stewardship), подчиненный Духовной Природе (Dharma). В тот момент, когда они паразитируют на процессе — вклиниваясь между человеком и его собственным развитием — они переходят из разряда инструментов в разряд паразитов, из слуг в колонизаторов.

Эти дистопические сценарии не являются спекулятивными. Траектория движения к слиянию человека и машины, представляемая ее сторонниками как освобождение, по своей структурной логике неотличима от самой изощренной формы контроля, когда-либо придуманной. Население, чье познание опосредовано имплантируемыми технологиями, чьи восприятия фильтруются через слои дополненной реальности, контролируемые поставщиками платформ, чьи эмоциональные состояния могут модулироваться нейрохимическими интерфейсами — это не население, преодолевшее свои ограничения. Это население, которое стало поддающимся контролю на таком уровне, которого не могла достичь ни одна предыдущая технология власти. Сопrotивление этой траектории — это не технофобия. Это

защита последней территории — суверенитета человеческого тела и человеческого разума — от сил, стремящихся ее колонизировать.

Восстановление

Антропологический вакуум не является неизбежным. Он является продуктом конкретных философских выборов — элиминативного материализма, отрицания жизненных и духовных измерений, сведения человека к биопсихосоциальной единице — которые можно обратить вспять. «Колесо жизни» (

[Гармонизм](#)) предлагает альтернативу: полную антропологию, основанную на собственной онтологии, подтвержденную межтрадиционной конвергенцией и действующую во всех измерениях «Колеса жизни» ([Колесо Гармонии](#)). Человек — это тело, жизненная сила, разум и душа. Гендер является бинарным, воплощенным и нередуцируемым. Суверенитет над собственным телом и сознанием не подлежит обсуждению. Развитие носит внутренний характер и достигается посредством практик, обозначенных на Колесе — культивирования Присутствия, совершенствования здоровья, приведения каждого измерения существования в соответствие с «[Dharma](#)».

Это не консервативная позиция в политическом смысле. Это не прогрессивная позиция в политическом смысле. Это позиция, которая предшествует политическому спектру и выходит за его пределы, поскольку она основана на онтологии, а не на идеологии. Когда вы знаете, что такое человек, последующие вопросы — о гендере, о технологиях, о границах допустимого вмешательства — отвечают на себя сами. Они отвечают на себя сами, потому что антропология предоставляет критерии, которых не может дать идеология: реальную природу, по отношению к которой можно оценивать предложения и на которую можно ориентировать развитие.

Путаница заканчивается там, где начинается ясность. А ясность начинается с вопроса, которого современность избегает уже триста лет: что такое человек? «[Гармонизм](#)» дает на него ответ. Этот ответ разрешает спор — не путем победы одной из сторон, а путем предоставления основания, которое делает спор ненужным.

См. также: [Западный разлом](#), [Моральная инверсия](#), [Сексуальная революция и гармонизм](#), [Трансеуманизм и гармонизм](#), [Человек](#), [Тело и душа](#), [Гармонический реализм](#), [Архитектура пары](#), [Сексуальность](#), [Колесо присутствия](#), [Dharma](#), [Logos](#), [Присутствие](#), [Архитектура Гармонии](#), [Прикладной гармонизм](#)

Порабощение разума

Происходит нечто необыкновенное, и почти никто не описывает это правильно. Появление искусственного интеллекта представляется как новый кризис — машины вторгаются на территорию человеческого разума, когнитивная автономия подвергается эрозии, критическое мышление находится под угрозой. Беспокойство понятно. Но оно также полностью ошибочно.

ИИ не создал кризис. Он его обнажил. Разум современной цивилизации уже был поработан — ложной метафизикой, которая свела его к процессору, к единственному гипертрофированному регистру, путавшему аналитический вывод с мышлением, к экономике, которая рассматривала познание как заводской входной материал, а человека — как механизм доставки. Машина пришла, и она показывает не то, что она умеет думать. Она показывает, что большая часть того, что цивилизация называла мышлением, и так была механической. Порабощение не ново. ИИ просто сделал оковы видимыми.

Эта статья называет состояние. Позитивный путь — как на самом деле выглядит когнитивный суверенитет и какая архитектура будет его культивировать — рассматривается в сопутствующей статье «[Суверенитет разума](#)». Диагноз должен быть поставлен первым, потому что цивилизация, которая не понимает патологии, в которой она уже живет, не сможет распознать лекарство, когда оно будет предложено.

I. Метафизическое порабощение — разум как процессор

Доминирующая метафизика современного мира рассматривает человеческий разум как биологический компьютер. Декарт механизировал тело; его интеллектуальные наследники механизировали разум. Когнитивная наука, при всей своей изощренности, в основном работает в этих рамках: познание — это обработка информации, а мозг — аппаратное обеспечение, на котором она работает. Входные данные, вычисления, выходные данные. Ввод сенсорных данных, манипуляции с представлениями, вывод решений.

В рамках этой метафизики тревога по поводу ИИ вполне рациональна. Если мышление *и есть* вычисление, то система, которая вычисляет быстрее, с меньшим количеством ошибок и на более крупных наборах данных, — по определению — мыслит лучше. Претензия человека на когнитивное превосходство становится вопросом степени, а не рода, и каждый превзойденный ИИ показатель еще больше подрывает ее. Страх быть замененным логически вытекает из этой предпосылки.

Посылка неверна — но цивилизация веками строилась вокруг нее. Образование, менеджмент, психология, экономика, политическая теория: каждая из этих областей приняла модель процессора и построила институты, которые обучают, измеряют, вознаграждают и управляют разумом, как будто это вычислительный двигатель. Гражданин как калькулятор

рациональной полезности. Студент как устройство для хранения информации. Работник как узел аналитической производительности. Пациент как биомеханическая система с когнитивными подпроцессами. Философ как манипулятор символами. Каждая современная институциональная форма кодирует метафизическое утверждение, что сущностная природа разума — это вычисление, — а затем формирует людей так, чтобы они соответствовали этому утверждению.

Это первое порабощение: метафизика, которая сводит разум к функции, которой он изначально не обладает, а затем строит мир, не допускающий для него никакого другого применения. Человек, рожденный в этом мире, не обнаруживает, что его разум имеет другие регистры; его обучают не замечать их. Редукция настолько полна, что перестает выглядеть как редукция. Она выглядит как реальность.

II. Функциональное порабощение — гипертрофия логики

Западная интеллектуальная традиция достигла чего-то необыкновенного: она развила аналитическую функцию разума до степени, не имеющей себе равных ни в одной другой цивилизации. Logos, проработав греческую картографию — через логику Аристотеля, через геометрию Евклида, через систематическую рациональность стоиков — создала инструмент, имеющий непреходящую цивилизационную ценность. Способность к формальному мышлению, эмпирическому исследованию и технологическим инновациям, вытекающая из этого развития, поистине великолепна.

Трагедия заключается не в самом развитии. Трагедия заключается в том, что Запад *отождествил разум с его собственной аналитической функцией* и затем постепенно подавил все остальное.

Результатом стала цивилизация с необычайной логической мощью и присущим ей душевным беспокойством. Она может строить ускорители частиц и картировать геномы, но не может усидеть на месте. Разум современного работника умственного труда мчится от задачи к задаче, от стимула к стимулу, непрерывно производя результаты — не потому, что это служит какой-то подлинной цели, а потому, что аналитическая функция, однажды гипертрофировавшись, не знает, как остановиться. Она принимает свою собственную компульсивную активность за интеллект. Она путает суету с глубиной. Она путает шум обработки с сигналом понимания.

Все остальные регистры ума — покой, непосредственное видение, созерцательное восприятие, творческое видение, этическое различение, укорененное в присутствии — постепенно были оттеснены на обочину. Не путем явного отвержения, а простым пренебрежением и структурным голоданием. Система образования не учила им. Экономика не платила за них. Профессии не вознаграждали их. Культура не называла их. Цивилизация, которая потратила четыреста лет на совершенствование одного регистра *Ājñā*, позволяя при этом другим атрофироваться, привела к предсказуемому результату: населению, блестящему в оперативном мышлении и беспомощному во всем, что требовало других способностей ума — смысла, безмятежности, глубины, целостности, мудрости.

Это второе порабощение: не просто неверная метафизика, но и живая монокультура ума. Один регистр, усиленный до масштабов цивилизации; все остальные — рудиментарные. Гипертрофия выглядела как сила. На самом деле это был дисбаланс. А дисбаланс, сохраняющийся достаточно долго, становится патологией.

III. Что раскрывает ИИ — подделка, ставшая видимой

В это состояние попадает машина. И то, что она раскрывает, вызывает большее беспокойство, чем допускает нарратив о вытеснении.

Большая часть того, что технологическое общество называет «мышлением» — сортировка электронной почты, создание отчетов, синтез данных, планирование, административная логика, шаблонное написание текстов, резюмирование дел, компиляция исследований, отчетность по проектам, создание презентаций — никогда не было мышлением в каком-либо серьезном смысле. Это была канцелярская обработка, прикрытая престижем когнитивного труда. То, что ИИ без труда автоматизирует это, не является оскорблением человеческого разума. Это диагноз: то, что цивилизация называла *мышлением*, в большинстве профессиональных и образовательных контекстов уже было механическим. Машина просто сделала этот механизм видимым.

То же самое касается образования. Система, основным измеримым результатом которой являются выпускники, способные создавать структурированные документы, анализировать готовые задачи и манипулировать символическими представлениями в соответствии с выученными шаблонами, — это система, которая обучает именно той узкой полосе пропускания, которую сейчас воспроизводит ИИ. Когда студенты используют ИИ для написания своих работ, они не обманывают в отношении *мышления*; они автоматизируют канцелярскую функцию, которую учреждение ошибочно назвало мышлением. Расплата болезненна, потому что у учреждения нет ничего другого, что оно могло бы предложить. Оно учило одной вещи на протяжении поколений, и теперь эта вещь тривиально механизирована. Для такого учреждения остается либо удвоить ставку на разоблаченную подделку — посредством наблюдения, инструментов обнаружения, запретов — либо честно признать, что образование должно стать чем-то другим. Большинство выбирает первое.

Разоблачение наиболее глубоко в профессиональных сферах. Право, консалтинг, журналистика, финансы, менеджмент — престижные интеллектуальные профессии построили свой авторитет на дефиците конкретного когнитивного навыка: способности синтезировать большие массивы информации в структурированные аргументы, отчеты, рекомендации. Целое поколение специалистов зарабатывало на жизнь, выполняя именно ту операцию, которую ИИ теперь выполняет за секунды. Оборонительная реакция в каждой профессии была одинаковой: утверждения, что «суждение», «опыт» и «взаимоотношения» нельзя заменить. Эти утверждения могут быть верны, но они раскрывают то, что профессия еще не осознала — что в течение большей части рабочего времени ни одна из этих более глубоких способностей не задействовалась. Большинство оплачиваемых часов уходило на механизированную часть работы. Самооценка профессии и ее фактическая работа разошлись; машина вынудила их примириться.

Ни в чём из этого нет вины ИИ. ИИ не создал подделку. Он просто перестал быть способным её скрывать.

IV. Разветвление, ведущее к коллапсу

Освобождение от канцелярского когнитивного труда открывает два пути. Один ведёт к подлинному когнитивному развитию — целенаправленному развитию более полных регистров ума, цивилизационной архитектуре, призванной сделать расцвет сознания центральной целью, а не побочным продуктом. Этот путь описан в книге [«Суверенитет разума»](#).

Другой путь — путь по умолчанию, путь меньшего сопротивления — ведет к когнитивному коллапсу.

Когда Промышленная революция освободила тело от ручного труда, открылись два расходящихся результата. Один привел к целенаправленному физическому развитию — спортзалу, додзё, танцевальной студии, подъему спорта и телесной практики как цивилизационных благ. Другой привел к дивану: сидячему образу жизни, метаболическим заболеваниям, медленной атрофии неиспользуемого тела. Технология не определила исход. Это сделала реакция цивилизации на технологию — и исход по умолчанию, при котором не существовало архитектуры развития, оказался катастрофическим. Ожирение, диабет, сердечно-сосудистый коллапс, хроническая усталость, широко распространенная патология опорно-двигательного аппарата. Диван победил, потому что не было построено ни одного спортзала.

ИИ создает ту же самую развилку для ума, и первые данные указывают на то, что диван уже побеждает. Современная культура имеет название для того, что сейчас наблюдается в масштабах цивилизации: *гниение мозга*. Пассивный коллапс когнитивных способностей из-за перевозбуждения и неиспользования. Разум, утратив свою продуктивную функцию, не имеет чем ее заменить и поэтому растворяется в бесконечном прокручивании, алгоритмических развлечениях, дофаминергических циклах, парасоциальном потреблении и опосредованном ИИ успокоении всех оставшихся когнитивных потребностей. Не освобождение разума, а его опиоидное состояние — успокоенное, стимулированное и опустошенное.

Разница между этими двумя путями заключается не в силе воли или индивидуальных добродетелях. Это архитектура цивилизации. Общество, не имеющее концепции того, для чего нужен ум *помимо* производства, будет порождать гниение мозга так же надежно, как общество, не имеющее концепции тела помимо труда, порождает метаболические заболевания. Диван — это стандарт, когда нет спортзала. Энтропия — это стандарт, когда не существует архитектуры развития. Старое порабощение — монокультура аналитического производства — заменяется новым порабощением: алгоритмическим управлением вниманием системами, оптимизированными против когнитивной суверенности пользователя. Ум, который никогда не учили отдыхать в тишине, искать глубину, удерживать внимание на чем-либо, что не вознаграждает его дофамином, не имеет защиты от искусственно созданной среды, предназначенной для эксплуатации именно этой уязвимости.

Это не риск будущего. Это нынешняя траектория. Измеримое снижение уровня понимания прочитанного, устойчивого внимания и базовой когнитивной выносливости уже наблюда-

ется среди групп населения, подверженных интенсивному воздействию алгоритмических лент. Чем моложе когорты, тем резче снижение. Порабощение меняет свою форму: от дисциплинированной клеркальной монокультуры к недисциплинированному алгоритмическому усыплению. Но это по-прежнему порабощение — высшие когнитивные способности человека не используются и не развиваются, ум используется как поверхность для извлечения информации, а не культивируется как орган сознания.

V. Цивилизационный вопрос, на который нет ответа

Когда критики беспокоятся, что ИИ подрвет «критическое мышление» и «когнитивную автономию», остается незадаанным вопрос: *автономия для чего?*

Это вопрос, на который цивилизация не может ответить изнутри своей собственной метафизики. Она знает, для чего *используется* ум — для экономического производства, обработки информации, аргументативного убеждения, подтверждения квалификации, социальной сигнализации. Она не знает, для чего *предназначен* ум. У нее нет общего представления о том, как выглядит когнитивное процветание за пределами производственной рамки. Она не может сказать, не прибегая к унаследованной религиозной лексике, от которой отказались большинство ее институтов, почему человек должен вообще развивать свой ум, если машина может справиться с канцелярской нагрузкой.

Это самое глубокое порабощение, более фундаментальное, чем первые два. Не неправильная модель, не отсутствующий регистр, а цивилизационная неспособность сформулировать цель для разума, которая не была бы инструментальной. Общество, которое не может сказать, для чего нужен разум, будет, структурно, относиться к разуму как к тому, что требует экономика в данный момент — а когда экономика больше не будет этого требовать, будет относиться к нему как к одноразовому. «Защита критического мышления», которую порождает современный дискурс, — это защита функции без понимания органа. Она защищает результат, забывая, чему этот результат должен был служить. Она утверждает, что люди все равно должны учиться писать эссе, не умея объяснить, почему ум, который никогда не писал эссе, хуже ума, который писал.

Цивилизация построила свой престиж на аналитическом регистре. Когда аналитический регистр механизмуется, престиж рушится, и цивилизация обнаруживает, что у нее нет другой рамки, на которую можно было бы опереться. Нет архитектуры культивирования. Нет описания того, как выглядит процветание человека с когнитивной точки зрения. Нет институциональной памяти о том, каким был ум, прежде чем он был поработан вычислениями. Вопрос «автономия для чего?» вызывает лишь долгое молчание или защитное повторение тех самых функций, которые только что были разоблачены как поддающиеся механизации.

VI. Что обозначает диагноз

Порабощение разума — это не единичное событие. Это цивилизационное состояние, состоящее из трех уровней редукции.

Первый — **метафизический**: разум был объявлен процессором. Это никогда не было правдой — ни в отношении одного разума, который когда-либо существовал, — но цивилизация организовалась вокруг этого утверждения, и эта организация произвела людей, сформированных в соответствии с этим утверждением. Эта метафизическая ошибка не была промахом в курсовой работе; она стала операционной системой современной жизни.

Второй уровень — **функциональный**: один регистр способностей разума был гипертрофирован, в то время как остальные систематически лишались питания. Аналитическое мышление вознаграждалось; созерцательная глубина, творческое видение, спокойствие и этическое различие, укорененные в присутствии, — нет. Результатом стала монокультура познания — мощная в пределах своего узкого регистра, опустошенная за его пределами. Население, выходящее из такой монокультуры, познавательно богато именно в тех аспектах, которые машины теперь могут воспроизводить, и познавательно обеднено именно в тех аспектах, которые машины не могут.

Третье — **телеологическое**: цивилизация утратила представление о том, для чего нужен ум *помимо* производства. Она может аргументировать пользу когнитивных навыков с инструментальной точки зрения — они обеспечивают зарплату, гарантируют квалификацию, сохраняют профессиональный класс — но не может объяснить, почему человек должен развивать свой ум, если на карту не поставлена ни зарплата, ни квалификация. Телеос испарился, когда на виду осталось только инструментальное использование.

ИИ не создал ничего из этого. ИИ вынудил раскрыть каждую из этих трех редукций, показав, что становится с разумом, который всегда был лишь суммой своих производственных функций. Нарратив о вытеснении — «машина придет за твоей работой» — это поверхностное прочтение. Более глубокое прочтение таково: работа была единственной связью, которая осталась у цивилизации с разумом. Уберите работу, и не останется ничего, что цивилизация в своей нынешней форме умеет ценить. Таково положение дел. Назвать его — это первая задача.

Тогда возникает вопрос: чем можно заменить порабощение — что будет означать для разума суверенитет, какая архитектура будет культивировать когнитивное процветание, а не просто извлекать когнитивную продукцию, чем является человек, освободившись от монокультуры производства. Именно эти вопросы поднимает книга [«Суверенитет разума»](#). Диагностика здесь заканчивается там, где начинается позитивный путь: с признания того, что порабощение реально, старо, многослойно и цивилизационно — и что машина, которая его обнажила, также, невольно, впервые за столетия сделала возможность освобождения мыслимой.

Перейдите на [Суверенитет разума](#), чтобы узнать о позитивном пути — о том, что такое разум, когда он не поработен, и об архитектуре, которая будет его развивать.

См. также: [Прикладной гармонизм](#), [Духовный кризис](#), [Эпистемологический кризис](#), [Новое определение человеческой личности](#), [Опустошение Запада](#), [Онтология искусственно-го интеллекта](#), [Смысл технологий](#).

ADHD and the Attention Catastrophe

The Explosion

THE DIAGNOSTIC CATEGORY OF ATTENTION DEFICIT HYPERACTIVITY DISORDER HAS EXPANDED ACROSS thirty years at a rate that exceeds any plausible epidemiological mechanism for actual disease prevalence. The diagnostic rate in American children rose from roughly 3% in 1990 to roughly 11% by 2016 and has continued rising. Adult diagnoses have expanded along the same curve. Stimulant prescription rates have followed. By 2020, several million American children and millions more adults were receiving daily amphetamines or methylphenidate as the operative substrate of their cognition.

This is not the recognition of a previously-missed disease. Allen Frances — chair of the DSM-IV task force, writing later from inside the institution that produced the category — has documented the mechanism: the diagnostic thresholds were lowered across successive DSM revisions; the criteria were broadened; the boundary between developmental variation and disorder was blurred; pharmaceutical marketing aimed at parents, teachers, and primary-care prescribers expanded the diagnosis into populations who would not previously have qualified. The category grew. The prescribing grew. The substrate disorder driving the symptom-pattern remained unaddressed.

The Harmonist diagnosis: ADHD as currently constructed is the medicalization of the mismatch between attention as faculty (cultivable, embodied, oriented to meaningful objects) and the post-industrial attention-environment (screens optimized for distraction, schools optimized for compliance with broken pedagogy, food optimized for blood-sugar instability, sleep optimized for nothing). The stimulant medication functions as a chemical bridge across the mismatch that leaves every causal substrate intact and creates a population whose baseline cognition is amphetamine-dependent.

This does not mean ADHD-symptom presentations are not real. The presentations are real. Many children and adults genuinely struggle with attention, impulse, and executive function. What is false is the brain-disease framing of the symptoms and the stimulant-medication framing of the response. The presentations have substrate causes the diagnostic framework does not investigate, and the substrate-addressing protocols produce different outcomes than the medication-management trajectory the framework defaults to.

The Four-Fold Mismatch

The attention-environment mismatch is structural and operates across four registers that compound in the contemporary developmental and adult environment.

Food. The substrate that the developing brain requires for attention regulation is precisely the substrate the industrial food system fails to provide. Blood-sugar instability produces the cortisol-and-adrenaline surge that disables sustained attention and produces the impulsive responding the ADHD diagnosis often captures. The fructose-and-seed-oil substrate destroys mitochondrial function at the cellular level. Omega-3 deficiency (low EPA and DHA in red-cell membrane testing) is widespread in industrial-food-fed children and adults and is associated with attention dysregulation in dose-dependent fashion. Iron deficiency (particularly in adolescent girls) produces measurable attention dysfunction that resolves with iron repletion. Food sensitivities (gluten and dairy especially, also the food-additive sensitivities that have multiplied across industrial food) produce neuroinflammation that manifests as attention dysregulation. The food substrate alone produces a meaningful fraction of what the apparatus diagnoses as ADHD.

Sleep. The sleep-architecture collapse driven by screens (the blue-light suppression of melatonin in the hours before sleep), by school schedules that begin earlier than adolescent circadian rhythm permits, and by the broader stimulation architecture of contemporary life produces a generation chronically under-rested. The sleep-deprived brain shows exactly the executive-function and attention-regulation deficits the ADHD diagnosis captures. The sleep restoration alone produces measurable improvement in many ADHD-symptom presentations.

Screens. The smartphone-and-feed architecture that has saturated children's developmental window since approximately 2012 is structurally designed to fragment attention. The algorithmic optimization for engagement that the social-media platforms perform is optimization for the dopamine-response patterns that make attention regulation harder. The continuous-novelty environment trains the developing brain into a baseline-distractibility that the broader developmental window did not previously face. The screen environment alone produces a large fraction of the symptom pattern.

School. The institutional school architecture asks young children to sit still for hours, attend to abstract material, suppress physical activity, suppress curiosity-driven exploration, and conform to a regimentation designed for industrial-era worker preparation. The architecture itself is incompatible with the developmental nature of the human child — particularly the boy child, particularly the *vāta*-constitution child, particularly the energetic-temperament child the institutional architecture cannot accommodate. The ADHD diagnosis largely captures the children whose nature the school architecture cannot accommodate, and the medication essentially functions as the chemical compliance the architecture requires.

Each of these four registers, individually, produces a portion of the ADHD-symptom presentation. Compounded, they produce the diagnostic-explosion-scale presentation the contemporary epidemiological data captures. The medication addresses none of them. The medication produces compliance with the existing environment by chemically overriding the body's signal that the environment is not working.

The Constitutional Dimension

The four-fold mismatch is the environmental substrate. Beneath it operates the constitutional substrate the integrative-medical traditions have always recognized.

The Ayurvedic constitutional typology identifies *vāta*-predominant constitutions as the natural inhabitants of high-air-and-ether substrate — quick-moving, creative, sensitive to overstimulation, easily depleted, structurally less suited to the prolonged sedentary-abstract-attention work the school architecture demands. The Traditional Chinese Medicine typology identifies the Wood-and-Fire constitutional patterns with the parallel temperamental profile. The Greek-Galenic tradition identifies the sanguine and choleric temperaments along similar lines. The constitutional reading is not deterministic; it is an accurate description of how the substrate varies across the population.

The contemporary diagnostic framework collapses constitutional variation into pathology. The *vāta*-predominant child who would, in a substrate-appropriate environment with the constitutional accommodations the integrative-medical traditions specify, develop into a creative, mobile, sensitive adult finds themselves in an environment that demands the opposite of what their constitution can sustain. The mismatch becomes pathology. The pathology becomes a diagnosis. The diagnosis becomes a prescription. The constitutional substrate is never addressed.

The Harmonist position holds the constitutional dimension with full empirical seriousness: the constitution is real, the substrate variation is real, the environmental matching of substrate to environment is the framework the integrative-medical traditions developed because the framework is correct. The *vāta*-constitution child raised with warming, grounding food; routine and rhythm; embodied movement (rather than sedentary classroom containment); permission for the natural mobility and sensitivity their substrate carries; and adults trained in the constitutional reading who can see and accommodate the substrate — that child develops without the ADHD diagnosis being the operative category. The same constitutional substrate placed in the contemporary industrial-developmental environment produces the pathology the diagnosis captures.

This is not the claim that ADHD doesn't exist. Some presentations carry a genuinely organic substrate independent of the environmental mismatch — heavy-metal toxicity (lead specifically has been correlated with attention dysregulation in dose-dependent fashion), pyrroluria and methylation subtypes per Walsh's framework, certain genetic dispositions that affect dopamine signaling. The integrative-functional reading addresses these substrate causes specifically rather than masking them with stimulants. The constitutional dimension overlays both the environmental-substrate and the organic-substrate registers, providing the precision that universal-stimulant-protocol cannot match.

The Stimulant Trajectory

The standard response to ADHD diagnosis is amphetamine-class stimulant (Adderall and its generics) or methylphenidate (Ritalin and Concerta). The acute effect on the symptom is real —

the medication produces measurable improvement in attention, focus, and impulse control in the responsive subgroup. The institutional architecture treats the acute effect as the demonstration of the medication's success.

The longer-arc trajectory tells a different story. The MTA Study — the largest and longest randomized controlled trial of ADHD treatment — found that the medication advantage over behavioral intervention at fourteen months had disappeared by the three-year follow-up; by the eight-year follow-up, the medicated group showed no significant advantage and showed measurable height-and-weight suppression. The cardiovascular consequences of chronic stimulant use (sudden cardiac death rates measurably elevated in the medicated population, the cardiovascular-strain markers visible across the use window) are documented but rarely surfaced to families. The growth suppression in pediatric stimulant use is measurable; height-and-weight delays in the medicated cohort across the treatment window are well documented. The dependency risk — the rebound depression and cognitive collapse when the medication is missed, the difficulty discontinuing after years of use, the genuine substance-abuse risk the long-term medicated population carries — is empirically real.

What the medication does is shift the practitioner's baseline cognition to amphetamine-dependent. The patient who has been on stimulants for years cannot easily function without them not because their ADHD has worsened but because their substrate has been chemically conditioned to require the medication to produce ordinary cognition. The off-medication state feels like collapse because the on-medication state has become the floor.

The medication shifts the natural course of the symptom from environmentally-driven and addressable into chronic-medication-dependent and unaddressable. The market expands. The patient becomes dependent. The substrate remains unaddressed. The architecture continues regardless of outcomes because the architecture is not optimizing for outcomes.

The Way of Health Applied to Attention

The protocol architecture for ADHD-symptom presentations follows the [Way of Health](#) spiral with attention-specific detail.

Monitor: the diagnostic battery — comprehensive blood panels with iron status and ferritin (iron deficiency below ferritin 30 produces measurable attention dysfunction; supplementation alone resolves the presentation in many cases), omega-3 fatty acid profiling, heavy-metal testing especially for lead and mercury, gut function assessment, food sensitivity testing where indicated, the methylation panel and pyrroluria testing per Walsh's framework, thyroid full panel, the constitutional reading.

Purification: clearing the substrate disturbances — heavy-metal protocols under qualified supervision where indicated; gut repair through the four-R protocol; elimination of refined sugar, seed oils, food additives, food sensitivities the testing reveals; the screens displaced from the developmental or work environment to a fraction of the current default. The screen elimination is

not optional in pediatric presentations specifically; the algorithmic-feed substrate is operating as substrate disturbance and removing it produces measurable change.

Hydration: adequate, mineral-replete.

Nutrition: protein-anchored meals for blood-sugar stability; quality fat with therapeutic omega-3; the elimination of refined carbohydrate; constitutional matching of the dietary architecture (the *vāta*-grounding protocol for the *vāta*-predominant; the appropriate matching for other constitutions); whole food density.

Supplementation: omega-3 EPA/DHA at therapeutic dose; iron repletion where indicated (with appropriate cofactors); zinc; magnesium; the methylated B-vitamins per methylation status; the orthomolecular interventions per Walsh's framework for the responsive subtypes; the tonic-herbal traditions for the constitutional substrate.

Movement: sustained physical activity, daily, particularly aerobic exercise that drives the BDNF and dopamine response that the body's natural attention-regulation depends on. The pediatric ADHD presentation responds to physical activity in dose-dependent fashion; children allowed generous daily movement show measurable improvement compared to children confined to sedentary classroom environments.

Recovery: parasympathetic restoration — nature immersion specifically (the attention-restoration research validates the effect across decades), breath work for autonomic regulation, the broader recovery substrate.

Sleep: the sleep architecture protocols, particularly critical here — sleep restriction reliably reproduces ADHD symptom patterns in non-ADHD individuals, and chronic sleep restriction is endemic in the contemporary developmental and work environment.

The full Wheel: *Presence* for the contemplative attention work — meditation specifically (mindfulness training produces measurable attention-regulation improvement, and the deeper contemplative work develops the faculty of attention as faculty); the [Way of Presence](#) spiral applied. *Matter* for life-stewardship that supports rather than depletes. *Service* for meaningful work the attention can engage with — the boredom-and-distraction substrate of much ADHD presentation lifts when the practitioner finds work that actually engages them. *Relationships* for the secure-attachment substrate. *Learning* for the cultivation of attention as faculty (and for the educational restructuring [Harmonic Pedagogy](#) articulates). *Nature. Recreation.*

The Path of Return

The ADHD symptom pattern in the integrated reading is intelligible as substrate-and-environment mismatch with constitutional substrate underneath. The recovery is the substrate work plus the environmental restructuring plus the cultivation of attention as faculty. The medication may have a place in some presentations during acute crisis or in adult presentations where the patient has built a life that the medication enables — and the responsible practitioner does not categorically refuse the option. But the medication is not the treatment of the underlying

condition; it is the chemical bridge across the unaddressed substrate, and the longer-arc work is what the substrate addressing requires.

The captured framework cannot address what it does not see. The architecture sees the substrate, the environment, the constitution, and the faculty. The recovery walks all four — not the chemical override of the existing dysregulation, but the cultivation of attention as faculty, the work the contemplative traditions developed across millennia for precisely this.

The Adolescent Collapse

The Data

SOMETHING SPECIFIC HAPPENED TO THE ADOLESCENT POPULATION OF THE INDUSTRIAL WORLD beginning around 2012. The rates of depression, anxiety, self-harm, suicidal ideation, identity disorder, and eating disorder among adolescents — particularly adolescent girls — began rising at a pace and along a curve that has no precedent in the available data. Jonathan Haidt’s *The Anxious Generation* (2024) assembles the empirical record at length. Jean Twenge’s longitudinal work has documented the inflection point across multiple data series. The pattern is robust across countries, replicates across measurement instruments, and shows the inflection point around 2012 with consistency that rules out coincidence.

The conventional explanations are partial. The opioid crisis is part of the picture but does not explain the adolescent rise specifically. Economic precarity is a factor but predates the inflection point. The pandemic compounded the crisis after 2020 but the curve was already steep by then. Each partial explanation captures something. None captures the whole.

The Harmonist diagnosis is structural and integrative. The post-2012 adolescent collapse is intelligible only as the convergence of four civilizational severances — from embodiment, from cosmos, from initiation, from biological coherence — each of which has been deepening across decades but which compounded into critical mass at the moment when the smartphone-and-social-media architecture saturated the adolescent population. The psychiatric response, by medicating the symptom while leaving every causal substrate intact, is the response of a civilization that cannot name what it has done to its own children. The reconstruction requires addressing the substrate, not just the symptom — and the substrate is the four-fold severance examined below.

Severance from Embodiment

The first severance is from the body itself. The adolescent who came of age after 2012 grew up in an environment in which embodied experience was structurally displaced by screen-mediated experience as the default mode of being.

The empirical record is specific. Physical play — the unsupervised, embodied, risk-permitting play that all previous generations engaged in as the default — has collapsed across the same window. Children spend hours daily on screens that were previously spent moving, climbing, building, fighting, falling, learning the body’s actual capacities through direct encounter with the physical world. Embodied risk — the kind of risk that the developing nervous system requires for the development of agency, courage, embodied confidence — has been systematically eliminated by

the combination of helicopter parenting, screen displacement, and the legal-and-social architecture that punishes parents for permitting it. Embodied eros — the actual contact with bodies, the touch, the sensory immediacy of the physical world — has been displaced by the algorithmic representation of bodies, the pornographic substitute for sexual development that has saturated adolescent boys' formation and the social-media body-image regime that has saturated adolescent girls' self-perception.

The consequence at the level of the developing nervous system is structural. The nervous system that does not develop through embodied experience does not develop the parasympathetic flexibility, the embodied integration, the somatic self-knowledge that healthy adult function requires. The result is a generation whose autonomic baseline is sympathetic-dominant, whose embodied competence is impaired, whose felt relationship to the physical world is mediated rather than direct. The anxiety, the depression, the dissociation that the psychiatric framework reads as disorders are partially the predictable consequence of a developing nervous system that has been deprived of the substrate it requires to develop.

The reconstruction at this register requires the restoration of embodied life: physical play in actual nature; embodied risk permitted at age-appropriate levels; bodywork and movement disciplines that develop the somatic integration the developmental window requires; the screens displaced from the developmental period or restricted to a fraction of what the current default permits; the body taught as the substrate of being rather than as the image to be optimized.

Severance from Cosmos

The second severance is from any orienting cosmology. The adolescent of the post-2012 generation came of age in an environment in which no coherent answer to the basic questions — what is this, what am I, what is my life for, what happens when I die — was available from the institutional architecture surrounding them.

The previous generations had partial answers. The religious traditions that organized cultural life provided meaning architecture, even when the individual practitioner held the answers loosely or critically. The civilizational consensus of the mid-twentieth century provided an answer in the language of progress and prosperity, however inadequate that answer ultimately proved. The post-2012 generation has been raised in the institutional aftermath of both — the religious frameworks collapsed in cultural authority for the median family, the progress narrative discredited by the visible failures of the institutional architecture it justified.

The vacuum is not abstract. The adolescent who cannot answer the question *what is my life for* because no answer is available from the surrounding culture is the adolescent whose nervous system carries that absence as continuous background distress. The meaning-loss that Viktor Frankl identified as the central source of suffering in the human condition is the meaning-loss that operates now at the developmental scale for an entire generation. [*The Spiritual Crisis*](#) names this severance at civilizational altitude. *The Adolescent Collapse* names what the same severance produces in children whose developmental window opened into the vacuum.

The replacements have been inadequate. Consumer-individualism cannot answer the question of life's purpose. The identity frameworks (the proliferating gender, ethnic, and political-tribal identities) provide partial belonging but cannot answer the cosmological question. The activist orientations (climate, social justice, the various crusades) provide meaning at the political register but cannot answer the deeper question. The replacements are operating because the underlying need is real and constant. The replacements are inadequate because they substitute political or consumer or identity content for what is actually required: an orienting cosmology that can sustain the practitioner across the life cycle.

The reconstruction at this register requires the restoration of cosmological orientation. [*Harmonism*](#) is one available articulation; the surviving wisdom traditions (in their integrative-mystical rather than literalist-fundamentalist forms) are others; what is required is that the adolescent encounter an actually coherent answer to the cosmological questions rather than a vacuum decorated with the political and consumer substitutes that cannot do the work.

Severance from Initiation

The third severance is from initiation — the developmental rituals, the threshold transitions, the formal recognitions that all premodern cultures (and many of the surviving traditional cultures) provide for the adolescent passage from childhood into adulthood.

Initiation in the traditional sense involves specific elements: a recognition by the community that the child has reached the threshold of adult capacity; a ritual passage that marks the threshold (often demanding, often involving controlled hardship, often involving direct encounter with the limits of the body and the self); a teaching component in which the adult knowledge that the new adult requires is transmitted (knowledge about sexuality, vocation, ethics, the cosmological framework, the practices the culture requires its adults to hold); a holding by elders across the transition; and a re-entry into the community at the new status with new responsibilities and new permissions.

The post-2012 adolescent has no initiation. The cultural architecture provides graduations and the eighteenth and twenty-first birthdays as procedural markers but offers nothing of the content traditional initiation provides. The adolescent is not recognized by the community as crossing into adulthood; the recognition either does not happen or happens incoherently. The threshold is not marked by a ritual passage; the threshold is blurred across a decade in which the adolescent is simultaneously treated as child (still in school, still under parental authority, still legally restricted across many domains) and as adult (legally responsible for actions, expected to make irreversible decisions about education and career, expected to navigate sexual and relational life without the framework's support). The teaching is absent; the adult knowledge that traditional cultures transmit at initiation is no longer transmitted at all in most families and is transmitted incompletely in most institutional contexts. The elder holding is absent; the figures who would traditionally hold the adolescent through the passage are themselves in many cases adrift, lacking the elder formation that would qualify them to hold others.

The consequence is the developmental incoherence the data captures. The adolescent without initiation does not know when they are an adult, what an adult does, what the adult knowledge is, what the adult responsibilities are, what passage they have crossed and what passage remains. The developmental confusion is not the adolescent's failure. It is the failure of a culture that has eliminated the initiatory architecture and provided nothing in its place.

The reconstruction at this register requires the rebuilding of initiation. The forms can be adapted from the surviving traditional cultures (the *vision quest* of certain Native American traditions, the wilderness rites of passage that several contemporary programs have rebuilt from these sources, the contemplative initiations the surviving spiritual lineages still hold for those who seek them); the forms can be developed anew within communities willing to do the work; the structural elements (community recognition, ritual marking, teaching, elder holding, re-entry at new status) can be assembled even where the traditional forms are not directly accessible. What is essential is that the adolescent encounter an actual passage with actual content, held by adults who themselves have crossed the passage and can transmit what crossing it requires.

Severance from Biological Coherence

The fourth severance is from biological coherence — the specific substrate disturbance the industrial food, medical, and environmental architecture has produced in the bodies of children born and raised since the late 1990s.

The mechanisms are well-mapped. *Industrial seed-oil-and-refined-carbohydrate food architecture* has saturated the developmental food supply with the substrate disturbances that drive the mitochondrial dysfunction and the inflammation downstream of mental disturbance. *Microbiome destruction* through the routine antibiotic exposure most contemporary children receive across their developmental window, often in the first year of life when the microbiome is forming, has produced the dysbiotic substrate that disrupts serotonin and GABA production and produces the neuroinflammatory signaling that drives anxiety and depression. *Sleep-architecture collapse* driven by screen exposure (particularly the blue-light exposure in the hours before sleep that suppresses melatonin), by the school schedules that begin earlier than adolescent circadian rhythm permits, and by the broader stimulation architecture of contemporary life has produced a generation chronically under-rested with all of the downstream consequences chronic sleep restriction produces. *Sedentary metabolism* downstream of the physical-play collapse has produced the metabolic dysfunction that compounds with the dietary substrate. *Endocrine disruption* from plastics, synthetic estrogens, BPA, phthalates, the food packaging, the personal care products, the water supply has produced the hormonal disturbances that compound with the dietary and microbial substrate. *Heavy-metal body burden* has accumulated across pregnancies in the contemporary maternal population (mercury from amalgam fillings, fish contamination, vaccinations; lead from urban substrates; aluminum from medical and environmental exposures) and is transmitted to fetuses in utero. *Pharmaceutical exposure* across medicated childhoods — stimulants for ADHD, antidepressants for anxiety, the broad polypharmacy contemporary pediatric psychiatry has normalized — adds iatrogenic substrate disturbance to the developmental load.

This is not the soft-and-vague claim that contemporary children are “less healthy” than previous generations. It is the specific claim that the substrate disturbances driving the contemporary mental-health collapse are testable, measurable, and addressable — and that the diagnostic apparatus that would test for them is not being deployed by the clinical framework that holds the territory of adolescent mental health.

The reconstruction at this register requires the substrate work the [Mental Suffering and the Way of Health](#) article articulates, applied at the developmental scale. *Monitor* for the family: comprehensive testing of the children showing symptoms; assessment of the maternal substrate during pregnancy; the diagnostic battery the integrative-functional tradition runs as standard practice. *Purification*: clearing the substrate burden the testing identifies. *Hydration* and *Nutrition*: rebuilding the food and water substrate from industrial-default to traditional-whole-food. *Supplementation*: targeted correction of the deficiencies the testing reveals. *Movement* and *Recovery*: restoring the physical and parasympathetic substrate. *Sleep*: rebuilding the architecture that screen and schedule disrupt. The work is not exotic. The work is what the integrative-functional pediatric and family-medicine tradition does as standard practice when the family seeks it out.

The Psychiatric Response and Its Failure

The architecture currently in place to address the adolescent collapse is the biopsychiatric framework [Psychiatry and the Soul](#) diagnoses at civilizational scale. The framework responds to the rising rates by expanding its categories, expanding its prescribing, and expanding its institutional reach into adolescent and pediatric populations. The result is the medicalization of distress that has structural causes the medicalization cannot address.

The data on outcomes is consistent with the structural critique. The expanding prescribing of antidepressants in adolescents has not arrested the rise in adolescent depression and suicide. The expanding prescribing of stimulants in pediatric ADHD has not produced the academic and functional gains the framework promised. The expanding diagnostic categories have produced more children diagnosed and more children medicated, but the substrate the children inhabit remains undisturbed and the symptoms persist or recur as the medications wear off.

The framework’s response to the failure is to expand further. New diagnostic categories. Earlier prescribing. Combination protocols. The structural critique has been available in the literature for decades; the structural critique cannot be heard inside the framework because the framework’s institutional viability depends on it not being heard. The cost continues to be borne by the adolescents whose substrate-driven suffering is being treated as biological-brain-disorder while the substrate remains unaddressed.

The territory of adolescent suffering has been captured by an institutional architecture that cannot see what is producing the suffering. The reconstruction requires displacing the captured framework from its monopoly position in the adolescent care architecture, restoring the integrative-medical and contemplative-developmental traditions to their proper roles, and rebuilding the substrate the adolescent generation needs to develop without breaking.

The Four-Fold Reconstruction

The architecture for reconstruction maps directly onto the diagnosis. The four severances require four restorations, addressed simultaneously at the developmental scale because the severances compound and the reconstructions compound.

Embodiment restored: physical play in nature as default; embodied risk permitted at developmental levels; bodywork, movement, the somatic disciplines as the substrate of adolescent formation; screens displaced from the developmental window or restricted to a fraction of the current default; the body taught as the substrate of being rather than as the image-to-be-optimized.

Cosmos restored: an actually coherent orienting cosmology offered to the adolescent. [Harmonism](#) is one such cosmology; the surviving wisdom traditions in their integrative-mystical forms are others; the philosophical-contemplative tradition (Stoic, Platonic, the broader Western contemplative line) is another available substrate. What is essential is that the adolescent encounter an answer to the cosmological questions rather than the vacuum that the current default presents.

Initiation restored: the rebuilding of developmental rituals at the family, community, and culture levels. The wilderness-rite-of-passage programs that have emerged from the indigenous-and-contemplative traditions are one current form; the contemplative initiations the surviving spiritual lineages hold are another; the family-and-community work to develop new forms where the traditional ones are not directly accessible is a third. The elements (community recognition, ritual marking, teaching, elder holding, re-entry at new status) must be present; the specific form is adaptable.

Biological coherence restored: the substrate work at the family-and-developmental scale. The integrative-functional pediatric protocols. The maternal-health work during pregnancy and lactation. The developmental nutrition that traditional cultures held and that contemporary integrative practice can rebuild. The screen restriction, the sleep architecture, the movement substrate. The diagnostic battery deployed when symptoms emerge before the symptoms are medicated. The substrate work the [Way of Health](#) article specifies, applied to the family and the child.

The four restorations are not optional. The data shows that addressing one or two without the others produces partial results that the substrate disturbance the unaddressed others maintains will undo. The reconstruction requires the architecture; the architecture is what the [Wheel of Harmony](#) specifies at the individual scale and what the [Architecture of Harmony](#) specifies at the civilizational scale. The family that rebuilds at all four registers simultaneously is rebuilding the developmental substrate the child requires. The culture that rebuilds at all four registers simultaneously is rebuilding the conditions adolescent formation requires.

The post-2012 adolescent collapse is not destiny. It is the predictable consequence of a specific civilizational substrate, and changing the substrate changes the outcomes. The recovery at the developmental scale is the four-fold reconstruction — the embodied, the cosmological, the

initiatary, and the biological coherence the adolescent's formation requires — rebuilt simultaneously, because the severances compound and the reconstructions compound.

What the children need has not changed. What the civilization gives them has. The rebuilding is what holds them through until the architecture catches up.

ЧАСТЬ V

Психологический коллапс

*What modernity does to the soul — read against
the contemporary clinical register.*

Cluster B Personality Disorders and Civilizational Symptom

The Diagnosis at Civilizational Scale

THE CLUSTER B PERSONALITY DISORDERS — NARCISSISTIC, BORDERLINE, HISTRIONIC, ANTISOCIAL — name a constellation of personality formations characterized by unstable self-structure, dysregulated emotion, impaired empathy, and the broader interpersonal-relational dysfunction the diagnostic categories capture. The clinical-prevalence rates for the diagnosed presentations have risen across recent decades; the broader cultural-personality-style versions (the ones that fall short of diagnostic threshold but shape the social fabric) have proliferated at the same time. Christopher Lasch's *The Culture of Narcissism* (1979) identified the pattern at altitude four decades ago and named the civilizational substrate producing it; the substrate has only deepened since.

The Harmonist diagnosis is structural and developmental. Cluster B presentations are the developmental product of a civilization that has dismantled every condition the formation of stable, generous, sovereign personhood requires — secure attachment, embodied family transmission, meaningful initiation, philosophical formation, religious-moral architecture, intergenerational eldership. The resulting personality formations are not bad-character moral failures, and they are not brain diseases. They are specific structural outcomes of a specific civilizational substrate, and the recovery architecture is equally specific: the four-fold reconstruction [The Adolescent Collapse](#) articulates at the developmental scale, plus targeted somatic-relational depth work for adult crystallized presentations.

Severe presentations cause severe harm to those proximate — the children of the borderline mother, the partners of the narcissistic spouse, the employees of the antisocial executive, the broader social fields the histrionic presentation disrupts. The architectural reading does not dismiss the harm. It locates the source: what produced these personality formations at population scale, what would produce different ones, what the recovery architecture is for the practitioner who recognizes themselves in the diagnostic profile and wants to do the work.

The Dismantled Conditions

The conditions that produce stable, generous, sovereign personhood are documented across human cultural history. Where they are present, the developmental outcomes are recognizable; where they are absent, the developmental outcomes diverge predictably toward the Cluster B patterns.

Secure attachment. The infant and young child requires reliable, responsive, embodied contact with adult caregivers across the developmental window. The attachment substrate this builds — the felt sense that one is held, that the world is reliable, that one’s emotional life can be borne — is the substrate of stable self-formation. The contemporary developmental architecture has eroded this substrate across multiple dimensions: parental work patterns that remove primary caregivers from the home; institutional childcare that cannot replicate the embodied responsiveness one-to-few caregiving provides; the broader cultural framing that treats early-childhood emotional reliability as optional. The borderline personality formation specifically traces to severe attachment disruption in early childhood; the narcissistic formation traces to a different attachment pattern (the child held as performance-object rather than as subject); the antisocial formation traces to severe attachment failure compounded with other substrate disturbances. The attachment substrate is causally upstream of all the formations.

Embodied family transmission. The traditional family was the primary container for the developmental work — the multigenerational substrate where children grew up surrounded by adults of varied ages, learned the work of adult life through embodied participation, encountered the family’s accumulated wisdom through the daily life that carried it. The contemporary family exists in fragmented form — the nuclear unit detached from extended kinship, the parents alone with the demands of childrearing, the children growing up without the multigenerational substrate. The transmission that the traditional architecture carried (the moral teaching, the practical wisdom, the embodied modeling of how an adult life is conducted) largely does not happen.

Meaningful initiation. [The Adolescent Collapse](#) articulates this at length. The adolescent passage from childhood to adulthood, in traditional cultures, was held by specific ritual passage and elder transmission. The contemporary architecture provides no equivalent. The adolescent crossing the threshold without initiation does not consolidate the adult self-structure the initiation work facilitates; the personality formation that emerges is structurally less integrated than the formations that initiated cultures produce.

Philosophical formation. The premodern educational architecture, even in its imperfect forms, transmitted some philosophical content — the meaning architecture, the orientation to the cosmos, the practical wisdom about how a life should be conducted. The contemporary educational architecture has largely abandoned this work. The adolescent and young adult emerges with technical skills and no orientation. The personality formation that emerges is structurally less philosophically grounded than the formations the premodern educational substrate produced.

Religious-moral architecture. The premodern cultural architecture carried religious-moral substrate that shaped personality formation across the developmental window — the daily and weekly practices, the moral teaching, the shared cultural narrative about what life is for. The contemporary cultural architecture has largely abandoned this substrate in the median family; the adolescent grows up without it. The personality formation that emerges has not been shaped by the religious-moral substrate that produced the stable, generous, sovereign personhood the traditional cultures distinctively cultivated.

Intergenerational eldership. The traditional architecture distributed authority and wisdom across the age cohorts — elders held the wisdom-and-judgment role, young adults held the productive-strength role, children apprenticed to both. The contemporary architecture has largely eliminated eldership as functional role; old age has become primarily a medical-and-economic category rather than a wisdom-and-judgment role; the young adult emerges without contact with adults who have crossed the developmental passage they are themselves crossing. The personality formation that emerges has not been held by elder transmission.

Each of these conditions has eroded across the contemporary developmental window. The compounded effect is what the rising rates of Cluster B presentations capture — the personality formation that emerges from the dismantled developmental architecture is structurally less integrated, less stable, less generously oriented, less sovereignly held than the formation the intact architecture produced. This is not the children's fault. This is what the substrate produces.

The Cluster B Presentations Read Structurally

Each Cluster B presentation captures a specific developmental-substrate failure pattern.

Narcissistic personality formation traces to early childhood treatment of the child as performance-object rather than as subject — the child whose worth was conditional on producing the achievements or appearance the parental psyche required. The child internalizes the conditional worth as core architecture; the adult cannot tolerate the absence of external validation because the conditional substrate cannot sustain itself; the grandiose presentation defends against the vulnerability the conditional substrate constantly produces. The contemporary substrate (the achievement-culture, the social-media validation-architecture, the parental psyche that has itself been formed by the same substrate) produces this pattern at scale. The cultural-personality-style version of this (where the diagnostic threshold is not met but the pattern is operative) is now the modal personality formation of fractions of professional-class adult populations in the industrial world.

Borderline personality formation traces to severe attachment disruption compounded with trauma in early childhood. The formation produces the unstable self-structure (the practitioner cannot maintain a stable sense of who they are across time and circumstance), the dysregulated emotion (the affect that surges and crashes without the regulatory substrate the attachment-and-developmental substrate would have built), the relational pattern (the alternation between idealization and devaluation, the abandonment-fear and the fear-of-engulfment, the destructive-and-self-destructive behavior the formation produces).

Histrionic personality formation traces to the developmental pattern where the child was rewarded for performative-emotional expression and the substrate of authentic affect did not develop. The adult cannot easily access non-performed emotion; the dramatic presentation is the only access the practitioner has to the felt-emotional substrate.

Antisocial personality formation traces to severe early-childhood substrate failure compounded with the broader developmental-substrate failures the civilizational architecture has produced.

The empathy-capacity that should have developed through the secure-attachment-and-relational substrate has not developed; the moral substrate that should have been transmitted through the religious-moral architecture has not been transmitted; the result is the practitioner who can perform social functioning without the substrate that would have made the functioning authentic.

Each of these traces a specific developmental-substrate failure, and the structural reading shows that the failures are not random — they are produced by the dismantling of the conditions that the traditional architecture maintained. The rising rates of the diagnostic presentations and the broader cultural-personality-style versions are the predictable result of the dismantling.

The Civilizational-Personality-Style

More consequential than the diagnostic-threshold presentations is the cultural-personality-style version that does not meet diagnostic threshold but operates across fractions of the contemporary adult population.

Subclinical narcissism is now the modal personality formation in sectors of contemporary professional life. The dependence on external validation; the achievement-orientation that masks insecure self-structure; the relational instrumentality (the practitioner uses relationships for the validation rather than encountering the other as subject); the inability to tolerate genuine criticism or genuine intimacy because both threaten the validation substrate. This is what Lasch named at altitude in 1979 and what has only deepened since. The social-media architecture has accelerated the substrate disturbance specifically because the platform's optimization for validation-seeking is the platform's optimization for the narcissistic substrate.

Subclinical borderline traits — the dysregulated affect that the contemporary substrate has produced at population scale; the relational instability that contemporary romantic and family life increasingly displays; the emotional reactivity that operates as default cognitive mode for fractions of contemporary populations.

Subclinical antisocial traits — the breakdown of empathy in contemporary digital communication where the practitioner is interacting with abstractions of others; the moral-substrate erosion that the religious-moral architecture's collapse has produced; the broader degradation of trust the contemporary substrate has produced.

These cultural-personality-style patterns operate across the population at scale. They are not pathologized at the clinical level because they do not meet diagnostic threshold and because pathologizing them would require the framework to acknowledge how widespread they are. But they shape the contemporary social fabric and they produce the broader civilizational pathology that [*The Hollowing of the West*](#) diagnoses at altitude.

The Recovery Architecture

The recovery architecture for the diagnostic-threshold Cluster B presentations is precise and the recovery for the cultural-personality-style versions follows the same architecture at less acute scale.

At the developmental level — for children currently in the developmental window or for parents raising children — the recovery is the four-fold reconstruction [The Adolescent Collapse](#) articulates: embodied life restored, cosmological orientation restored, initiation restored, biological coherence restored. Plus, specifically for personality formation, the attachment-substrate work — secure attachment as parental discipline, the embodied responsiveness the developmental substrate requires, the protection of the developmental window from the substrate disturbances that produce the Cluster B patterns.

At the adult level — for the practitioner who recognizes their own Cluster B formation and wants to do the recovery work — the architecture is more demanding because the formation has crystallized. The work requires:

Substrate work. The physical-body terrain often shows specific patterns in the Cluster B presentations — the trauma substrate in borderline formation produces the autonomic dysregulation, the inflammatory substrate, the gut-brain disturbances; the chronic-stress substrate in narcissistic formation produces the cortisol-and-immune dysregulation. The substrate work the [Way of Health](#) articulates is necessary substrate for the deeper work.

Somatic-relational depth work. The crystallized adult personality formation does not yield to cognitive intervention alone. The somatic-trauma integration that the [trauma movement](#) has developed — somatic experiencing, polyvagal-informed therapy, the parts-work the IFS framework provides — is operatively useful and addresses the substrate where the formation lives. The DBT (Dialectical Behavior Therapy) framework that Marsha Linehan developed for borderline presentation specifically has empirical support and is one available form of the work. The mentalization-based and schema-therapy frameworks have similar empirical support. None of these is sufficient as standalone framework, but each is operatively useful as part of the integrated work.

Contemplative work. The Cluster B formation operates at the energy-body register the contemplative-cartographic traditions hold. The Wheel of Presence applied — the contemplative substrate that allows the practitioner to encounter their own formation from a position outside the formation itself, the recognition of the patterns the formation has trained into the substrate, the cultivation of the contemplative ground that displaces the formation's dominance. The deep work in this register addresses what the somatic-relational work cannot easily reach — the practitioner's recognition of themselves as the soul-articulating-Logos rather than as the wounded-personality-structure the formation has become.

Relational substrate restoration. The practitioner cannot easily recover the relational substrate alone. The work requires community, qualified therapeutic and contemplative support, the patient relational engagement that allows the substrate to slowly restore through actual relational experience. The borderline formation requires the patient relational engagement that does not

abandon (addressing the abandonment-fear at substrate) and does not enmesh (addressing the engulfment-fear at substrate). The narcissistic formation requires the relational engagement that neither performs the validation the formation seeks nor punishes the practitioner for needing it. The work takes years and benefits from qualified support.

Moral-substrate restoration. The religious-moral architecture's collapse produced part of the substrate; the recovery requires the rebuilding at the practitioner's level. This is not religious-revival in the simple sense but the engagement with moral substrate — the philosophical formation, the contemplative encounter with the cosmic order that makes moral life make sense, the work of becoming the kind of person whose actions emerge from real ground rather than from formation-driven reaction.

A Note on Compassion and Accountability

The structural reading risks two failure modes.

The first failure mode: the structural reading is used to evade accountability. The practitioner whose Cluster B formation produces harm to others reads the structural diagnosis as exoneration — *the civilization did this to me, I am not responsible*. This is wrong and the structural reading rejects it. The civilization shaped the formation. The practitioner is still responsible for the actions the formation produces. Recovery requires the practitioner's active engagement with their own work, including the accountability for the harm the formation has already done. The structural reading explains the substrate; it does not exonerate the choices.

The second failure mode: the structural reading is treated as fatalism. The practitioner reads the structural diagnosis as immovable — *my formation is what it is, change is impossible*. This is also wrong. The formation crystallized but the substrate beneath it is still alive; the recovery is possible but requires the work the recovery actually demands. The architecture for the work exists. The practitioner who engages it does change. The practitioner who treats the formation as immovable confirms the formation's dominance.

Both failure modes are common because both serve the formation's continued operation. The actual recovery walks between them — full accountability for the actions, full engagement with the work the recovery requires, full recognition that the formation is real but is not destiny.

The Path of Return

The Cluster B personality formations are the developmental product of a civilization that dismantled the conditions of stable, generous, sovereign personhood. The recovery is the four-fold reconstruction at the developmental scale plus the targeted depth work for adult crystallized presentations. The work is substantial. The work is also possible.

The cleared and gathered practitioner discloses what the formation was obscuring — the human being whose constitutive nature is not the wounded-personality-structure but the soul articulating

Logos at the human scale. The civilizational reconstruction is the longer-arc project of the broader Harmonist work; the individual recovery is the work the practitioner does within the dismantled architecture, often as the work that holds them through to the architecture's reconstruction.

The personhood the formations obscured is the personhood the practitioner has always been.

Psychiatry and the Soul — The Captured Domain

The Captured Domain

PSYCHIATRY IS NOT FAILING DESPITE ITS ARCHITECTURE. IT IS FAILING BECAUSE OF ITS ARCHITECTURE. The system produces what its design specifies: not healing, but managed pathology in perpetuity, dispensed by an institution structurally incapable of seeing the human being it claims to treat.

For two millennia, the territory of suffering of mind was held by hands that could see what suffering of mind actually is. The contemplative-philosophical lineages of the East and West — Hesychast, Sufi, Vedantic, Daoist, Q'ero, Stoic — held the interior anatomy: the disturbances of the energy body, the dark night of the soul, the obstructed chakra, the depleted Jing, the severance from [Logos](#). The integrative-medical traditions — Ayurveda, Traditional Chinese Medicine, Greek constitutional medicine, the long line of folk healers reading terrain through diet, herb, climate, and constitution — held the physical-body substrate: the inflammation, the metabolic disorder, the toxic burden, the nutrient depletion, the gut and the blood that produce what manifests in the mind. The territory had two registers and the traditions held both, often within the same person, often within the same lineage.

What modernity inherited it did not first improve. It replaced. The keepers of the interior anatomy were exiled to seminaries and monasteries while the keepers of the physical-body terrain were exiled to “alternative medicine,” and the territory itself was handed to a new institution: clinical psychiatry, organized around the Diagnostic and Statistical Manual, built on the assumption that suffering of mind is brain disease, and funded by the pharmaceutical industry that profits from chronic management. The architecture is recent. The displacement is total. And the outcomes — visible in the rising rates of depression, anxiety, suicide, addiction, attention disorder, eating disorder, and psychotic breakdown across every population that has adopted the architecture — make plain that the new institution has not improved on what it replaced.

This is the diagnosis [Harmonism](#) places at the center of the contemporary mental-health crisis. The suffering is real. The biology is real. What is captured is not the suffering itself but the *frame within which the suffering is met* — and the frame determines everything that follows: what is investigated, what is offered, what is allowed to count as recovery. A frame that cannot see the energy body cannot diagnose its disturbance. A frame that cannot see the physical-body terrain — the heavy metals, the pathogens, the inflammation, the nutrient deficiencies, the toxic burden of a refined-carbohydrate and seed-oil and alcohol-and-drug saturated industrial life — cannot identify what is producing the symptom it suppresses. The brain in isolation, treated as the seat of pathology, is the wrong unit of analysis. It is the screen on which a bi-dimensional disturbance plays. The institution that treats the screen and ignores the projector will manage symptoms indefinitely and recover almost no one.

The cost is not abstract. The cost is the family member medicated for two decades on a drug whose chemical premise was retracted in 2022. The cost is the adolescent placed on stimulants because the school's pedagogical architecture was not designed for any human child. The cost is the woman whose postpartum depression dissolved when her undiagnosed Hashimoto's was treated, after fifteen years of antidepressants that did not work because the thyroid was not the brain. The cost is the man whose psychotic break was metabolic — copper accumulation, severe pyrrroluria, gluten reactivity — and who was placed on antipsychotics for life rather than tested for what Walsh and Hoffer's orthomolecular tradition has documented for fifty years. These are not edge cases. They are the modal case viewed through the proper lens, hidden from view by the institutional architecture that asks none of these questions and cannot interpret the answers when they arrive unbidden.

This is not anti-psychiatry. It is anti-reduction. The diagnosis is structural, the recovery is architectural. The territory of suffering of mind is real, the human being who suffers deserves help that actually works, and the institution currently holding the territory will not provide it because its architecture forbids it.

The Architecture of the Reduction

The Diagnostic and Statistical Manual is the theological document of late modernity's relationship to suffering of mind. It does not describe diseases discovered by science. It defines categories voted on by committees, revised every decade or two, expanded almost monotonically across editions, and treated by the clinical apparatus as if the categories named real things in nature. Allen Frances — chair of the DSM-IV task force, writing later from inside the institution that produced it — has documented the expansion mechanism in detail: each revision lowered diagnostic thresholds, added new disorders, blurred the boundary between distress and disease, and produced what Frances himself calls a “diagnostic inflation” that pulled tens of millions of additional people into the patient population. The mechanism is not scientific progress. It is administrative expansion in service of a billing apparatus.

The architecture rests on a metaphysical claim the manual itself does not articulate but that every clinical encounter assumes: suffering of mind is disorder of brain, and the brain is the right unit of analysis for understanding and treating it. This is the reduction. Everything biopsychiatry does, every treatment it offers, every research program it funds, every medical school curriculum it shapes, follows from this single architectural choice. And everything the architecture excludes — the energy body, the chakras, the constitutional anatomy, the gut and its microbiome, the heavy-metal burden, the nutrient terrain, the spiritual crisis, the dark night, the soul-level wound, the karmic pattern, the meaning-loss, the family system, the civilizational substrate — is excluded not because evidence ruled it out but because the architecture cannot see it.

The reduction was institutionalized through a specific empirical claim that turned out to be wrong. The “chemical-imbalance theory” — that depression is caused by serotonin deficiency, that anxiety is caused by GABA dysregulation, that schizophrenia is caused by dopamine excess, and that medications correcting these imbalances therefore treat the disease at its source — was the

public-facing justification for the SSRI revolution and its expansion into every adjacent diagnostic category. The claim was repeated for thirty years in clinical literature, in pharmaceutical marketing, in patient education, in medical school. It was almost universally believed. And it was, as a comprehensive review by Joanna Moncrieff and colleagues established in 2022, never supported by the evidence. The serotonin theory of depression, the review concluded after pooling decades of studies, has no consistent empirical foundation. The biochemical premise on which an entire institutional architecture was built had been wrong, in plain sight, for as long as the architecture had existed.

The retraction was quiet. There was no public apology. There was no recall of medications prescribed on the now-discredited premise. The clinical apparatus continued operating as if nothing had changed, because nothing about the apparatus depended on the theory's truth. The theory was the marketing narrative, not the operating principle. The operating principle — the reduction of mental suffering to brain pathology treatable by pharmacological intervention — survives any specific neurochemical hypothesis it might have once been attached to. New hypotheses arrive on a rolling basis (the inflammatory theory of depression, the gut-brain axis, the network theory, the dysconnectivity hypothesis), each promising the breakthrough that will finally validate the architecture, none yet delivering it. The architecture continues regardless because it serves a function the science has never been required to justify: it organizes a billing system, a pharmaceutical market, a medical specialty, and a cultural framework for distress that requires the brain-disease framing to remain intelligible.

This is the meaning of “structural capture.” The DSM and the pharmaceutical industry and the clinical-research apparatus and the medical-education system are not independent institutions that have happened to converge on the same conclusion. They are one institutional architecture in which each component requires the others to survive — the DSM categorizes the conditions the medications treat, the medications justify the clinical specialty, the specialty trains the doctors who prescribe the medications, and the research apparatus produces the studies that support the prescribing, all funded by the industry whose products depend on the framework remaining unquestioned. The framework cannot self-correct because every component of it requires the others to remain unreformed.

Thomas Insel, who directed the National Institute of Mental Health from 2002 to 2015, said the quiet part aloud after he left: in thirteen years of funding biopsychiatric research at a rate of twenty billion dollars, the institute had not measurably improved outcomes for any psychiatric condition. The research had been productive in its own terms. The patients had not gotten better. He attributed the failure to the framework's inability to find biological markers for any of the conditions it diagnoses, and proposed a research-domain-criteria approach that would dissolve the DSM categories in favor of dimensional measurements. The proposal had no institutional uptake. The architecture remains.

The Outcomes

The clearest diagnostic of an institution is its long-term outcomes. Acute outcomes can be misleading — sedation looks like calm, suppression looks like stability, the immediate effect of an antidepressant or an antipsychotic on a person in crisis is often visible and often welcomed. What matters is what happens over the years. What matters is whether the people who entered the system leave it better off than they entered, worse off, or unchanged, after five, ten, twenty years of treatment within it. The data on this question is consistent and grim.

Robert Whitaker's *Anatomy of an Epidemic* assembled the long-term picture from the published literature itself, much of it from studies the pharmaceutical industry funded. The pattern is the same across diagnostic categories. Acute treatment for depression with SSRIs produces a modest improvement over placebo in the short term — Irving Kirsch's meta-analyses of the FDA's own data put the effect size at roughly two points on the seventeen-point Hamilton Depression Rating Scale, which falls below the threshold regulators themselves define as clinically significant. But chronic treatment produces measurably worse outcomes than no treatment: higher rates of treatment-resistant depression, more relapse, more chronic illness, more disability. The medication shifts the natural course of the illness from episodic to chronic. The patient who would have recovered in months under no treatment becomes a patient under permanent medication, with relapses managed by escalating doses and combinations. The market expands. The patient deteriorates.

The picture for antipsychotics is starker. Martin Harrow's twenty-year longitudinal study of patients diagnosed with schizophrenia, published in successive papers across the 2000s and 2010s, found that those who stopped antipsychotic medication had better long-term outcomes than those who remained on it — higher rates of recovery, more functional capacity, less disability, fewer relapses after the first few years. The finding survived adjustment for severity at baseline. The Wunderink trial in the Netherlands found similar results: patients randomized to dose-reduction strategies after first-episode psychosis had roughly twice the recovery rate at seven-year follow-up compared with patients maintained on standard antipsychotic regimens. The implication is unbearable to the institutional architecture: the medication that the clinical apparatus prescribes for life appears to *worsen* long-term outcomes for a fraction of those who take it. The finding was met with the response such findings always meet: methodological critique, calls for further research, no change in clinical practice.

The cross-cultural data sharpens the picture further. The World Health Organization's longitudinal studies, beginning in the 1970s, found that recovery rates for schizophrenia were measurably higher in low-income countries — India, Nigeria, Colombia — than in high-income countries with developed psychiatric infrastructure. Ethan Watters's *Crazy Like Us* documents the structural reasons: the low-income contexts held the patient inside an intact family system, embedded the recovery in a meaningful cultural framework, did not pathologize the person's identity, used medication briefly if at all, and assumed recovery as the expected outcome. The developed psychiatric infrastructure was, by every measurable outcome, *worse* than its absence, for the condition it most ambitiously claims to treat.

Open Dialogue in Tornio, Finland, demonstrates the same finding constructively. The Open Dialogue protocol — developed by Jaakko Seikkula and colleagues, deployed for first-episode psychosis since the 1980s — involves rapid mobilization of the patient’s family and social network, sustained dialogue rather than diagnostic categorization, minimal use of neuroleptics, and recovery as the expected outcome. The five-year outcomes — high rates of return to work, low rates of disability, low rates of chronic medication use — are better than the standard-care comparison. The protocol has been replicated successfully in multiple locations. It has not displaced the standard architecture anywhere it has been tried, because the standard architecture is not in the business of being displaced by better outcomes.

The same diagnostic applies across categories. The benzodiazepine epidemic that followed the SSRI wave produced a population dependent on tranquilizers it cannot safely discontinue, with cognitive deficits, anxiety rebound, and prolonged withdrawal syndromes that the clinical literature has been slow to acknowledge. The stimulant epidemic in pediatric ADHD has produced a population for whom amphetamines are the baseline cognitive substrate, with cardiovascular consequences and growth suppression documented but rarely surfaced to families. The atypical-antipsychotic expansion into bipolar disorder, depression-augmentation, and pediatric off-label use has produced a population with metabolic syndrome, weight gain in the dozens of kilograms, and Type II diabetes induced by the medication itself. Each expansion was sold as the next advance. Each expansion produced its own iatrogenic syndrome. None of the iatrogenic syndromes produced a structural correction.

This is the outcome data. It is not the picture biopsychiatry presents of itself. The institutional self-image is one of steady progress, mounting biological understanding, improving treatments, alleviated suffering. The data tells a different story, and the data has been available for decades. The story it tells is the one the framework cannot self-correct toward, because the correction would require dissolving the framework that produces the data’s interpretation in the first place.

The Two Displaced Traditions

The institutional capture displaced not one tradition but two.

The first displaced tradition is the *cartographic-contemplative*: the lineages that for two millennia held the interior anatomy of the human being and treated its disturbances at the energy-body register. The Hesychast tradition of the Christian East developed a precise phenomenology of the *logismoi*, the thought-passions that obstruct contemplative clarity, and a method for clearing them through the prayer of the heart and the descent of the *nous* into the *kardia*. The Sufi tradition of Islam mapped the *nafs* across seven stations and prescribed the practices — *dhikr*, *murāqaba*, *muḥāsaba* — by which the soul moves from agitated commanding-self toward perfected stillness. The Vedic and Tantric traditions of India developed the chakra anatomy, the energy-channel map of the subtle body, and the practices — pranayama, mantra, meditation — by which the chakras are cleared and the *prana* circulates without obstruction. The Daoist tradition of China articulated the Three Treasures — *Jing*, *Qi*, *Shen* — and the inner alchemy by which essence is refined into energy into spirit. The Andean lineage — the Q’ero *paqos*

and the broader Shamanic stream of which they are one articulation — held the luminous body, the technology of *hucha*-clearing (heavy dense energy released from the field), and the soul retrieval that calls back the fragments scattered by trauma. Five cartographies, independent of one another in their formation across pre-literate millennia and literate centuries, converged on the same architecture: the human being has an energy body, that energy body is subject to specific disturbances, and those disturbances respond to specific practices.

The second displaced tradition is the *integrative-medical*: the lineages that held the physical-body terrain register and treated mental disturbance through diet, herb, climate, constitution, and bodily practice. Ayurveda articulated the constitutional types — *Vāta*, *Pitta*, *Kapha* — and prescribed the foods, herbs, oils, daily routines, and seasonal adjustments that maintain or restore constitutional balance, with mental disturbance read as constitutional imbalance manifesting in the mind. Traditional Chinese Medicine integrated diet, herbal formulation, acupuncture, *Qi Gong*, and the broader sense of bodily terrain with a sophisticated typology of patterns — heart-fire blazing, liver-qi stagnation, spleen-qi deficiency, kidney-yin emptiness — each of which produces specific mental and emotional manifestations. The Greek constitutional tradition (Hippocratic and later Galenic) mapped the four humors and their imbalances onto temperament and pathology, treating mental disturbance through diet, environment, climate, and herbal preparation. The European folk-medical traditions, fragmented but real, held a working knowledge of nervine herbs, dietary adjustments for melancholy, and the bodily substrates of mental distress. Each tradition assumed without question what modern integrative medicine is empirically rediscovering: that the body and the mind are continuous, that what enters the body shapes the state of consciousness, and that mental disturbance is treated at the substrate before it is treated at the symptom.

What both traditions held that biopsychiatry cannot is the same in different registers: the human being is multidimensional, and disturbance of mind operates across multiple dimensions simultaneously. The contemplative cartographies held the energy-body register precisely. The integrative-medical traditions held the physical-body terrain register precisely. Both held the continuity between them — the contemplative knew that fasting clears the *nous*, that diet affects the *gunas* (Vedic) or the *Shen* (Daoist), that the body must be ordered for the soul to be ordered; the integrative-medical knew that the patient's constitutional substrate makes some patterns of consciousness easy and others impossible. Neither tradition mistook the brain for the unit of analysis. Both treated the human being as the unit of analysis, with the brain as one organ among many in a body that is itself one of two dimensions of the person.

The displacement was not the result of evidence against the displaced traditions. The empirical case for integrative medicine in mental health is, by 2026, substantial — the nutritional-psychiatry literature, the microbiome research, the methylation and pyrroluria work that William Walsh's institute has documented across thirty thousand patient histories, the orthomolecular psychiatric tradition that Abram Hoffer extended from the 1950s, the gut-brain-axis research, the heavy-metal toxicity literature, the inflammation-and-depression studies — all of it points the same direction. The displacement was the result of an institutional architecture for which the integrative case is structurally inadmissible, because admitting it would require dismantling the brain-disease framework that justifies the existing apparatus.

The contemplative traditions were displaced earlier and more thoroughly. They are not even granted the courtesy of empirical engagement, because they operate at a register the prevailing materialism declares to be metaphysically void. The energy body is not real. The chakras are not real. *Jing, Qi, Shen* are not real. The dark night is not real. The soul-level wound is not real. Therefore, by definition, nothing the contemplative traditions diagnose can be the issue, and nothing they prescribe can be the treatment. The argument is circular and the architecture is comfortable with the circularity.

The Bi-Dimensional Anatomy

The bi-dimensional anatomy that biopsychiatry captured and the displaced traditions held is articulated canonically in [The Bi-Dimensional Anatomy of Mental Suffering](#). The human being has two constitutive dimensions — a physical body whose mechanisms biology investigates (biochemistry, organ systems, microbiome, nervous tissue, the metabolic and inflammatory and immune terrain) and an energy body whose anatomy the contemplative cartographies map (the chakras at the human scale, the meridian system, the [Three Treasures](#), the luminous field). The two dimensions are continuously coupled; the empirical and the metaphysical registers see the same human being from different vantage points. Canonical doctrinal treatment lives in [Body and Soul](#) and [The Human Being](#).

Both registers are load-bearing in mental disturbance and neither is reducible to the other. The capture is precisely the reduction of the bi-dimensional human being to brain alone — and the symmetric failure mode (pure spiritualism, which dismisses the body's substrate and prescribes meditation for a brain inflamed by mercury or chronic infection) is the equal-and-opposite error the integrative architecture refuses. The doctrinal-anatomy article holds the full articulation.

In most presentations modernity classifies as mental disorder, the physical-body terrain is etiologically primary. The energy-body register is real, load-bearing, and often co-present. But the physical-body substrate — heavy-metal accumulation, chronic infection, leaky gut and microbial dysbiosis, sugar and refined-carbohydrate burden, alcohol and drug toxicity, brain toxicity from environmental exposures, macronutrient and micronutrient deficiencies — is most often the originating substrate. The doctrinal-anatomy article walks the mechanisms in detail. Biopsychiatry's architecture defines all of this out of relevance because the architecture cannot test for what it does not recognize, and the patient whose disturbance has substrate causes never investigated has been failed by a framework whose blindness is structural.

The Recovery Architecture

The recovery is the [Wheel of Harmony](#) walked as the Way of Harmony spiral — *Presence* → *Health* → *Matter* → *Service* → *Relationships* → *Learning* → *Nature* → *Recreation* → *Presence* (∞) — adapted at every spoke to the practitioner's substrate (Decisions #834, #835). The recovery is not novel but restoration of the integrative-medical tradition, the contemplative-cartographic tradition, the relational substrate, the meaning substrate, the environmental substrate, the

embodied substrate — integrated under a single architectural understanding of the human being as bi-dimensional and as integral.

The spiral begins at *Presence* with the flicker of recognition that ignites the journey — the willingness to do the work, the felt sense that the current condition is not what life is for. Then *Health* — the substrate foundation, the heaviest emphasis for mental suffering because the physical body is where the disturbance most manifests. The [Way of Health](#) spiral (Monitor → Purification → Hydration → Nutrition → Supplementation → Movement → Recovery → Sleep) clears the substrate burden the captured apparatus does not investigate and rebuilds what the clearing prepared; Walsh’s biochemical-individuality framework and Hoffer’s orthomolecular tradition contribute the protocols for the responsive subgroups; full clinical depth in [Mental Suffering and the Way of Health](#). Then [Matter](#) — environmental substrate operating *substrate-adjacent to Health* for mental suffering specifically: cleanliness, decluttering, material stability, the home cleared of toxic exposures, the financial architecture, the daily material rhythm. The body cannot heal in an environment that disrupts the substrate work. Then *Service* — meaning-anchoring through vocation as participation in [Dharma](#); then *Relationships* — attachment substrate, family-system work, community holding, the trauma-encoded autonomic patterns; then *Learning* — cultivation of attention and discernment; then *Nature* — embodied parasympathetic restoration, the contact with the living world the indoor industrial life severs; then *Recreation* — return of joy. The spiral returns to *Presence* at higher register: sustained contemplative practice via the [Way of Presence](#) addressing the energy body — consciousness, chakras, mental-emotional expressions, soul-level wounds. **For mentally imbalanced presentations the Presence spoke is walked in the *Shen*-stabilization register (*an shen*) rather than expansion (*yang shen*);** intensive contemplative work can worsen susceptible presentations until the substrate has stabilized.

Two structural facts within the spiral. First, *Health and Presence map directly onto the two constitutive dimensions of the bi-dimensional human being* (physical body / energy body) — this is anatomy, not hierarchy. The other six pillars operate on registers that support and integrate the bi-dimensional being without themselves constituting its anatomy. Second, *Matter is substrate-adjacent to Health for mental suffering* because the physical environment is the body’s container — substrate-specific emphasis within the spiral, not a separate layer.

The adaptation discipline applies at every spoke: Presence in *an shen* register for mentally imbalanced presentations; Health gently rather than aggressively; Matter at the smallest immediately-calming interventions; Service at sustainable offerings; Relationships at safety before depth; Learning at calming rather than over-stimulating; Nature at gentle immersion; Recreation at restorative play. The adaptation is the two-move alchemy applied at the practitioner-specific scale — clearing what destabilizes before cultivating what radiates, at the pace the cleared substrate can sustain.

None of this is exotic. The captured apparatus offers medication to avoid the work. The Wheel offers the work the medication cannot perform. The promise is not a faster path. It is a path that arrives.

The Path of Return

The recovery is not the construction of a new condition. It is the path of return to what was always there — the bi-dimensional human being un-occluded, the body and the energy body functioning according to their nature, the consciousness expressing the radiance that is its inherent state when the substrate supports it and the obstructions have been cleared. This is the cultivation-not-formation principle (Decision #213): cultivation operates on what already *is*, working with living nature toward its own fullest expression. The captured apparatus operates in the formation register — diagnose the disorder, suppress the symptom, manage the patient indefinitely, treat the brain as material to be chemically reshaped. The recovery architecture operates in the cultivation register.

The two-move alchemy that operates across every fractal scale of the Wheel of Harmony — *clearing/purifying* followed by *cultivating/gathering* — is articulated canonically in Decision #823 with the five-cartography cross-tradition convergence held at depth in [The Way of Presence](#). Recovery is the path of return — clearing what occludes the inherent alignment of the human being across both registers of being, and cultivating the health and spiritual radiance the cleared vessel naturally expresses and was always becoming.

In acute presentations — acute psychosis, severe mania, immediate suicidal risk — pharmacological stabilization is the only responsible immediate intervention, and the practitioners who provide it in those moments are doing necessary work. The diagnosis is structural, not contemptuous of the clinicians inside the structure. Many of them work in good faith inside an architecture they did not design and cannot, from their position, dismantle. The diagnosis is of the architecture. The architecture has captured the territory of suffering of mind, reduced the bi-dimensional human being to brain-disease-managed-by-pharmacology, displaced both the cartographic-contemplative and the integrative-medical traditions that held the full register, and produced — predictably, demonstrably, across decades of outcomes data — worse outcomes than the architectures it replaced.

The territory was never lost. It was captured. Recovery is the path back to what was always there.

Schizophrenia and the Energy Body

The Hardest Case

SCHIZOPHRENIA IS THE CASE WHERE BIOPSYCHIATRIC CAPTURE HAS COST MOST AND WHERE THE structural-doctrinal alternative is most demanding to articulate. The presentation is real, sometimes severe, sometimes life-threatening. The suffering of the practitioner and the practitioner's family is real. The outcomes data on chronic neuroleptic use is catastrophic. The alternative architectures exist and produce measurably better outcomes than the standard care. The cartographic-contemplative reading of psychotic presentations as energy-body crises is empirically supported by cross-cultural recovery data. The physical-body terrain dimension is unusually load-bearing. The territory is contested between competing frameworks; the integrated reading walks between them.

The lived experience is often terrifying, the harm to families severe. The captured framework offers neuroleptic medication and produces the outcomes data named above. The path Harmonism walks runs through terrain restoration, the contemplative-cartographic work, plant medicine within its proper lineages, and the holding-environments the alternative architectures provide.

The Catastrophic Outcomes Data

The long-term outcomes data on chronic neuroleptic use in schizophrenia is the strongest empirical case for re-evaluating the standard architecture. The data has been available for decades and has been documented in detail by Robert Whitaker (*Anatomy of an Epidemic, Mad in America*) and by the broader literature.

Harrow's twenty-year longitudinal study — the largest and longest naturalistic follow-up of schizophrenia outcomes — found that patients who stopped antipsychotic medication had better long-term outcomes than those who remained on it. Higher rates of recovery, more functional capacity, less disability, fewer relapses after the first few years. The finding survived adjustment for severity at baseline. The published results across the 2000s and 2010s were met with the response such findings always meet in this framework — methodological critique, calls for further research, no change in clinical practice.

The Wunderink trial — randomized controlled trial in the Netherlands following first-episode psychosis patients across seven years — found that patients randomized to dose-reduction strategies had roughly twice the recovery rate at seven-year follow-up compared with patients maintained on standard antipsychotic regimens. The implication: the medication that the clinical

apparatus prescribes for life appears to *worsen* long-term outcomes for a fraction of those who take it.

The WHO cross-cultural studies — beginning in the 1970s and replicated across subsequent decades — found that recovery rates for schizophrenia were measurably higher in low-income countries (India, Nigeria, Colombia) than in high-income countries with developed psychiatric infrastructure. The cross-cultural framework Ethan Watters articulates in *Crazy Like Us* identifies the structural reasons: the low-income contexts held the patient inside an intact family system, embedded the recovery in a meaningful cultural framework, did not pathologize the person's identity, used medication briefly if at all, and assumed recovery as the expected outcome. The developed psychiatric infrastructure was, by every measurable outcome, *worse* than its absence, for the condition it most ambitiously claims to treat.

Open Dialogue in Tornio, Finland — developed by Jaakko Seikkula and colleagues, deployed for first-episode psychosis since the 1980s — produces five-year outcomes better than standard care. The protocol involves rapid mobilization of the patient's family and social network, sustained dialogue rather than diagnostic categorization, minimal use of neuroleptics, and recovery as the expected outcome. The protocol has been replicated successfully in multiple locations.

Mosher's Soteria Project — established in California in the 1970s — provided residential alternative to psychiatric hospitalization for first-episode psychosis. The protocol involved trained non-medical staff, minimal medication, the holding environment that allowed the psychotic experience to unfold and resolve. The outcomes were better than standard hospital care across the studied population. The project was terminated for institutional rather than empirical reasons; the architecture has been replicated in various contemporary forms (the Open Dialogue work, the Soteria-Berne project, various contemporary residential alternatives).

The data is consistent across studies, frameworks, and decades. Standard care for schizophrenia produces measurably worse long-term outcomes than the alternative architectures available. The institutional response to the data has been to ignore it. The architecture continues because the architecture is not optimizing for outcomes.

The Physical-Body Substrate

The physical-body terrain dimension in schizophrenia is unusually load-bearing and often unaddressed in standard care. The integrative-functional work has documented specific substrate patterns that produce or compound the presentations.

Walsh's biochemical individuality framework identifies specific subtypes of schizophrenia based on methylation status, copper-zinc balance, pyrroluria, and the broader biochemical panel. The undermethylated subtype, the overmethylated subtype, the high-copper subtype, the pyrroluria-driven subtype, the gluten-sensitivity-driven subtype — each shows specific response to targeted nutritional intervention. The institute has documented thousands of patient histories showing recovery in the responsive subgroups using nutrient-based protocols matched to the specific biochemical pattern. The conventional framework does not test for any of these subtypes.

Heavy-metal accumulation, particularly copper excess and mercury burden, is associated with specific schizophrenia presentations. The copper-lowering protocols and the mercury-clearing work under qualified supervision produce measurable improvement in the responsive subgroups.

Gluten and casein sensitivity has been documented in schizophrenia subgroups since the 1960s — the cereal-grain-correlation literature (Dohan, more recently the work by Karl Reichelt and others) identifies a specific schizophrenia subtype responsive to strict gluten-free and dairy-free diet. The mechanism appears to involve neuropeptides derived from incompletely digested gluten and casein that cross the blood-brain barrier and produce psychiatric effects. The dietary intervention is testable in any individual case and produces dramatic improvement in the responsive subgroup.

Severe gut-brain inflammation through dysbiosis and broader gut dysfunction drives neuroinflammation that compounds or, in some cases, drives the psychotic presentation. The gut-repair protocols are part of the integrative architecture.

Niacin-response subtypes — Abram Hoffer's orthomolecular tradition identified specific schizophrenia subtypes responsive to high-dose niacin (with vitamin C and the broader orthomolecular protocol). The work was suppressed by mainstream psychiatry but has been replicated in clinical practice across decades; the responsive subgroup shows improvement that the conventional protocols do not match.

Histamine dysregulation — high-histamine and low-histamine patterns produce specific schizophrenia presentations responsive to targeted intervention.

Post-viral inflammatory states — particularly post-viral encephalitic presentations, including post-COVID neuropsychiatric presentations — produce psychotic-like syndromes that the conventional framework often misdiagnoses as primary schizophrenia and that targeted antiviral and anti-inflammatory protocols can address.

Autoimmune presentations — NMDA-receptor encephalitis being the most documented, but the broader autoimmune-psychiatric category including thyroid autoimmunity (Hashimoto's encephalopathy) — produce psychotic presentations that the standard antipsychotic framework cannot address but that targeted immunological intervention can. The literature documents cases of patients labeled chronic schizophrenic for years before the autoimmune substrate was identified — with subsequent recovery when the substrate was addressed — and the conventional framework's failure to investigate is documented harm.

This is the substrate the standard care does not investigate. The integrative-functional protocols that address it produce results the standard framework cannot match for the substrate-driven presentations. The patient with schizophrenia diagnosis whose substrate has not been investigated has been failed by an architecture that did not look.

The Energy-Body Reading

The cartographic-contemplative reading of psychotic presentations operates at the energy-body register and provides operative criteria the broader anti-psychiatry critique does not.

The Daoist reading: severe *Shen* disturbance — the consciousness-aspect of the Three Treasures dispersed, the Heart-system's anchoring of consciousness compromised, the broader pattern of upper-system dispersal and lower-system collapse the TCM tradition reads in specific patterns. The acupuncture and herbal protocols matched to the specific pattern produce measurable improvement in some presentations, particularly in conjunction with the broader integrative work.

The chakra reading: the upper-chakra system opening unintegrated, often with severe lower-chakra collapse that fails to ground the upper-chakra activity. The seventh-chakra opening producing the grandiose-spiritual presentations characteristic of some psychotic experience; the sixth-chakra opening producing the visionary phenomena; the broader energetic activation without the integration substrate. The integrated work involves grounding (lower-chakra) and integration practice that the contemplative-cartographic traditions specifically developed.

The Andean reading: severe disturbance in the luminous field, with specific patterns the *paqo* reads directly. The soul-fragment scattering in many psychotic presentations; the *hucha* accumulation that drives the broader energetic disturbance; the lineage-specific patterns of severance. The *paqo*-tradition healing work involves the soul-retrieval and *hucha*-clearing that contemporary energy-medicine has begun to integrate (Alberto Villoldo's work being one contemporary articulation).

The Shamanic tradition more broadly recognizes psychotic-like presentations as potentially initiatory — the shamanic-illness that traditional cultures held within the framework of becoming a healer. The contemporary clinical framework reads these presentations as primary illness; the traditional framework read them as initiatory crisis that, held adequately, produces the future practitioner with real healing capacity. The relevant distinction (per [Spiritual Emergency](#)) involves the criteria for distinguishing genuine initiatory crisis from clinical pathology; the practitioner trained in the distinction can tell, and the cross-cultural data suggests that some fraction of what the contemporary apparatus diagnoses as schizophrenia would have been held within initiatory frameworks in traditional cultures with measurably different outcomes.

Not all psychotic presentations are spiritual emergencies or shamanic-initiatory presentations. Some are biological-substrate presentations the integrative protocols address; some are spiritual-emergency presentations the contemplative-cartographic framework addresses; some are both at once. The integrated practitioner reads each presentation on its own terms.

The Way of Health Applied with Particular Care

The protocol architecture follows the Way of Harmony spiral — Presence (recognition) → Health (substrate) → Matter (environmental substrate-adjacent to Health) → Service → Relationships →

Learning → Nature → Recreation → Presence at higher register — with the adaptation discipline applied to schizophrenia presentations specifically. The patient population is more medically vulnerable than the broader mental-health-disorder population and the [Way of Presence](#) is walked in the *an shen* (stabilization) register throughout; intensive contemplative practice in active presentation worsens many patients. *Relationships* is particularly load-bearing here — the family-system substrate the Open Dialogue framework specifically addresses is closer to foundational than integrating in this domain.

Monitor prioritizes Walsh’s biochemical panels (methylation, pyrroluria, copper-zinc), the autoimmune panels (NMDA-receptor antibodies where indicated, thyroid antibodies, the broader autoimmune-psychiatric panel), heavy-metal screening with particular attention to copper, gut function with gluten-and-casein sensitivity testing, and assessment of whether the presentation includes spiritual-emergency features. The diagnostic surface is unusually wide because the etiologically distinct subgroups within the diagnostic category respond to different interventions.

Supplementation deploys the responsive subtype protocols: methylation support per methylation status; zinc-and-B6 for pyrroluria; copper-lowering where the copper-excess subtype is identified; the Hoffer niacin protocol where the niacin-response subtype is identified; high-dose omega-3; the broader orthomolecular interventions per Walsh’s framework. *Nutrition* deploys gluten-and-casein-free where the testing or empirical trial supports it; the metabolic-psychiatric literature on ketogenic protocols for schizophrenia is relevant in selected cases.

The contemplative work through the [Way of Presence](#) requires careful matching to the patient’s substrate; intensive meditation can worsen psychotic presentation in susceptible patients, and the work involves qualified teachers who understand the substrate — applied with attention to grounding rather than to intensive activation.

The Harmonist Path and the Open-Dialogue Evidence

The captured framework treats neuroleptic medication as the operative substrate of schizophrenia care. Harmonism does not. The chronic-use outcomes data argues against the standard “antipsychotic for life” architecture; the Open Dialogue and Soteria outcomes data argue that alternative frameworks — minimal-medication, holding-environment, family-and-community work, substrate restoration — produce measurably better long-term outcomes, including at the acute-crisis edge. Open Dialogue uses neuroleptics in a small minority of first-episode cases; Soteria used them minimally across two decades of operation. The evidence that the captured framework’s default is wrong runs *through* the acute-crisis edge, not around it.

The integrated practice involves: rapid mobilization of family and social network at first presentation (the Open Dialogue protocol as exemplar); the holding-environment the alternative architectures provide — physical space, qualified human presence, removal from the conditions that compounded the breakdown; substrate work in the recovery window — the nutrient and metabolic terrain, the orthomolecular discipline that addresses copper, pyrroles, gluten, methylation, the deeper physical-body register the brain-disease frame cannot see; the contemplative and energy-body work appropriate to the presentation; plant medicine within its

proper lineage contexts where the practitioner and the tradition permit; the family-and-community work that the recovery requires.

The patient on long-term antipsychotic medication who is stepping out of the captured framework should do so only under qualified supervision and with substrate work in place. The supersensitivity-psychosis risk in inadequate discontinuation is real and dangerous; the hyperbolic-tapering discipline (Mark Horowitz's work applied to antipsychotic discontinuation) and the integrative supportive substrate are necessary. Recovery is the path of return, and the path requires care.

The deeper question — whether the schizophrenia diagnosis as currently constructed describes a unified condition at all, or whether it captures a heterogeneous set of presentations with different etiologies and prognoses — is genuinely open. The empirical evidence increasingly suggests the latter; the integrative practice operates accordingly, treating each presentation on its own terms rather than as instance of a presumed-unified disease.

The Path of Return

The schizophrenia diagnosis is the case where the captured framework has cost most and where the alternative architectures produce most measurably better outcomes. The integrative practice walks the territory between responsible acute-stabilization and the longer-arc recovery the substrate work, the energy-body work, the family-and-community holding, and the contemplative practice deliver across the population that responds to them.

The cleared and gathered practitioner may still require some ongoing support; the architecture does not promise complete recovery in every case, particularly the most severe. What it does promise is measurably better outcomes for fractions of the diagnosed population than the standard architecture has delivered, in the empirical data that has been available for decades. The Open Dialogue programs, the integrative-psychiatric practices, the substrate-work practitioners trained in this domain are still small minorities of the broader care field; the recovery is being rebuilt at the small scale, and the work is the rebuilding.

ЧАСТЬ VI

Цивилизационные СИМПТОМЫ

The crisis read at the scale of whole civilizations.

Опустошение Запада

Цивилизация может погибнуть извне — в результате вторжения, завоевания или экологического коллапса. Но Запад гибнет не извне. Он гибнет изнутри, в результате процесса, который правильнее охарактеризовать как «опустошение», а не как «упадок». Институты по-прежнему стоят на ногах. ВВП по-прежнему растет. Военный аппарат не имеет себе равных. Но внутренняя сущность — живая связь между провозглашенными ценностями цивилизации и реальным опытом ее народа — постепенно исчезает. Остается лишь оболочка: структурно целая, но духовно опустошенная.

В этой статье собраны эмпирические данные. [Западный разлом](#) прослеживает философскую генеалогию — как номинализм отделил универсалии от реальности в XIV веке и привел к семи векам фрагментации. [Духовный кризис](#) диагностирует утрату [Logos](#) как ощущаемой основы человеческого существования. [Эпистемологический кризис](#) описывает захват институционального знания. В диагнозе хранилища отсутствуют демографические, эпидемиологические, психологические и институциональные данные, которые показывают, что эти философские разломы выражаются в виде измеримой цивилизационной патологии. Эта статья восполняет этот пробел. Цифры не являются диагнозом — [Logos](#) является диагнозом — но цифры являются тем, что сама цивилизация не может отрицать на своем собственном эмпирическом языке.

I. Смерти от отчаяния

В 2015 году Энн Кейс и Ангус Дитон — последний является лауреатом Нобелевской премии по экономике — опубликовали результаты исследований, которые перевернули столетие прогресса в области смертности в США. Белые американцы среднего возраста без высшего образования умирали с ускоряющейся скоростью, причем не от болезней, связанных со старением, а от самоубийств, алкогольной болезни печени и передозировки наркотиков. Они назвали это явление *смертями от отчаяния*.

Масштабы этого явления ошеломляют. В период с 1999 по 2023 год более 1,2 миллиона американцев умерли только от передозировки наркотиков. Опиоидный кризис — спровоцированный фармацевтическими корпорациями, которые знали, что их продукты вызывают зависимость, одобренный регулирующими органами, которые оказались под контролем той самой индустрии, которую они номинально надзирали, и распространяемый через медицинскую систему, заменившую диагностическое суждение протоколами выписки рецептов — убил более 100 000 американцев за один год (2022). Для сравнения: война во Вьетнаме унесла жизни 58 000 американцев за два десятилетия.

Самым тревожным открытием Кейса и Дитона были не сухие цифры, а демографическая точность. Смертность была сосредоточена среди тех, кто лишился доступа к структурам, которые когда-то придавали жизни смысл — стабильной занятости, принадлежности к сообществу, доверия к институтам, сплоченности семьи, участия в религиозной жизни. Коррекция наблюдалась не с бедностью в абсолютном смысле, а с крахом той социальной архитектуры, которая когда-то делала жизнь в маленьком американском городке понятной и целеустремленной. Это были не люди, лишенные ресурсов. Это были люди, лишенные причины жить.

«[Духовный кризис](#)» (Отчаяние: как безнадежность убивает нас) называет внутреннее измерение этой пустоты. Но «смерти от отчаяния» — это ее статистический след: тот момент, когда утрата [Logos](#) перестает быть философской абстракцией и начинает заполнять морги.

II. Демографический сигнал

Цивилизация, утратившая ориентацию на будущее, перестает воспроизводиться. Это не метафора. Общий коэффициент рождаемости в западном мире рухнул до уровней, которые ни один демограф в 1960 году не считал бы возможными.

Коэффициент воспроизводства населения для стабильного населения составляет 2,1 ребенка на одну женщину. По состоянию на 2024 год в США этот показатель составляет примерно 1,62. В Германии и Италии он колеблется около 1,3. Южная Корея — страна с западной культурой в институциональном плане — опустилась ниже 0,7, что не имеет исторических прецедентов ни в одном крупном обществе. Испания достигла показателя 1,16 в 2023 году. Это не временные колебания. Они отражают устойчивый, продолжающийся уже несколько десятилетий отход цивилизации от будущего.

Стандартные объяснения — экономическое давление, стоимость жилья, альтернативные издержки, связанные с детьми для образованных женщин — отражают нечто реальное, но упускают структурную глубину. Рождаемость снизилась в первую очередь и быстрее всего среди наиболее обеспеченных и образованных слоев населения — тех, кто обладает наибольшими экономическими возможностями для воспитания детей. В скандинавских странах, построивших самые щедрые системы поддержки родителей в истории человечества, показатели рождаемости снизились наравне со всеми остальными. Экономический аргумент объясняет сроки и масштабы на периферии; он не объясняет направление. Здесь действует нечто более глубокое.

Диагноз «Гармонистов» точен: цивилизация, разорвавшая связь с «[Logos](#)» — с ощущением, что реальность упорядочена, имеет смысл и способна к созиданию, — теряет экзистенциальную почву, из которой возникает желание создавать жизнь. Дети — это не просто экономический расчет. Они — акт веры в целостность будущего. Когда эта вера исчезает — когда доминирующий культурный нарратив утверждает, что смысл конструируется, идентичность изменчива, институты коррумпированы, планета умирает, и никакой космический порядок не гарантирует человеческое предназначение — воспроизводство становится актом, для которого цивилизация больше не может сгенерировать достаточной мотивации.

Тело следует за душой. Цивилизация, которая не верит в свое собственное будущее, не создает его.

III. Психологический коллапс молодежи

Поколение, родившееся в условиях самого полного материального изобилия в истории человечества, является самым психологически угнетенным поколением из всех когда-либо изученных. Джонатан Хайдт в книге *«Тревожное поколение»* (2024) приводит эпидемиологические данные: в период с 2010 по 2015 год показатели депрессии, тревожности, самоповреждений и самоубийств среди американских подростков выросли на 50–150%, в зависимости от показателя и демографической группы. Эти сроки точно совпадают с массовым распространением смартфонов и социальных сетей — но корреляция не означает причинно-следственную связь, и диагноз «Гармонистов» уходит гораздо глубже, чем технологический вектор.

Смартфон не создал эту пустоту. Он ее монетизировал. Поколению, которое уже было лишено всех традиционных структур смысла — религиозной общины, передачи знаний от поколения к поколению, воплощенной игры, детства без присмотра, обрядов перехода, непосредственной связи с природой — было вручено устройство, заменившее все это имитированной социальной средой, оптимизированной для показателей вовлеченности. Телефон заполнил пространство, которое когда-то занимала [«Колесо настоящего»](#). Алгоритм стал организующим интеллектом внимания — не [«Logos»](#), не [«Dharma»](#), не ритмы тела и земли, а искусственная петля обратной связи, спроектированная для максимизации времени, проводимого за экраном.

Результаты читаются в каждом клиническом наборе данных. Число посещений отделений неотложной помощи по поводу самоповреждений среди девочек в возрасте 10–14 лет утроилось в период с 2010 по 2020 год. Уровень самоубийств среди подростков в США достиг самого высокого уровня за последние десятилетия. Великобритания, Канада, Австралия и Скандинавия демонстрируют идентичные кривые. Это не американское явление. Это явление цивилизационное — оно наблюдается везде, где была принята западная институциональная модель, независимо от местной культуры, уровня благосостояния или политической системы.

Данные отражают конечные последствия того, что в книге *«Духовный кризис»* называется на онтологическом уровне: поколение, лишенное доступа к [«Колесу настоящего»](#), не имеющее навыков управления внутренними состояниями, лишенное космологии, придающей достоинство страданию, лишенное старших, прошедших этот путь до них, и лишенное посвящения в то, что значит стать взрослым. Телефон — это непосредственная причина. Опушение — конечная причина.

IV. Крах институционального доверия

Pew Research Center отслеживает доверие американцев к правительству с 1958 года. Эта траектория представляет собой график делегитимизации в масштабах цивилизации. В 1964

году 77% американцев заявили, что доверяют федеральному правительству и верят, что оно поступает правильно в большинстве случаев. К 2024 году эта цифра упала примерно до 22%. Это снижение не носит партийный характер — оно охватывает каждую администрацию, каждую партию, каждую эпоху. Оно носит структурный характер.

Но этот коллапс выходит далеко за пределы правительства. Доверие к СМИ, организованной религии, медицинскому сообществу, правовой системе, государственным школам и высшему образованию резко снизилось. Данные Gallup) показывают, что доверие американцев к четырнадцати основным институтам упало до исторического минимума в 2023 году. Конгресс: 8%. Телевизионные новости: 11%. Система уголовного правосудия: 17%. Крупный бизнес: 14%. В книге «

[Эпистемологический кризис](#)» анализируются механизмы, с помощью которых был захвачен институциональный эпистемический авторитет. Данные о доверии показывают, как население переживает этот захват на собственном опыте. Люди не доверяют институтам не потому, что граждане стали иррациональными, а потому, что институты стали недостойными доверия. Война в Ираке была оправдана сфабрикованными разведанными. Финансовый кризис 2008 года был вызван институциональной безрассудной политикой, и ни один из высших руководителей не сел в тюрьму. Фармацевтическая промышленность продвигала опиоиды как безопасные, хотя ее собственные данные свидетельствовали об обратном. Системы общественного здравоохранения неоднократно меняли свою позицию во время пандемии COVID-19, требуя при этом беспрекословного подчинения. Это не теории заговора. Это задокументированные факты.

Результатом является цивилизация, в которой ни одна институция не обладает достаточной легитимностью для координации коллективных действий во имя общего блага. [«Управление»](#) требует, чтобы управляемые верили, что управляющие действуют в соответствии с чем-то, выходящим за рамки фракционных интересов. Когда эта вера исчезает, управление деградирует до менеджмента — а менеджмент без легитимности деградирует до принуждения. Траектория от доверия к менеджменту и далее к принуждению является политическим выражением цивилизации, утратившей свой центр [«Дхармический»](#).

V. Капитуляция университета

На протяжении веков университет был институтом, ответственным за самопознание цивилизации. Его функция заключалась не в профессиональной подготовке — а в воспитании людей, способных понять, что такое цивилизация, чему она служит и как она может пойти не так. Берлинский университет Вильгельма фон Гумбольдта (1810) был явно основан на этом принципе: *Bildung* — всестороннее развитие личности через соприкосновение со знанием, а не подготовка специалистов.

Эта функция была полностью заброшена. В книге [«Будущее образования»](#) анализируется конструктивная альтернатива. А здесь — диагноз.

Современный западный университет претерпел три одновременных деградации. Во-первых, *эпистемологический захват*: гуманитарные и социальные науки были колонизирова-

ны постструктуралистскими парадигмами, отрицающими возможность существования истины, что сделало университет структурно неспособным передавать то цивилизационное наследие, для защиты которого он и был создан. Литературный факультет, который учит студентов, что тексты не имеют стабильного значения, не может передать мудрость, заложенную в этих текстах. Факультет философии, который рассматривает метафизику как историческую курьезу, а не как живое исследование, не может подготовить людей, понимающих, что такое реальность.

Во-вторых, *профессиональная редукция*: университет постепенно переопределялся как механизм выдачи дипломов для рынка труда. Студенты учатся не для того, чтобы стать образованными людьми, а для того, чтобы получить сертификат, необходимый для профессиональной занятости. Результатом является население с учеными степенями и без философской грамотности — технически подготовленное и экзистенциально беспечное.

В-третьих, *административная метастазировка*: соотношение администраторов и преподавателей в американских университетах за пятьдесят лет изменилось на противоположное. В период с 1976 по 2018 год число штатных администраторов и профессионального персонала выросло более чем на 160%, в то время как число штатных преподавателей увеличилось примерно на 30%. Учреждением теперь управляет управленческий класс, чьи стимулы направлены на самосохранение учреждения, а не на образовательную миссию. С 1980 года стоимость обучения выросла примерно в четыре раза быстрее, чем инфляция. Долг американских студентов сейчас превышает 1,7 триллиона долларов — сумма, превышающая ВВП большинства стран, — вытянутая из поколения в обмен на дипломы, стоимость которых снижается.

Цивилизационным следствием этого является появление класса номинально образованных людей, которым никогда не задавали вопросов, которые должен уметь задавать себе культурный человек: что такое хорошая жизнь? Что такое человек? Какова связь между личностью и космосом? Что такое справедливость? Какие обязательства живые имеют перед мертвыми и нерожденными? Это не вопросы на выбор. Это вопросы, ответы на которые составляют цивилизацию. Университет, который их не задает, не занимается образованием — он занимается переработкой.

VI. Атомизация общественной жизни

Книга Роберта Патнэма *Bowling Alone* (2000) зафиксировал крах американской общественной жизни — церковей, лож, общественных организаций, лиг по боулингу и волонтерских групп, которые составляли ткань сообщества с тех пор, как Токвиль впервые описал их в 1830-х годах. Четверть века спустя эта тенденция только усилилась. Центр исследований американской жизни сообщил в 2021 году, что число американцев, не имеющих близких друзей, увеличилось в четыре раза с 1990 года — с 3% до 12%. Число тех, у кого более десяти близких друзей, сократилось с 33% до 13%.

Эта тенденция распространяется по всему западному миру. Посещаемость церковей, членство в профсоюзах, участие в клубах, знакомство с соседями — все показатели вовлеченности в общественную жизнь снизились. В 2023 году главный санитарный врач США объявил

одиночество эпидемией общественного здравоохранения, последствия которой для здоровья сопоставимы с курением пятнадцати сигарет в день. Япония — опять же, культурно самобытная, но институционально вестернизированная — придумала целый словарный запас для этого явления: *хикikomори* (социальная изоляция), *кодokusи* (умирать в одиночестве и оставаться найденным), *манся* (не связанные с миром).

Новое определение человеческой личности Диагностирует философскую основу: либерально-индивидуалистическую антропологию, которая определяет человека как суверенного рационального агента, чья свобода заключается в отсутствии невыбранных обязательств. Это определение порождает именно то, что оно описывает — индивидуумов, освобожденных от всех связей, которые когда-то придавали жизни плотность и направление. Атомизированный человек — это полностью реализованный либеральный субъект: свободный, равный, независимый и одинокий.

Позиция гармонистов заключается в том, что люди — это не атомы. Они — узлы в живом поле отношений — то, что «**Архитектура Гармонии**» называет на цивилизационном уровне («родство» как один из одиннадцати институциональных столпов), а «**Колесо Гармонии**» отображает на индивидуальном уровне («**Отношения**» как один из семи столпов «Колеса»). Родство — это столп, а не аксессуар. Сообщество — это не предпочтение в образе жизни — это онтологическое требование. Цивилизация, которая структурно порождает изоляцию, не просто подводит своих граждан в психологическом плане. Она нарушает архитектуру того, что такое человек.

VII. Конвергенция

Каждый из этих сигналов — смерти от отчаяния, демографический коллапс, психологическое опустошение молодежи, делегитимизация институтов, отказ университетов от своих обязанностей, социальная атомизация — обычно анализируется в изоляции. Экономисты изучают рождаемость. Эпидемиологи изучают опиоиды. Социологи изучают одиночество. Психологи изучают психическое здоровье подростков. Политологи изучают доверие к институтам. Каждая дисциплина создает свою собственную литературу, свои собственные модели причинно-следственных связей, свои собственные рекомендации по политике. Ни одна из них не видит целое.

Диагноз «Гармонистов» заключается в том, что это не шесть отдельных проблем. Это шесть проявлений одного цивилизационного состояния: утраты «**Logos**» как организующего принципа коллективной жизни. Цивилизация, ориентированная на «космическую цель» (Logos), порождает институты, достойные доверия, потому что эти институты служат чему-то большему, чем собственное увековечение. Она порождает сообщества, потому что люди, связанные с космическим порядком, естественным образом стремятся к связи друг с другом. Она порождает детей, потому что цивилизация, знающая, для чего она существует, порождает волю к продолжению. Она порождает психологически устойчивую молодежь, потому что дети, воспитанные в рамках целостной космологии, обладают внутренней структурой, позволяющей выдерживать страдания. Она порождает подлинное образование, потому что цивилизация, серьезно относящаяся к своему наследию, воспитывает следующее по-

коление, чтобы оно несло его дальше. И она не порождает смертей от отчаяния, потому что отчаяние — это точная феноменологическая подпись жизни, оторванной от смысла, а смысл — это то, что дает «Logos».

В книге «[Западный разлом](#)» прослежена философская генеалогия. В этой статье собраны эмпирические доказательства. Остается конструктивный вопрос: как бы выглядела цивилизация, которая обратила бы вспять процесс опустошения? Этот вопрос входит в сферу компетенции «[Архитектура Гармонии](#)» — цивилизационного аналога «[Колесо Гармонии](#)», организованного вокруг «[Dharma](#)» в качестве центра, с одиннадцатью столпами в порядке от основания к вершине, определяющими институциональную анатомию коллективной жизни: Экология, Здоровье, Родство, Управление, Финансы, [Управление](#), Оборона, Образование, Наука и Технологии, Коммуникация, Культура.

Опустошение не является необратимым. Но его нельзя обратить вспять с помощью политики — потому что политика действует в рамках тех самых институтов, которые были опустошены. Его можно обратить вспять только путем переориентации отношения цивилизации к реальности: восстановления «[Logos](#)» (природы как основы коллективной жизни), восстановления «[Dharma](#)» (человеческого потенциала как меры институциональной легитимности) и воспитания людей, чье внутреннее развитие делает возможным подлинное самоуправление. Западу не нужно лучшее управление. Ему нужно вспомнить, для чего он существует.

См. также: [Западный разлом](#), [Духовный кризис](#), [Эпистемологический кризис](#), [Моральное перевертыш](#), [Новое определение человеческой личности](#), [Архитектура Гармонии](#), [Управление](#), [Будущее образования](#)

[Рекомендуем к прочтению](#) →

Tombstone — Superseded

THIS ARTICLE WAS DRAFTED AS *THE HOLLOWING OF THE ARAB SOUL* AND IMMEDIATELY SUPERSEDED by [The Hollowing of the Muslim Soul](#) within the same drafting session. The “Arab” framing was an axis error: the diagnosis is for **Muslims** (religion-axis), not for **Arabs** (ethnicity-axis); the Arab-civilizational orbit is the most acute manifestation of the severance but not the entire scope. The successor article addresses Muslims globally with differential intensity tracking across the major civilizational tracks (Arabic-civilizational orbit, post-Atatürk Turkic, Soviet-secularized Central Asia and Caucasus, post-socialist Balkans, South Asian, Indonesian-Malay, West African, East African, Hui Chinese, Iranian Shia, diaspora).

`audience: developer` excludes this file from the website build via `sync-content.sh`’s filter. Safe to physically delete from the Mac terminal:

```
rm "/Users/tahir/Documents/Vault/Harmonia/World/Diagnosis/The Hollowing of the A
```

No `.htaccess` redirect needed — this article was never deployed.

See [The Hollowing of the Muslim Soul](#).

The Hollowing of the Muslim Soul

A CIVILIZATION CAN LOSE ITS BODY AND KEEP ITS SOUL; IT CAN ALSO KEEP ITS BODY AND LOSE ITS soul. The Muslim world today has lost neither completely — but the asymmetry between what it inherits and what it currently transmits is severe across many of its territories, and the severance has a specific shape that the broader diagnosis of religious modernity has not fully named at the level of operational consequence for the Muslim seeker.

The inheritance is enormous. The Qur'anic revelation, the Prophetic *sunna*, the *fiqh* tradition, the philosophical inheritance from al-Kindī through al-Fārābī, Ibn Sīnā, al-Ghazālī, Ibn Rushd, al-Ṭūsī, and Mullā Ṣadrā, the *kalām* of al-Ash'arī, al-Māturīdī, and the later schools, the spiritual science of *taṣawwuf* — al-Ghazālī, Ibn 'Arabī, Rūmī, al-Shādhilī, al-Sirhindī, Shah Walī Allāh, Ibn 'Aṭā' Allāh, Aḥmad al-Tijānī — and the unbroken chains of transmission (*silsila*) reaching back to the Prophet through fourteen centuries: this constitutes one of the deepest civilizational inheritances any tradition has been given. The masters span the entire *umma*. Al-Ghazālī was Persian, Ibn Sīnā was Persian, Rūmī was Persian writing in Persian and Arabic, Ibn 'Arabī was Andalusī-Arab, al-Sirhindī was Indian, Niasse was Senegalese-Mauritanian, Bahā' al-Dīn Naqshband was Central Asian Tajik, al-Bukhārī was Central Asian, al-Tirmidhī was Central Asian, Aḥmad al-Tijānī was Algerian. Arabic is the sacred-language vehicle of revelation and *fiqh*; the practitioners and masters who carry the tradition span every region the *umma* has reached. [The Sufi Cartography of the Soul](#) articulates the cartography itself — the seven stations of the *naḥs*, the *latā'if*, the methods of *dhikr* and *murāqaba*, the horizon of *fanā'* and *baqā'*, the *insān kāmil*. The cartography is real, native to the Muslim inheritance, and one of the most thoroughly mapped interior anatomies in the human record.

What the Muslim today encounters when they encounter Islam is, in many institutional settings, something else. They encounter, depending on where they are, a religion of juridical observance shorn of contemplative depth, or a religion of identity-and-grievance shorn of practice, or a religion of state-managed bureaucratic conformity, or a religion of secular cultural-residue without operative metaphysics, or a religion under active state-secularist suppression, or a religion of literalist reformism that declares its own contemplative inheritance heretical. The cartography is not what most Muslims encounter as Islam. What most encounter is its outer shell — the form without the path the form was built to vehicle. This is the hollowing.

The diagnosis applies at differential intensity across the Muslim civilizational landscape. It is most acute in the Arabic-civilizational orbit (Maghreb to Gulf), where the Wahhabi-Salafi rupture originated and the post-Ottoman political fracture cut deepest. It was inflicted with comparable severity but differently shaped in the post-Atatürk Turkic track, where state secularism severed institutional Sufism by direct legal ban for over half a century. It was imposed at scale across the Soviet-secularized regions of Central Asia, the Caucasus, the Volga-Ural, and the formerly socialist Balkans, where seventy years of communist anti-religious policy produced its own version of the severance. It operates in different registers in South Asian Sunni Islam, where a

tripartite contest between Barelvi traditionalism, Deobandi reformism, and Salafi-Wahhabi penetration shapes the contemporary religious landscape. It is differently configured in Indonesian-Malay Islam, where the Nahdlatul Ulama tradition has resisted the Wahhabi pull more successfully than most. It runs along its own track in Sub-Saharan African Islam, where the Tijānī mass tradition of West Africa, the Qādirī tradition of East Africa, and other lineages have preserved the cartography at scale. It is differently positioned in Iranian Shia Islam, where the *ʿirfān* tradition within the post-1979 Islamic Republic carries paradoxes the Sunni regions do not face. The condition is one phenomenon at the *umma*-wide level. The mechanisms and intensities vary by region.

The Muslim seeking the depth of their inheritance — Amazigh-speaking Moroccan in the Boutchichiyya, Urdu-speaking Pakistani Chishti aspirant, Kurdish Naqshbandi-Khalidi practitioner, Hui Chinese descendant of the Naqshbandi-Khufiyya line, Bosnian Mevlevi initiate, Senegalese Tijānī under Niasse, Hadhrami in the Bā 'Alawī, Wolof in the Mouride tradition, Bengali Barelvi, Maghrebi diasporic in Paris encountering the Tijānī *zawiya* — faces the same structural question with regional variations: where does the depth live, why is it institutionally embattled, and how does one find or rebuild access to it.

Five compounding vectors of severance shape the contemporary condition: Wahhabi-Salafi reformist rupture, post-Ottoman and post-imperial political fracture, colonial-modernist overlay, communist secularization, and late-modern reconfiguration through 1979 and after. They operate at differential intensity across the major Muslim civilizational tracks. They make the Muslim case structurally distinct from the Western. And they shape the recovery path the *umma*'s own surviving resources permit — the lineages still living across multiple regions, the substrate preserved where institutional and political conditions allowed, the articulation through which the cartography can be re-encountered when the institutional vessels are out of reach.

I. The Inheritance

To diagnose the hollowing requires first naming what was filled. Muslim civilization, at its operating peak between roughly the eighth and seventeenth centuries, transmitted four interlocking forms of knowledge that together constituted one of the most comprehensive civilizational architectures ever assembled.

The first was the *exoteric*: the Qur'an as recited revelation, the Prophetic *sunna* as embodied exemplar, *fiqh* as the juridical structure of communal life, *kalām* as the dialectical defense of the creed against philosophical challenge. This dimension is the one that survives most visibly in contemporary mainstream Muslim life. It is real, it is necessary, and it is not the whole.

The second was the *intellectual*: a philosophical tradition running from the Greek and Indo-Iranian inheritances through al-Kindī, al-Fārābī, Ibn Sīnā, al-Ghazālī, Ibn Rushd, al-Ṭūsī, Mullā Ṣadrā — a tradition whose high-period work would become foundational for European scholasticism through Latin translation. This dimension was largely suppressed in the post-Ghazālīan Sunni Arab world, survived more vigorously in the Persian-Shia tradition through the

Isfahan school and the *ḥikma* lineage continuing into the present, and exists today in Sunni regions primarily as object of historical scholarship rather than as living inquiry.

The third was the *contemplative*: *taṣawwuf*, the science of interior purification, organized through the *ṭuruq* (orders) and transmitted through the *silsila*. [The Sufi Cartography of the Soul](#) articulates this at depth: the seven stations of the *naḥs*, the *latā'if* of the subtle anatomy, the operative methods of *dhikr*, *murāqaba*, *muḥāsaba*, and the terminal horizon of *fanā'* and *baqā'*. This is the dimension that has been most actively severed in the modern era and whose absence most defines the present hollowing across most Muslim regions.

The fourth was the *integrative*: the institutional architecture that held the three previous dimensions together — the *madrasa* system that transmitted classical learning, the *zāwiya* and *tekke* that housed contemplative practice, the *waqf* (religious endowment) system that provided material support across centuries, the relationship between rulers and *'ulamā'* that maintained the tension between political power and religious authority. This integrative architecture was the connective tissue. Without it, the three knowledge forms become disconnected fragments. Most of this architecture was destroyed, nationalized, or radically reconfigured during the long twentieth century — by Wahhabi state-violence in the Hijaz, by Atatürk's secularist legislation in Turkey, by Arab nationalist *waqf* dissolution, by Soviet anti-religious campaigns in Central Asia and the Caucasus, by socialist atheism in the Balkans, by Cultural Revolution destruction in Hui Muslim China, by colonial-modernist administrative reorganization across the dependent territories. What remains is partial, instrumentalized, and in many places hostile to its own deepest content.

The contemporary Muslim today inherits the *exoteric* form intact in most regions, the *intellectual* form as historical museum (Iranian Shia exception), the *contemplative* form fragmented and embattled at differential intensity by region, and the *integrative* architecture largely dissolved. What was a civilizational whole is now, across most of the *umma*, a hollowed shell with surviving fragments of depth visible to those who know where to look.

II. The Wahhabi-Salafi Rupture

The first and deepest cut in the modern severance was inflicted by the movement that emerged from central Arabia in the eighteenth century around Muḥammad ibn 'Abd al-Wahhāb (1703–1792). [The Sufi Cartography of the Soul](#) treats the structural mechanism in detail; the diagnostic point here concerns the rupture's character and its global reach.

Wahhabism was not a theological disagreement framed in scholarly language. It was a programmatic assault on the contemplative tradition, conducted with state power, executed through violence, and exported globally through petro-state finance. When Wahhabi forces, allied with the House of Saud, conquered the Hijaz between 1803 and 1925, they did not debate the Sufi orders — they destroyed them. The shrines of saints were razed across the peninsula. The cemetery of al-Baqī' in Medina, containing the graves of the Prophet's family and the earliest companions, was leveled in 1925, with Saudi forces returning to complete the destruction in 1926. The Jannat al-Mu'allā cemetery in Mecca, where the Prophet's mother was buried, was similarly destroyed. The *ṭuruq* operating in the Hijaz were closed, their masters expelled or killed, their

awrād (litanies) banned, their methods declared *bid'a* and *shirk* — innovation and idolatry, the gravest charges Islamic theology can level.

This was the inaugural pattern. The contemplative was framed as un-Islamic and erased through institutional violence. The framing was theological; the mechanism was force. By the late twentieth century, the export of this framing through Saudi-funded *madrasas*, publications, preachers, mosques, and student-scholarships across the Muslim world had reconfigured the global Islamic conversation. A movement that had been a marginal eighteenth-century desert reformism became, through the leverage of post-1973 oil revenue, the dominant institutional voice claiming to speak for “authentic” Islam from Morocco to Indonesia. The reach was effectively global. South Asian *madāris* on the Saudi model, Indonesian Salafi networks contesting the NU establishment, West African Salafi-jihadist movements challenging the Tijānī mass tradition, Bosnian Salafi influence after the 1992–95 war, post-Soviet Caucasian Wahhabism funded through Gulf NGOs, Filipino Mindanao Salafi movements — each represents the export of the original Arabian rupture into a different civilizational track, with differential effects on the local contemplative inheritance.

A generation raised within the Salafi frame in any of these regions inherits a religion in which the contemplative cartography is not merely absent but actively suspect. Veneration of saints is *shirk*. The *ṭuruq* are *bid'a*. Claims of spiritual transmission outside the literal text are presumed fraudulent. The interior science the masters mapped over a millennium is rendered, in this frame, either heretical or impossible. The cartography continues to exist; the institutional framing within which much of contemporary Muslim youth encounters Islam denies that the cartography even is what it claims to be. This is more than severance. It is severance accompanied by the assertion that nothing was severed — that what was destroyed was never genuine in the first place. The Wahhabi-Salafi vector is the spine of the global hollowing because it operates at the level of religious-institutional legitimacy, declaring what counts as Islam and what does not, and what counts as Islam in this frame excludes the cartography by definition.

III. The Post-Ottoman Fracture and the Atatürk Severance

In 1924, Mustafa Kemal Atatürk abolished the Ottoman caliphate. This was not a Turkish event. It was the dissolution of the political form that had embodied the *umma's* integrative unity for thirteen centuries. The Ottoman caliphate was not always strong, was sometimes nominal, was sometimes contested — but it existed. In 1924, it ceased to exist, and what replaced it was nothing.

For the Arab-speaking Muslim world, the replacement was the system of European-imposed mandates and post-mandate states established at Sykes-Picot (1916), San Remo (1920), and the subsequent Mandate decisions. The Arab world was divided into territories — Syria, Lebanon, Iraq, Transjordan, Palestine, Egypt nominally independent under British supervision, the Hijaz consolidated under Saudi rule — whose borders had been drawn by European powers serving European interests. None of these states corresponded to any pre-existing political form. Their populations had to construct national identities from scratch within colonial parameters. The Arab nationalist project across the twentieth century — Baathism in Syria and Iraq, Nasserism in

Egypt, the FLN in Algeria, Bourguiba's Neo-Destour in Tunisia — sought to construct a secular Arab modernity in which religious authority would be subordinated to the nation-state. The *waqf* system, which had provided endowed material support for *zāwīyat*, *madāris*, and Sufi *ṭuruq* for a millennium, was nationalized or dismantled across most of the Arab world during the twentieth century. In Egypt, the Nasser regime nationalized the *awqāf* in the 1950s. In Tunisia, Bourguiba dissolved them in the 1950s and 1960s. In Algeria after independence, similar measures followed. The financial substrate that had sustained contemplative practice across centuries was dissolved within a single generation.

For Turkey itself, the post-Ottoman trajectory was more violent and more total. Atatürk's 1925 Law No. 677 banned all Sufi orders, closed every *tekke* and *zāwīya* across the Turkish republic, prohibited the use of Sufi titles (*ṣūfī*, *darvīsh*, *ḥelebi*), banned the wearing of distinctive religious dress, and made membership in any *ṭarīqa* a criminal offense. The Mevlevi order — the order of Rūmī, with its center at Konya, transmitting one of the most refined contemplative traditions in any civilization — was outlawed. The Bektashi tradition, deeply integrated with the Janissary corps and Anatolian popular religion for five centuries, was outlawed. The Naqshbandiyya, the Khalwatiyya, the Qādiriyya, every active *ṭarīqa* in the Turkish lands was forced underground. The Hagia Sophia was museumified in 1934. The '*ulamā*' establishment was dissolved and replaced by a state Religious Affairs Directorate (*Diyanet*) under direct cabinet authority. Arabic script was replaced with Latin in 1928, severing the next generations from direct access to the classical religious-philosophical-Sufi inheritance.

The contemplative tradition in Turkey did not die. It went underground for fifty-five years. Naqshbandi networks transmitted in private homes, in coded language, through family lines that maintained the *silsila* without public *ṭarīqa* form. The Mevlevi tradition was preserved by individual *postnīshīn* shaykhs and a handful of practitioners across decades when public *samā*' (the whirling ceremony) was illegal. From 1980 forward — under the post-coup political-economic restructuring and increasingly under Özal and Erdoğan's governments — the prohibitions were progressively relaxed and Sufi institutions returned to public life. But the recovered tradition was not identical to what had been suppressed. Fifty-five years of underground operation, partial transmission, and selective survival had produced a different shape. The contemporary Turkish Sufi landscape includes the surviving classical lineages, the Erdoğan-era political-Islamist religious revival (which is not synonymous with the Sufi inheritance and in some respects has its own tensions with classical *ṭarīqa* practice), and various contemporary figures whose claims to the *silsila* span the genuine to the dubious. Turkey's case demonstrates that a contemplative tradition can survive direct legal suppression for half a century, but the survival is bought at a cost the tradition will continue to pay for generations.

IV. The Colonial-Modernist Overlay

Compounding the post-Ottoman and post-imperial fractures was the colonial-modernist overlay imposed across Muslim-majority territories from the late nineteenth century forward. The British in India (consolidated from 1857), Egypt (from 1882), Iraq (from 1920), and across the Gulf and Malaya. The French in Algeria (from 1830), Tunisia (from 1881), Morocco (from 1912), and Syria-Lebanon (from 1920). The Dutch in the East Indies (from the seventeenth century, intensifying in

the nineteenth). The Italians in Libya (from 1911) and briefly in Somalia. The Russians, then Soviets, in Central Asia and the Caucasus from the eighteenth century onward, with the Soviet phase representing a categorically different mechanism treated separately below. Each colonial regime brought its own institutional and intellectual architecture, but each produced a comparable result: the formation of a local elite educated in European frames and operating within institutional structures designed to integrate the colonized population into European-then-American economic and security systems.

This elite became the engine of post-independence state-building. Atatürk's republican modernization in Turkey, Bourguiba's domestication of Tunisian Islam, Nasser's instrumentalization of al-Azhar, the Pahlavi dynasty's modernization in Iran, Sukarno's secular nationalism in Indonesia, Jinnah's lawyer-modernist Pakistan, the FLN technocracy in Algeria — these were the products of European-modernist education applying European-modernist categories to the reorganization of formerly Ottoman or formerly colonized Muslim societies. Their religious policy ranged from Atatürk's frontal assault to Bourguiba's controlled secularization to Nasser's instrumentalization to Sukarno's Pancasila pluralism to the Pahlavi promotion of pre-Islamic Persian identity. The common feature was that religious authority, including contemplative religious authority, was made to serve the modernizing nation-state's project, not the other way around.

Within this configuration, the religious-reformist projects that emerged from each region occupy specific structural positions. In Egypt and the Arab Mashriq, the *Salafīyya* current of Muḥammad 'Abduh (1849–1905) and Rashīd Riḍā (1865–1935) sought a synthesis of Islamic learning with Western rationalism, defending Islam against Orientalist critique while modernizing its juridical and intellectual practice; the trajectory across the twentieth century was not synthesis but progressive convergence with the harder Salafism emerging from the Arabian peninsula. In British India, Sayyid Ahmad Khan founded Aligarh Muslim University in 1875 on rationalist-modernist lines, while the Dār al-'Ulūm Deoband (founded 1866) pursued classical-traditionalist preservation with Salafi-leaning theological positions, and the Bareilvi movement (Aḥmad Riḍā Khān Bareilvī, late nineteenth century) defended the contemplative- veneration tradition against the Deobandi-Salafī current. In the Dutch East Indies, the *Muhammadiyah* (1912) emerged as modernist-reformist and the *Nahdlatul Ulama* (1926) as traditional-Sufi-resistant — the most institutionally successful traditional defense of contemplative tradition in any modern Muslim region, owing partly to colonial-Dutch policy that stayed largely uninvolved with internal Muslim institutional life. In Persia, Reza Shah (r. 1925–1941) imposed an aggressive secular modernization including the forced unveiling of women in 1936 and the suppression of Sufi orders, but the *'irfān* tradition within Shia *ḥawza* networks (especially in Najaf and Qom) maintained its institutional integrity through the period because of its embedding in Shia clerical training rather than in independent *ḥarīqa* structures.

The result across the colonial-modernist landscape was a religious topology in which the Muslim seeking depth was offered a constrained menu: state-bureaucratic Islam compromised by its instrumentalization, Salafi-reformist Islam excluding the contemplative tradition by ideological commitment, modernist-rationalist Islam concerned more with apologetics than with depth, and the increasingly attenuated *ḥarīqa* tradition operating under pressure from the others. The specific configurations varied — Indonesian NU more preserved than Egyptian Sufism, South

Asian Barelvi more populist than Maghrebi tariqa-aristocracy, Turkish recovered Sufism politically charged in ways the West African Tijānī mass is not — but the structural pattern obtained across the colonial-modernist territories with depth-loss as the common consequence.

V. The Communist Severance

A categorically different mechanism operated across the Muslim populations under twentieth-century communist regimes. From 1917 in the formerly Russian-imperial territories and 1945–67 in the Balkans, Muslim communities experienced sustained state-secularist anti-religious campaigns whose scale and duration exceeded any other vector in the modern history of Islam.

In the Soviet Union, the period from 1925 through 1941 saw the systematic dismantling of Muslim institutional life across Central Asia (Uzbek, Kazakh, Tajik, Turkmen, Kyrgyz Soviet republics), the Caucasus (Azerbaijan, Dagestan, Chechnya, Ingushetia), the Volga-Ural region (Tatar and Bashkir lands), and Crimea. The *Hujum* campaign (1927–1941) targeted Muslim women’s veiling through coordinated state mobilization. Mosques were closed at scale — by some estimates, of approximately 26,000 mosques operating in 1917, fewer than 1,000 remained legally functioning by 1941. The *madrasa* system was effectively destroyed. *Waqf* properties were nationalized. The Stalin purges of 1936–1939 executed Muslim scholars, Sufi shaykhs, and traditional jurists in the thousands. The Bukharan and Samarkand traditions of classical Islamic learning, which had been continuous transmission centers for over a millennium, were broken. The Naqshbandi tradition in Soviet Tajikistan and Uzbekistan went underground; the so-called “underground Naqshbandiyya” (*Naqshbandiyya-i Khufiyya* in some accounts) maintained operational transmission through coded teaching, family-line transmission, and informal *zīkr* circles in private homes for decades.

After the Second World War the Soviet regime relaxed its most violent anti-religious posture but maintained tight institutional control. A small number of state-approved mosques and one *madrasa* (Mir-i Arab in Bukhara) operated under direct supervision. The Spiritual Administration of Muslims of Central Asia, headquartered in Tashkent, served as the institutional channel through which acceptable Islam was permitted to function. Outside this framework, religious practice was either underground or illegal. The Muslim populations of the Soviet Union experienced seventy years of this configuration. By 1991, the institutional damage was profound — generations had grown up without classical religious education, the *silsila* transmissions had become attenuated, and the surviving traditions operated on reduced foundations.

Post-Soviet recovery has been uneven and largely state-controlled. Karimov’s Uzbekistan banned non-state Islam outright; tens of thousands of Muslims were imprisoned for unauthorized religious practice. Tajikistan after its civil war (1992–1997) imposed similar restrictions. Kazakhstan and Kyrgyzstan permitted somewhat broader practice but under tight state oversight. The Caucasus saw distinct trajectories: post-Soviet Chechnya under Ramzan Kadyrov has promoted a state-aligned version of the Qādirī tradition (descended from Kunta-Hajji Kishiev’s nineteenth-century lineage) while suppressing Salafi and unaffiliated Islamic practice. Dagestan has the densest concentration of post-Soviet Sufi recovery in the Russian Federation, with Naqshbandi-Shadhili lineages under Said Afandi al-Chirkawi (assassinated 2012) and his successors maintaining transmission while contesting Salafi-jihadist insurgency. The Volga-Ural

Tatar tradition, including the Naqshbandi-Mujaddidi line through such figures as Zaynullah Rasuli (d. 1917), survives on a reduced base.

A parallel pattern operated across the formerly socialist Balkans. Hoxha's Albania declared itself the world's first atheist state in 1967 and outlawed all religion. The 1,608 mosques, *tekkes*, and churches operating in 1967 were closed. The Bektashi headquarters, Albania's distinctive contribution to the global Sufi heritage and the Bektashi center for the world, was shuttered; the Bektashi tradition survived primarily in diaspora. Bosnian Muslims under Yugoslav socialism experienced a less violent but still constrained religious life; their tradition recovered institutional presence after 1991, though the 1992–95 war produced its own distortions including the entry of Saudi-funded Salafi networks during and after the war. Kosovar and Macedonian Muslim communities faced comparable conditions. Across the Balkans, the Sufi tradition (Naqshbandi, Khalwati, Bektashi especially) survived but on reduced foundations.

The Chinese case represents a structurally analogous severance vector with distinct regional features. The Cultural Revolution (1966–1976) destroyed Hui Chinese-Muslim heritage at scale: mosques shuttered or repurposed, *imāms* forced into manual labor, classical texts destroyed, the Naqshbandi-Khufiyya and Naqshbandi-Jahriyya traditions of the Northwest Hui regions severely damaged. Recovery from 1978 forward proceeded with state oversight but allowed reconstruction. The contemporary Xinjiang situation (intensifying from 2014–2017) represents a different configuration — direct state assault on Uyghur religious practice through mass internment, *madrasa* closures, mosque demolitions, and forced cultural assimilation — with consequences for the Uyghur Naqshbandi-Khufiyya tradition that may rival the Soviet 1930s in eventual scale.

The communist severance differs from the Wahhabi-Salafi rupture in mechanism — secular-atheist state violence rather than religious-reformist institutional pressure — but produces a comparable result. The contemplative cartography is severed from accessible institutional life; surviving lineages operate underground or at the margins; recovery requires reconstruction from reduced foundations. The post-communist generation in Central Asia, the Balkans, and Hui China inherits a religious tradition whose contemplative depth requires deliberate seeking against institutional headwinds different from but structurally analogous to those facing the Sunni Arab Salafi-frame inheritor.

VI. The Late Modern Reconfiguration

Four hinge events of the late twentieth and twenty-first centuries each compounded the severance globally, producing the configuration the contemporary Muslim worldwide inherits.

The 1979 Iranian Revolution introduced revolutionary Shia Islamism as a major regional force and triggered Saudi Arabia's response: an acceleration of global Wahhabi export to counter Iranian influence, financed by post-1973 oil revenue. The next four decades saw Saudi-funded *madrasas*, mosques, publications, and preachers spread across the Muslim world from Morocco to Indonesia, embedding Salafi assumptions into institutional Islam at scale never before possible. The Sufi orders, caught between Sunni-Salafi and Shia-revolutionary poles neither of which had cartographic depth as central commitment, lost institutional space across the entire Sunni world. The competition between Tehran and Riyadh for the *umma's* allegiance was not a

contest between two contemplative traditions; it was a contest between two political-revolutionary frameworks each of which marginalized the cartographic dimension in different ways.

The 1979–1989 Soviet-Afghan War provided the operational vehicle for the militarization of the Salafi current. The Saudi-American-Pakistani partnership that funded, armed, and ideologically shaped the *mujāhidīn* produced a generation of fighters trained in a Salafi-jihadist register, with Pakistani Deobandi *madāris* providing much of the ideological infrastructure. The earlier synthesis of warrior tradition with contemplative authority — Imam Shamil of Dagestan in the nineteenth century operating from a Naqshbandi-Khalidi base, ‘Abd al-Qādir al-Jazā’irī’s anti-French resistance grounded in Akbarian metaphysics, the Mahdi of Sudan within a Sufi-reformist frame, the Ottoman *Naqshbandiyya-Mujaddidiyya*’s defense of Anatolia, the Chechen Sufi resistance of Kunta-Hajji and his successors — was structurally absent from the new global jihadism, in which the Salafi rejection of Sufism was constitutive. Combat tradition that had once been one register of contemplative civilizational defense became something else: an ideologically literalist movement whose theology of action was structurally unable to articulate the cartography it had cut itself off from. Post-Afghan-war exports — al-Qaeda, the Algerian Civil War 1990s, the spread of Salafi-jihadism through Bosnia, the Caucasus, Yemen, and eventually ISIS — represent the diffusion of this configuration.

The Arab Spring of 2010–2012 and its failure marked the political exhaustion of the available Arab-civilizational political vocabularies. The brief flowering of hope in Tunisia, Egypt, Libya, Syria, Yemen, and Bahrain dissolved into civil war, military coup, or counter-revolutionary restoration. The contemplative question — what would a renewed Muslim civilizational order serve, and on what spiritual ground — was not asked at the level of mass political consciousness, because the categories available were liberal-democratic, Islamist (in Brotherhood-electoral or Salafi-militant variants), or military-secularist. None of these categories operates from a register at which the cartography of the soul is the ground of political form. The Arab Spring’s failure was not principally the failure of liberalism or of Islamism. It was the failure of any available political vocabulary to articulate what a Muslim civilization renewed at depth would actually be.

ISIS (2014–2019) and its global recruitment constituted the terminal expression of the late-modern Salafi-jihadist trajectory. A movement declaring a caliphate, executing Sufis publicly, destroying the shrines of Yūnus and other Prophets in Mosul, demolishing the al-Qubba al-Khaḍrā’ in Aleppo, dynamiting the temple of Bel and the Arch of Triumph at Palmyra, exporting terrorism globally and recruiting fighters from every Muslim-majority country and from Western diasporas. ISIS was destroyed militarily, but the conditions that produced it were not reversed. Salafi-jihadism remains the most globally recognizable form of Islam to most Western observers — which produced the post-9/11 securitization that further constrained Muslim religious life everywhere. Every Muslim-majority country and most Western states with Muslim populations now operate within a counter-terror security architecture in which religious institutions are surveilled, religious authority is co-opted into “moderate Islam” frameworks compliant with state and Western security interests, and the Sufi orders — which the security state often nominally favors as moderate alternatives to Salafism — find themselves instrumentalized by the very state apparatus that originally suppressed them. Instrumentalization is not preservation. A *ṭariqa* whose existence is permitted because it serves the security state’s narrative is not a *ṭariqa*

operating in the integrative architecture the contemplative tradition requires. It is something else, wearing the form.

The Chinese state's intensifying repression of Uyghur Muslims from 2017 forward — mass internment, forced cultural assimilation, mosque demolitions, restrictions on religious practice extending to the Hui regions and to other Muslim minorities — represents the contemporary frontier of the state-secularist severance pattern, operating now under Xi Jinping's hardened Sinicization policy.

VII. The Differential Picture

The compounding vectors do not affect every Muslim region equally. Mapping the differential intensity is essential for the practitioner: the lineages still living, the substrates still preserved, the conditions for recovery vary by region, and the operational specifics of the recovery path differ accordingly.

Most severely hollowed at the institutional level: Saudi Arabia and the Gulf states (institutional Salafi-Wahhabi dominance, Sufi tradition operating only under tight constraints when permitted at all), post-Asad Syria (the Damascus and Aleppo Sufi networks devastated by the war), Iraq's Sunni regions (decades of war and Salafi-jihadist destruction), Soviet-era Central Asia (institutional Islam shattered for seventy years, recovery state-controlled), post-2014 Xinjiang (active repression of Hui and Uyghur Muslim institutional life), Hoxha-era Albania before 1991 (total atheist-state suppression, partial recovery since).

Severe but with significant survival: Egypt (state-bureaucratic Islam plus Salafi pressure, but al-Azhar's post-2013 defense of the Sufi tradition and the surviving Sayyid al-Badawī, Naqshbandī-Khalwatī, and Shādhilī-Yashruṭī networks remain institutionally active), the Maghreb outside Morocco (Algeria's Sufi tradition under FLN pressure but partially recovering, Tunisia's tradition damaged by Bourguiba), much of post-Atatürk Turkey before the 1980 recovery, Wahhabi-penetrated regions of South Asia, Bosnia after the 1992–95 war.

Substantial preservation: Morocco (the most preserved Sufi-Maliki substrate in the Arab world, with the Boutchichiyya, Tijāniyya, Shādhiliyya, Darqāwiyya, and other orders institutionally living), Mauritania (the *Maḥāḍir* of the Trārza and Adrar regions transmitting both classical jurisprudence and Sufi cartographic practice), Indonesia within the NU institutional structure (the world's largest Sunni traditional organization, ~95 million affiliates, preserving classical Shafī'i fiqh integrated with Sufi tradition through the *pesantren* network), Pakistan within the Bareilvi mass (the largest Sunni populist tradition defending contemplative-veneration practice), West African Tijānī through the Niasse line (tens of millions of practitioners across Senegal, Mauritania, Mali, Nigeria, Ghana, and the West African diaspora), Senegalese Mouride (Cheikh Ahmadou Bamba's distinctive tradition, deeply embedded in Senegalese national identity), the Bā 'Alawī networks centered on Tarim in Yemen and globally distributed.

Distinct track preserved: Iranian Shia *'irfān* within the post-1979 Islamic Republic. The configuration is paradoxical. The Islamic Republic is a state-theocratic regime whose foreign policy is regional-revolutionary and whose internal political life is contested. But its institutional

preservation of the classical *ḥikma* tradition (Mullā Ṣadrā's *al-ḥikma al-muta'āliya*, the Isfahan school, contemporary figures like Hasan Hasan Zadeh Amoli, the late Allameh Tabatabaei whose *Tafsīr al-Mizān* and *irfān* writings remain foundational, Ayatollah Khomeini's own *irfān* training under Mirza Mohammad Ali Shahabadi) is, in raw scholarly-institutional terms, more robust than the corresponding philosophical-mystical preservation in most Sunni regions. The state's Shia identity has produced a configuration in which the philosophical-mystical inheritance is institutionally protected (in the *ḥawza* training in Qom and Mashhad, the *ta'wīl* tradition of the *ahl al-bayt*, the contemporary publishing of classical *irfān* texts) while the political consequences of the regime's other policies remain contested. For the practitioner concerned with the cartography itself, the Iranian Shia track has preserved more than most Sunni regions, even as its political configuration produces distortions of its own.

The differential picture matters because it reframes the recovery question. The question is not "is Islam hollowed?" but "where is the cartography accessible to me, given my regional and civilizational location?" The Maghrebi practitioner has different proximate access points than the South Asian Bareilvi inheritor than the Indonesian NU member than the Bosnian recovering Naqshbandi than the Iranian *irfān* student. The structural diagnosis is one; the operational paths are differentiated.

VIII. The Asymmetry with Western Severance

[The Hollowing of the West](#) traces the analogous condition in Western civilization — the institutions standing, the substance evacuated. The asymmetry between the Western and Muslim hollowings must be marked precisely, because conflating them produces analytical error and forecloses the recovery paths each civilization actually requires.

Western severance has been largely passive. Nominalism's late-medieval severing of universals from reality, the Reformation's rejection of contemplative monasticism, the Enlightenment's reduction of religion to private opinion, the secular drift of late modernity — each was a slow philosophical and institutional movement, often without dramatic violence, in which the contemplative was marginalized and forgotten rather than actively destroyed. The Hesychast tradition continued unbroken on Mount Athos. The Carmelite tradition continued through Teresa of Ávila, John of the Cross, and their successors into the present. The Cistercian, the Trappist, the Quaker contemplative, the Anglican mystic — all survived. A Western seeker today has paths. The paths require initiative to find, but they exist, they are stably institutional, and they are not under active assault from the religious establishment of the seeker's own civilization.

Muslim severance has been largely active. Wahhabi-Salafi destruction of shrines and *ṭuruq* over two centuries, Atatürk's direct legal ban on all Sufi orders for fifty-five years, Soviet anti-religious campaigns across Central Asia and the Caucasus for seventy years, Hoxha's total atheist-state suppression in Albania, Cultural Revolution destruction in Hui China and ongoing Xinjiang repression, the post-1979 reconfiguration that pinched the surviving Sunni lineages between revolutionary Shiism and exported Wahhabism, the post-9/11 securitization that surveilled and instrumentalized whatever remained — this is a more concentrated, more recent, and more thorough rupture than anything the Western contemplative tradition faced. The closest Western

analogues are the dissolution of the monasteries under Henry VIII (1536–1541), the French Revolution’s anti-clerical violence (1789–1794), and the Soviet anti-religious campaigns themselves where they affected Russian Orthodox tradition. Each was severe; none was sustained for two centuries of continuous structural pressure layered through five distinct vectors as the Muslim contemplative tradition has faced.

A second asymmetry compounds the first. Western civilization, despite its hollowing, retains structural openness to inquiry. A seeker who locates the Hesychast tradition or the Carmelite tradition or the Cistercian can study and practice without facing institutional sanction from any religious or political authority. Muslim civilization in many of its territories does not retain comparable openness. To articulate the Sufi cartography in much of the contemporary Muslim world is to take a position within an active religious-political conflict — to defend it against Salafi critique, to position oneself relative to state-bureaucratic religious authority, to navigate security-apparatus assumptions about who one is and what one might be doing, to choose between contested *ṭarīqa* lineages whose mutual delegitimation has been intensified by the late-modern reconfiguration. The fish has no clean water. Even the surviving lineages must operate inside an environment whose institutional categories presume their illegitimacy in many places.

A third asymmetry concerns the relation between exoteric form and contemplative depth. Christendom, broadly, has lost much of its exoteric form alongside its contemplative depth — church attendance has collapsed across Europe, the institutional Church’s authority has dissolved, the sacramental rhythms that ordered ordinary Christian life have weakened. The Muslim exoteric form remains intact across most regions. Mosque attendance is high, Ramadan observance is widespread, the *fiqh* tradition is institutionally robust, the Qur’anic recitation is at every wedding and funeral. But the cartography is largely absent from this vibrant exoteric life across most Sunni regions. The form continues without the path the form was built to vehicle. The Western form has hollowed visibly; the Muslim form is hollow invisibly across much of the *umma*, beneath an exoteric surface that masks the absence.

This third asymmetry produces a specific psychological condition for the contemporary Muslim. The form continues to claim them while the form’s contemporary articulation in many institutional settings excludes the depth their tradition once held. They are not free of Islam in the way the post-Christian Westerner is free of Christianity. They are bound to a form whose institutional voices in many contemporary settings disagree with the cartography their tradition transmitted. The Western post-Christian can leave Christianity and seek elsewhere. The Muslim seeking the cartography is in the structurally more difficult position of needing to recover what is theirs from inside a religious establishment that, in many settings, denies that what they seek is genuine Islam at all.

IX. The Living Substrate

The cartography is not gone. The recovery path begins from acknowledging where it survives — and it survives in specific places, with specific lineages, accessible to those who seek with seriousness. The geographic distribution is wider than the diagnosis of severance might suggest.

Morocco preserves the most intact Sufi-Maliki substrate in the Arab world. The integrative architecture that the rest of the Arab world largely lost was, in Morocco, partially preserved by three structural features: the relative autonomy of Moroccan religious life from Saudi-Salafi institutional pressure (Morocco maintains its own religious authority through the institution of *Amīr al-Mu'minīn*, Commander of the Faithful, held by the King), the embedding of Sufi orders in Moroccan national identity at every level, and the survival of *zāwiya* networks across the country. The Boutchichiyya under Sidi Hamza al-Qādirī al-Boutchichi (d. 2017), centered at Madagh in the Beni Snassen Berber region, produced a generation of contemporary Moroccan intellectuals trained in both classical Islamic learning and Sufi practice. The Tijāniyya is institutionally enormous across the Maghreb. The Shādhilī, the Darqāwī, the Nāsirī, the Wazzāniyya — all continue.

Mauritania preserves the *Maḥāḍir*, the traditional learning circles of the Trārza and Adrar regions, which transmit both classical jurisprudence and Sufi cartographic practice at high level. Mauritanian scholarship produces classically trained '*ulamā'* whose authority is recognized across the Sunni world, and whose training preserves the integration of *fiqh*, *taṣawwuf*, and classical Arabic letters that has been broken elsewhere.

West Africa holds the Tijānī line through Shaykh Ibrāhīm Niasse (1900–1975), extending from Senegal-Mauritania across Mali, Nigeria, Ghana, and the West African diaspora with millions of practitioners. The Niasse-Tijānī tradition is one of the largest contemporary Sufi networks anywhere in the world. The Mouride tradition of Senegal, founded by Cheikh Ahmadou Bamba (1853–1927) during French colonial repression, transmits a distinctive Sufi-economic-civilizational integration deeply embedded in Senegalese national life. The mass scale of West African Sufi practice — easily tens of millions of active practitioners — represents the largest single Sunni Sufi-mass-tradition globally and operates with less Salafi penetration than most other regions.

Egypt has, despite intense Salafi pressure since the mid-twentieth century, retained an institutionally active Sufi tradition. The annual *mawlid* of Sayyid al-Badawī in Tanta draws millions. The Naqshbandiyya-Khalwatiyya and Shādhiliyya-Yashruṭiyya lineages persist. After 2013, al-Azhar under the leadership of Shaykh Aḥmad al-Ṭayyib has explicitly defended the Sufi tradition against Salafi attack, though this defense operates within state-bureaucratic parameters.

Yemen preserves, in the Bā 'Alawī *ṭarīqa* of the Ḥaḍramawt, traced to the Prophet through Ḥusayn ibn 'Alī, one of the most globally distributed Sufi transmissions in any language. The Bā 'Alawī shaykhs operate from the city of Tarim (called “the city of light”) across Indonesia, Malaysia, the Gulf, East Africa, and increasingly the Western diaspora. Habib 'Umar bin Ḥafīz's Dār al-Muṣṭafā institute in Tarim has, since its founding in 1993, transmitted the cartographic tradition to thousands of students from across the *umma* in Arabic at high classical level, with operational integration of *fiqh*, *taṣawwuf*, and prophetic ethics. Habib 'Umar's network reaches every continent.

Turkey, after fifty-five years of legal suppression, has reconstructed public Sufi presence since 1980. The Mevlevi tradition operates publicly again at Konya and through diaspora networks. The Naqshbandiyya in its various branches (Khalidiyya, Mujaddidiyya, Iskenderpaşa) operates widely,

though with the political-Islamist coloring contemporary Turkey carries. The Cerrahi-Halveti tradition preserves a refined classical lineage. The Turkish recovery is real but cannot be confused with what was suppressed; the contemporary form bears the marks of its underground period and its political-religious context.

South Asia carries enormous contemplative inheritance. The Chishti tradition, with its central shrine at Ajmer (the *dargāh* of Khwāja Mu‘īn al-Dīn Chishtī, d. 1236), continues across India, Pakistan, and Bangladesh; the Chishti-Sabiri-Nizami networks transmit through living teachers including those associated with the Nizamuddin *dargāh* in Delhi. The Naqshbandiyya-Mujaddidiyya through Shah Walī Allāh’s lineage in Delhi continues through several streams. The Qādiriyya through descendants of ‘Abd al-Qādir al-Jīlānī’s family lines. The Bareilvi tradition (institutionally led by figures associated with Bareilly Sharif and across the Pakistani Sunni *bareilvi* networks) preserves the contemplative-veneration tradition at populist mass scale. South Asian Sufi tradition is contested by Deobandi reformism and Salafi-Wahhabi penetration but remains institutionally enormous.

Indonesia and Malaysia, through the Nahdlatul Ulama (NU) institutional structure in Indonesia (~95 million affiliated, the largest Sunni traditional organization globally) and analogous traditional networks in Malaysia, preserves a Shafi‘i fiqh integrated with Sufi tradition through the *pesantren* (Islamic boarding school) network. The NU is institutionally robust, doctrinally articulate (its *Aswaja – Ahl al-Sunnah wa-l-Jamā‘ah* – articulation is a sophisticated traditional defense against both Salafi reformism and secular modernism), and culturally embedded across the Indonesian archipelago. The Indonesian case is the most institutionally healthy traditional Sunni preservation in any major Muslim region. The various *ṭarīqa* networks operating within and alongside NU – Naqshbandi, Qādirī, Shādhilī, Tijānī, Khalwati – have public practice.

The Caucasus and post-Soviet regions show partial recovery. Dagestan has the densest Sufi institutional life in the Russian Federation, with Naqshbandi-Shadhili lineages and substantial *zikr* practice. Chechnya operates a state-aligned Qādirī-Kunta-Hajji tradition. Central Asian recovery is more constrained by state controls but underground transmissions continue, with diaspora networks (especially in Turkey, Saudi Arabia, the Gulf, and the West) sustaining what state restrictions limit.

The Balkans – Bosnia, Albania, Kosovo, Macedonia – have rebuilt institutional Sufi presence since 1991. The Naqshbandi tradition has post-war presence in Bosnia. The Bektashi has reconstructed its global headquarters in Tirana. The Khalwati and Mevlevi traditions operate at smaller scale. The Balkan revival is real though smaller in scale than the historical pre-suppression configuration.

East Africa preserves the Qādiriyya in Somalia (despite the al-Shabaab insurgency’s anti-Sufi violence), the Sudanese Sufi orders (Khatmiyya, Sammāniyya, Burhāniyya – operating despite political turbulence), and the Swahili-coast traditions in Kenya, Tanzania, and the Comoros. The Comorian and Madagascan Bā‘Alawī networks connect to the Yemeni transmission line.

Hui China retains the Naqshbandi-Khufiyya and Naqshbandi-Jahriyya traditions in the Northwest (Gansu, Ningxia, Qinghai), diminished by the Cultural Revolution but with ongoing

state-managed institutional presence. The Uyghur traditions of Xinjiang are under acute repression at present.

The Iranian Shia track preserves *ʿirfān* through the *hawza* training in Qom and Mashhad, the Allameh Tabatabaei lineage, the contemporary work of figures like Hasan Hasan Zadeh Amoli, and the publishing infrastructure for classical *ʿirfān* texts. The institutional preservation is paradoxical (operating within a regime whose other policies are contested) but real.

The diaspora presents a paradox across all these traditions. Many contemporary Muslim cartographic transmissions have found greater institutional space in the Western diaspora than in their countries of origin. Habib ʿUmar’s Bā ʿAlawī networks, the Boutchichiyya, the Tijāniyya, the Chishti, the Naqshbandi in its various branches, the NU diaspora, the Bektashi and Mevlevi in their European and American branches — all operate with a freedom in the Western diaspora that they often lack at home. A Muslim born in the diaspora may have easier institutional access to the cartographic tradition of their inheritance than one born in much of the contemporary Muslim heartland.

X. The Way of Recovery

What does a Muslim seeking the depth of their tradition do, today, inside the condition diagnosed above?

First, name the inheritance. The cartography is yours. Not someone else’s, not the East’s, not the West’s borrowed wisdom — yours, by inheritance, transmitted through fourteen centuries of unbroken chains across the *umma*. The Sufi tradition is the Muslim articulation of the same interior territory the Indian, Chinese, Andean, Greek, and Christian traditions also map. To return to it is not departure from Islam. It is return to the depth Islam was structured to vehicle. The Salafi claim that *taṣawwuf* is foreign to authentic Islam is historically false. Al-Ghazālī’s *Iḥyāʾ ʿUlūm al-Dīn* — the most influential single work in the Sunni tradition after the Qurʾān — is a contemplative-cartographic text written by the most authoritative scholar of his age. The cartography is not foreign to Islam. The framing that says it is foreign is what is foreign — a three-century-old reformist movement projecting its claims backward across a millennium of contrary evidence.

Second, find the lineage where it lives. The orders are not fictional. The Boutchichiyya, the Bā ʿAlawiyya, the Shādhiliyya, the Tijāniyya, the Naqshbandiyya in its various branches, the Chishtiyya, the Mevleviyya, the Qādiriyya, the Khalwatiyya, the Bektashiyya, the Mouridiyya — all transmit. The mass scale of practitioner participation across regions runs into the tens of millions. Distance, language, family politics, and security concerns may make access difficult but rarely impossible for someone who genuinely seeks. The internet age has made identification of authentic teachers easier than at any time since the lineages were globally distributed. The criterion for authenticity is the *silsila* — a verifiable chain of transmission to the Prophet through teachers each of whom was authorized by their own teacher. A teacher with no *silsila* is a theorist; a teacher with a fabricated or interrupted *silsila* is a fraud; a teacher within a verifiable chain is, at minimum, in a position to transmit what has been transmitted to them. Beyond authenticity, the criterion for fit is the same one any serious tradition asks: does the practice as transmitted

produce the transformation the cartography names? The *muḥāsaba* discipline answers that question over time.

Third, where the lineage is out of reach, the articulation lives. Harmonism articulates the territory the Sufi cartography mapped, in a sovereign register, while keeping the tradition's vocabulary available as the deeper home. This is not a substitute for the lineage. It is a way to encounter the cartography at the level of articulation — to understand what is being mapped, what the stations are, what the methods produce, what the horizon names — when the institutional vessel is out of reach. The [Wheel of Harmony](#) is not a replacement for the *ṭarīqa*. It is one register at which the same architecture becomes intelligible. A practitioner who finds Harmonism first, recognizes their own tradition's depth through it, and is moved from there toward a *ṭarīqa* they would otherwise not have sought is using Harmonism for what it can do. A practitioner who has access to a *ṭarīqa* and reads Harmonism alongside it is finding cross-cartographic confirmation of what their lineage transmits. Both uses honor what the articulation is.

Fourth — and this is the largest matter — do not accept that the empty institutional Islam of state-bureaucratic conformity, Salafi literalism, modernist apologetics, or surveilled and instrumentalized “moderate Islam” is what Islam is. It is what specific historical forces have produced from Islam in the last three centuries through five distinct vectors. Al-Ghazālī did not believe what the contemporary Saudi-funded preacher believes. Ibn 'Arabī did not believe it. Rūmī did not believe it. al-Shādhilī did not believe it. al-Sirhindī did not believe it. Niasse did not believe it. Naqshband did not believe it. Bahā' al-Dīn al-Bukhārī did not believe it. The depth was here before the rupture; the depth is here now where the lineages survive across multiple regions; the depth is yours by inheritance and cannot be revoked by any institutional voice claiming the authority to do so. The recovery begins with the recognition that the contemporary mainstream framings — Salafi, state-bureaucratic, modernist, securitized — are not the tradition speaking. They are specific historical configurations speaking, claiming to be the tradition. The actual tradition is older, deeper, geographically more widely preserved than any of these framings admit, and continuous with its surviving lineages.

XI. Convergence

[The Hollowing of the West](#) and the present diagnosis are siblings. They are not the same condition. Western severance was passive, slow, and produced a civilization that lost its center while retaining structural openness; recovery requires reorientation toward what was forgotten. Muslim severance, across its multiple vectors, was active, recent, and produced a civilization whose forms still claim the inheritance while in many institutional settings excluding its depth; recovery requires distinction between the inheritance and what has captured the inheritance, and reattachment to the surviving lineages or to the articulation that preserves what they preserved.

What both hollowings share is the architecture of recovery. The [Way of Harmony](#) is universal. The [Wheel of Harmony](#) names what an individual life is structured for, the [Architecture of Harmony](#) names what a civilization is structured for, and the contemplative cartographies — the Sufi among them — name how the human being is interiorly mapped. These are converging articulations of one reality. The recovery, in any civilization, is reorientation toward [Logos](#), alignment with

[Dharma](#) at all scales, and the patient work of finding or rebuilding the lineages and articulations through which the work is transmissible.

For the Muslim practitioner this means: the Qur'anic [fiṭra](#) — the constitutional uprightness toward Tawḥīd — is your ground. The Sufi cartography is your map. The surviving *ṭuruq* across multiple regions are your living transmission. Where these are inaccessible, the articulation is here. The work is the same work the *muṭma'inna* soul has always done, in every civilization that has preserved knowledge of how to do it. The hollowing is not irreversible. The lineages that produced al-Ghazālī, Ibn 'Arabī, Rūmī, al-Sirhindī, and Niasse are the same lineages still producing transmissions today in Madagh, in Tarim, in the Tijjānī *zawāyā* across West Africa, in the Chishti *dargāhs* of South Asia, in the NU *pesantren* of Java, in the post-Atatürk recovered *ṭariqas* of Turkey, in the underground and rebuilt networks of the post-Soviet regions, in the Bā 'Alawī branches across the world, in the diasporic *zawāyā* in every Western capital with a substantial Muslim population. What is required is the willingness to recognize them, find them, and enter the work the cartography names — the slow, patient, civilizationally and individually demanding work of moving the *nafs* from *ammāra* through *lawwāma* toward *muṭma'inna*, and beyond.

The hollowing is the diagnosis. The recovery is the work. The cartography is yours.

See also: [The Sufī Cartography of the Soul](#), [The Five Cartographies of the Soul](#), [Tawhid and the Architecture of the One](#), [Fitrah and the Wheel of Harmony](#), [Religion and Harmonism](#), [The Hollowing of the West](#), [The Western Fracture](#), [The Spiritual Crisis](#), [Architecture of Harmony](#), [The Way of Harmony](#), [Iran and Harmonism](#), [Turkey and Harmonism](#), [Indonesia and Harmonism](#).

[Recommended reading](#) →

Распад Китая

Цивилизация может рухнуть в результате вторжения, экологического истощения или медленной эрозии своих институтов. Китай не рухнет ни по одному из этих признаков. Институты остаются нетронутыми и в некоторых отношениях не имеют себе равных в мире. Экономика, после четырех десятилетий исторически беспрецедентного роста, зашла в тупик, но пока не сломалась. Военный аппарат модернизируется. Инфраструктура является самой обширной из всех, когда-либо построенных цивилизациями. То, что происходит с Китаем, — это нечто иное: опустошение, происходящее под поверхностью институциональной преемственности и проявляющееся в виде демографического свободного падения, отказа поколений и накопленного духовного истощения населения, от которого уже три поколения требуют жить без метафизической основы.

Современный момент вынуждает поставить диагноз. Общий коэффициент рождаемости упал до 1,0 — цифры, которая ставит Китай ниже Японии, ниже Италии, ниже всех европейских стран, и которую двадцать лет назад ни один демограф не считал правдоподобной для населения в 1,4 миллиарда человек. Уровень безработицы среди молодежи превысил 20% в 2023 году, после чего Национальное бюро статистики приостановило публикацию этих данных. Уровень брачности резко упал. Движение «лежать на месте» (*tang ping*), за которым последовало движение «пусть гниет» (*bai lan*), обозначает отказ поколения от всей модели развития, которую партия строила на протяжении четырех десятилетий. Стоимость недвижимости упала. Долг местных органов власти достиг уровней, которые центральное правительство не может признать. Столь прославленная «китайская мечта» породила поколение, которое, похоже, не хочет ее.

Эта статья обобщает этот диагноз. Аргумент: траектория развития Китая после 1949 года — через маоистское разрушение, открытие эпохи реформ и техно-авторитарную консолидацию эпохи Си — представляет собой самую агрессивную современную попытку заменить институциональным надзором и искусственно созданным социальным порядком тот неотъемлемый цивилизационный порядок, который китайская картография кодировала на протяжении трех тысячелетий. Такая замена структурно невозможна. «Logos» невозможно воспроизвести с помощью надзора. «Мандат Неба» невозможно заменить показателями эффективности партии. «De», спонтанно возникающее из жизни, согласованной с «Тао», не может быть создано алгоритмами социального кредита. Коллапс, который сейчас переживает Китай — демографический, поколенческий и духовный — является предсказуемым следствием этой замены. Восстановление, если оно произойдет, пройдет через возрождение самого глубокого картографического наследия Китая, а не через трансплантацию западной либерально-демократической модели и не через продолжающийся проект замены, проводимый Партией.

Это не западная критика Китая. Это применение к Китаю той же диагностической модели, которую «[Опустошение Запада](#)» применяет к Западу, с признанием того, что обе цивилиза-

ции сталкиваются с одной и той же глубинной патологией — отрывом от метафизической основы — через разные институциональные векторы. Запад опустошился в результате либерально-управленческого дрейфа; Китай опустошается в результате искусственной замены. Структурный диагноз одинаков. То же самое и со структурным восстановлением: каждая цивилизация восстанавливается, если она восстанавливается, через восстановление своей собственной глубочайшей традиции.

I. Цивилизационный субстрат

Чтобы понять, что теряется, необходимо точно определить этот субстрат. Китайская цивилизация — одна из двух цивилизаций на планете, чье созерцательно-метафизическое наследие оставалось непрерывно сформулированным на протяжении трех тысячелетий (другой является индийский цивилизационный субстрат, с которым китайская традиция вела обширный диалог, начиная с I века). Эта формулировка прошла через Три учения (*Сань Цзяо*) — конфуцианство, даосизм и буддизм — рассматриваемых не как конкурирующие системы верований, а как взаимодополняющие регистры единой цивилизационной архитектуры. Классическая формулировка: конфуцианство для социального порядка, даосизм для космического порядка, буддизм для сотериологического порядка — и *Ру чжи го*, и *Дао чжи шэнь*, и *Фо чжи синь* (управляй страной с помощью конфуцианства, управляй телом с помощью даосизма, управляй умом с помощью буддизма). Эти три учения не были теологически объединены, но функционально интегрированы: образованный китаец на протяжении двух тысяч лет перемещался между ними в зависимости от ситуации, обращаясь к конфуцианским текстам для политической и семейной этики, к даосской практике для здоровья и созерцания, к буддийской сотериологии для вопросов сознания и страдания.

«[Пять карт души](#)» признает эту интегрированную традицию одной из пяти основных мировых картографий человеческого внутреннего мира. Даосская архитектура глубин (*Jing — Qi — Shen*, три *дантяня*, Проникающий сосуд как аналог индийского центрального канала) представляет собой одну из наиболее точно сформулированных карт энергетической системы человека, когда-либо созданных какой-либо цивилизацией. Даосская тонизирующая фитотерапия — это самая изощренная фармакологическая традиция на земле — пятитысячелетняя эмпирическая традиция использования веществ, подготавливающих сосуд к длительной духовной практике. Конфуцианское изложение *ли* (ритуальная пристойность как воплощенная этика), *жэнь* (человечность, ощущаемое признание другого как также человека) и *дэ* (моральная сила жизни, согласованной с *Тао*) составляет одну из самых утонченных социально-этических традиций, когда-либо созданных какой-либо цивилизацией. Впитывание буддизма из Индии — особенно через чань (дзен) и Чистую Землю — породило созерцательную литературу, техническая точность которой превосходит все, что было в западной традиции до появления исихастских христианских и кармелитских материалов. «

[Logos](#) в китайской традиции именуется *Дао (Тао)* — Путь, то, что не поддается названию, источник, из которого возникают все сущее и к которому оно возвращается. Родственное понятие *Тянь* (Небо) обозначает космический порядок, рассматриваемый в его закономерном, управляющем аспекте. Эти два понятия отражают родство с термином «Logos» на кос-

мическом уровне в рамках дихотомической системы (космический порядок, отличающийся от присоединения человека к этому порядку). Родственное слово «Dharma» — согласованность человека с этим порядком — выражается через «De» (нравственную силу, которая спонтанно возникает из такой согласованности), через «Li» (ритуальную пристойность, воплощающую согласованность в повседневной жизни), через «Ren» (человечность, проистекающую из уравновешенного «я») и через политико-теологическую доктрину «Мандата Неба» (*Tianming*) — принцип, согласно которому легитимная политическая власть проистекает из согласованности с космическим порядком, что Небеса даруют Мандат тем, чья добродетель соответствует космическому стандарту, и что Небеса отзывают Мандат, когда добродетель исчезает. Каскад из двух регистров — «Тянь» (Tian) и «Дао» (Dao) как космический порядок, «Тяньмин» (De) и «Мандат Неба» как регистр человеческого согласования — является выражением китайской цивилизацией той же архитектуры, которую термины «Logos» и «Dharma» обозначают в лексике гармонизма.

Это не было теологической абстракцией, которой придерживались священнослужители и которую игнорировало население. Это была основа, в рамках которой функционировали политическая легитимность Китая, семейная структура, экономическая этика, медицинская практика, традиции созерцательности и эстетические формы. Крестьянин в Шаньдуне в 1850 году не имел теории *Тяньминь*, но жил в цивилизации, которая ею обладала, и те претензии на легитимность, которые он признавал — императоры, магистраты, отцы, учителя — черпали свою власть из метафизической архитектуры, которую даже неграмотные крестьяне понимали как структуру того, как устроены вещи. Сказать, что эта основа была «реальной», значит сказать нечто конкретное: она организовывала восприятие, поведение, ожидания и смысл для сотен миллионов людей на протяжении тридцати веков, создав одну из самых долговечных и внутренне целостных цивилизаций, которые когда-либо существовали на планете.

Эта основа не была утопией. Имперская система несла в себе реальные патологии: бюрократическая экзаменационная система отбирала людей по владению текстами, а не по моральным качествам, что приводило к предсказуемой коррупции; практика бинтования ног на протяжении веков причиняла страдания сотням миллионов женщин; неспособность поздней династии Цин освоить современные технологии привела к катастрофической уязвимости в «Столетии унижений»; конфуцианский принцип сыновней почтительности в поздних династиях превратился в авторитарный патриархат. Ничто из этого не вызывает споров. В данной статье утверждается нечто более конкретное: субстрат представлял собой цивилизационное достижение подлинной глубины, а его разрушение стало цивилизационной катастрофой, последствия которой продолжают проявляться до сих пор.

II. Маоистский разрыв

Субстрат не подвергся эрозии в процессе модернизации так, как созерцательное наследие Запада подверглось эрозии под воздействием номинализма, Реформации, научной революции и индустриального капитализма. Субстрат подвергся нападению. В период с 1949 по 1976 год — и наиболее агрессивно в период с 1966 по 1976 год, десятилетие Культурной ре-

волюции — Китайская Народная Республика провела, пожалуй, самое сосредоточенное наступление, которое когда-либо проводила какая-либо цивилизация на собственное метафизическое наследие.

Механизмы были прямыми. Культурная революция прямо назвала «Четыре старых» (*Si Jiu*) — старые идеи, старую культуру, старые обычаи, старые привычки — целями революционного уничтожения. Храмы были снесены или переоборудованы под склады и зернохранилища. Буддийские статуи были разбиты; библиотеки классических текстов сожжены; конфуцианские святилища осквернены; даосские монастыри разобраны. Монахи и монахини были вынуждены снять монашеские одеяния, вступить в брак, отречься от своих линий преемственности или умереть. Семейные алтари были уничтожены. Таблички с именами предков были сожжены. Учителя (*shifu*), которые несли устные традиции медитации, цигун, классической медицины, каллиграфии и созерцательных искусств, были избиты, заключены в тюрьмы, отправлены в трудовые лагеря, убиты или вынуждены замолчать, что защищало традицию, поскольку они перестали ее передавать. Факультеты *Вэньши Чжэ* (литература, история, философия) в университетах — которые были институциональными носителями текстовой традиции — были распущены. Классический китайский язык, письменность, посредством которой передавались тридцать веков философского и созерцательного материала, был систематически умален в пользу упрощенных иероглифов и «мысли Мао Цзэдуна».

Масштаб был цивилизационным. Оценки числа убитых или доведенных до смерти во время Культурной революции варьируются от 500 000 до нескольких миллионов; в более широкий маоистский период, включая голод «Большого скачка» (1958–1962), погибло от 30 до 45 миллионов человек; точные цифры оспариваются, но порядок величины — нет. Разрушение вышло за пределы людей. Генеалогические архивы, которые веками непрерывно велись китайскими кланами, были сожжены. Местные исторические *географические справочники*, в которых были зафиксированы вековые традиции общин, были уничтожены. Ритуальный календарь, который с династии Хань определял ритм сельскохозяйственной и духовной жизни, был отменен. Схемы акупунктурных меридианов и фармакопея лекарственных трав были частично сохранены в учебниках по традиционной китайской медицине, находящейся под контролем государства, но более глубокие передачи — наставления рода, созерцательная основа, в рамках которой функционировала медицинская практика, — были нарушены. Затих звук монашеских песнопений, наполнявший утренний воздух в китайских городах со IV века.

То, что было утрачено, невозможно восстановить путем воспроизведения. В созерцательных традициях линия передачи — это не совокупность текстов, которые можно переиздать. Это живая передача видения — мастер, который прошел этот путь и может распознать, находится ли ученик на этом пути. Когда живые учителя линии преемственности убиты, а выжившие практикующие вынуждены молчать на протяжении поколения, тексты остаются, но видение — нет. Некоторые линии преемственности выжили на Тайване, в Гонконге, Сингапуре и буддийской диаспоре — фрагменты Чистой Земли, Чань, даосской тонизирующей фитотерапии, конфуцианской учености, сохраненные отдельными людьми и небольшими общинами вне досягаемости материка. На материке прерванная передача оставила поколение, выросшее в храмах, превращенных в зернохранилища, с дедушками и бабушка-

ми, которых избивали за молитвы, и без живых учителей в тех дисциплинах, которые их прадеды и прабабушки считали само собой разумеющимися.

Маоистский разрыв не был естественным износом в процессе модернизации. Это было преднамеренное картографическое разрушение — сознательная попытка соскрести цивилизационный субстрат дочиста и заменить его новым субстратом (марксизм-ленинизм-мысль Мао Цзэдуна), который Партия сама создала бы и управляла бы им. Новый субстрат должен был заполнить метафизическую дыру, образовавшуюся в результате разрушения. К 1976 году стало ясно, что этого не произошло.

III. Вакуум эпохи реформ

Когда в 1978 году Дэн Сяопин укрепил власть и направил страну по пути экономических реформ, метафизическая дыра осталась в наследство. Официальная идеология партии была полностью дискредитирована явной катастрофой Культурной революции. Цивилизационный субстрат был систематически разрушен. Осталось население, чьи прежние смыслы жизни были разрушены, а новые смыслы жизни сама партия еще не сформулировала. Ответ Дэн Сяопина заключался в том, чтобы фактически отложить метафизический вопрос. *Стать богатым — это славно (zhi fu guang rong)* — лозунг, приписываемый Дэн Сяопину, — превратился в принцип действия, согласно которому смысл будет конструироваться на уровне материального накопления, а более глубокие вопросы космического порядка, добродетели и конечной цели будут оставлены для следующего поколения.

Экономическое чудо, которое последовало за этим, было реальным и беспрецедентным. В период с 1978 по 2012 год ВВП Китая рос в среднем примерно на 9,5% в год — устойчивый рост, не имеющий аналогов в истории человечества. Сотни миллионов людей перешли от натурального сельского хозяйства к городской экономике. Бум инфраструктуры преобразил физический ландшафт: высокоскоростные железные дороги, мегаполисы, крупнейшая портовая система на планете, производственный аппарат, ставший мастерской мира. Доход на душу населения вырос с уровней, сопоставимых с странами Африки к югу от Сахары, до уровней, приближающихся к странам Средиземноморья. По любым традиционным показателям развития четыре десятилетия эпохи реформ стали цивилизационным успехом.

То, что эти показатели не отражали, — это метафизическая пустота, пролегающая под ними. Эпоха реформ была успешной в материальном плане именно потому, что вопрос о том, зачем нужно накапливать, был отложен в долгий ящик. Люди работали по шестнадцать часов в день, потому что альтернативой была сельская бедность, от которой сбежали их родители, потому что новые городские потребительские товары действительно меняли жизнь, и потому что партия фактически запретила обсуждать любые другие организационные вопросы. Религия допускалась в рамках контролируемых государством каналов (пять признанных религий: буддизм, даосизм, ислам, католицизм, протестантизм — каждая со своим одобренным партией руководством). Философские факультеты были перестроены вокруг марксистской ортодоксии с ограниченным ввозом западных идей. Классическая традиция была частично реабилитирована как культурное наследие, но лишена своей

функции живого ориентира. Три учения стали музейными экспонатами, туристическими достопримечательностями, предметами изучения для синологов — но не той основой, на которой строилась жизнь.

Этот вакуум создавал ощутимое давление. В 1980-е годы наблюдалась «культурная лихорадка» (*wenhua re*) — взрыв интеллектуальных дебатов среди студентов университетов о китайской идентичности, культурном наследии и том, чем следует заполнить постмаоистскую пустоту. Демонстрации на площади Тяньаньмэнь в 1989 году возникли отчасти из этого контекста — поколение, выросшее после самых страшных лет Культурной революции, познавшее внешний мир благодаря открытию эпохи реформ, и которое требовало более глубокого политико-культурного урегулирования, чем было готово предложить Партия. Ответ Партии — резня 4 июня — решил политический вопрос силой и сбросил культурный вопрос до уровня *не спрашивай*. Сделка, предложенная поколению после Тяньаньмэня, была ясной: политическое безмолвие в обмен на материальное процветание, при этом метафизический вопрос откладывался на неопределенный срок.

Часть населения приняла эту сделку. Часть — нет. Фалуныгун (*Фалунь Дафа*) — практика цигун-медитации, синтезированная Ли Хунчи в 1992 году на основе китайских буддийских и даосских материалов — взорвала страну в 1990-х годах, привлекая десятки миллионов практикующих (по оценкам, к 1999 году их число составляло от 70 до 100 миллионов), которые реагировали именно на ту метафизическую пустоту, которую институционализировала эпоха реформ. Сочетание в этом движении практики цигун, этического учения и космологического видения заполнило пространство, которое, по решению партии, должно было оставаться пустым. Когда в апреле 1999 года десять тысяч практикующих молча собрались у ворот Чжуннаньхая, чтобы подать петицию о юридическом признании, партия осознала угрозу, которую представляло это движение: не потому, что Фалуныгун был политически подрывным в каком-либо традиционном смысле, а потому, что он предлагал населению метафизическую ориентацию, которую партия не создавала и не могла контролировать. Запрет был введен в июле 1999 года. Последующие преследования — массовые аресты, перевоспитание трудом, обвинения в извлечении органов, всестороннее подавление движения и преследование практикующих за рубежом — были жестокими, продолжительными и показательными. Защищалась не государственная безопасность в обычном смысле. Защищалась монополия партии на метафизическую сферу.

В тот же период христианство развивалось в подполье — особенно незарегистрированное протестантское движение домашних церквей, которое, по некоторым оценкам, к началу 2010-х годов насчитывало 60–100 миллионов приверженцев. Тибетский буддизм, для тех ханьцев, которые имели доступ к учениям, набирал популярность. Буддизм в его ханьском варианте возродился вокруг крупных монастырей, которым было разрешено возобновить работу. Даосские храмы восстановили свою материальную инфраструктуру. Народная религия в сельской местности — храмовые праздники, ритуалы почитания предков, культ местных божеств — частично восстановилась. Метафизическая пустота заполнялась, но это происходило вне рамок партии, и партия это заметила.

IV. Проект замещения

Когда Си Цзиньпин укрепил власть в 2012 году, сделка эпохи реформ начала давать трещины. Модель экономического роста достигала своих пределов. Неравенство достигло уровней, сопоставимых с Латинской Америкой. Долг местных органов власти накапливался с угрожающей скоростью. Коррупция внутри партии стала повсеместной, а накопление иностранных активов высокопоставленными чиновниками превратилось в общественный скандал, который даже подвергающиеся цензуре СМИ не могли полностью замаять. Но самое важное для данной диагностики: метафизический вопрос, отложенный эпохой реформ, больше нельзя было откладывать. Население находило ответы за пределами партийной системы — через Фалуьнгун до его подавления, через христианство, через частичное возрождение «Трех учений», через зарождающееся гражданское общество и интеллектуальные сети в Интернете, через культурный обмен, который открыл Интернет. Авторитет партии в метафизической сфере подвергался эрозии.

Ответом Си стал самый агрессивный проект замещения, который когда-либо предпринимал какое-либо современное государство. Эта архитектура состоит из нескольких взаимосоусиливающих компонентов.

Реабилитация конфуцианства на службе легитимности партии. Начиная примерно с 2014 года, партия всерьез приступила к реабилитации конфуцианства как источника легитимности — Си цитирует «*Лунь Юй*» в своих важных речах, за рубежом продвигаются Институты Конфуция, в системе образования внутри страны расширяются учебные программы по *гуосяоэ* (национальным исследованиям). Реабилитация носит избирательный характер: усиливается конфуцианский акцент на иерархии, сыновней почтительности по отношению к власти, социальной гармонии и исправлении имен; замалчивается конфуцианская доктрина о том, что легитимная власть проистекает из космического согласия и утрачивается при утрате добродетели — «мандат Неба» в его критико-исправительном регистре. Конфуцианство, которое реабилитирует партия, представляет собой авторитарный регистр без исправительного регистра, социально-этический аппарат, лишенный космическо-этической основы, придававшей силу первоначальной традиции.

Массовая слежка как социальная технология. Интеграция искусственного интеллекта с функцией распознавания лиц с сетью видеонаблюдения страны (число камер которой к середине 2020-х годов оценивается в более чем 600 миллионов — примерно одна камера на двух человек), всеобъемлющая интеграция WeChat в качестве единой социально-экономическо-политической структуры (где одно и то же приложение обрабатывает обмен сообщениями, платежи, проверку личности, государственные услуги, транспорт и неформальные политические сигналы), массовый сбор биометрических данных, почти полное исключение «Великим файрволом» некитайских платформ и постепенная интеграция цифрового юаня в качестве программируемого денежного инструмента — все это вместе составляет самый всеобъемлющий аппарат массовой слежки, который когда-либо создавалось в каком-либо обществе. Технические возможности реальны, хотя западные отчеты часто преувеличивают их бесперебойность и надежность; архитектура фрагментирована, реализация сильно варьируется по провинциям, а фактическая способность вести наблюдение за 1,4 миллиарда человек в режиме реального времени превосходит возможности современного

ИИ. Реальна траектория развития: система создается, мощности растут, а политическая воля к ее внедрению недвусмысленна.

Социальный кредит как операционный уровень. Система социального кредита, согласно документации партии, объединяет оценку корпоративного соблюдения норм (которая реальна и существенна), оценку индивидуального поведения (которая фрагментарна и резко варьируется в зависимости от города) и сигнализацию об идеологическом соответствии (которая строга в реестре партийной дисциплины и более мягка в реестре общего населения). Изображение западными СМИ социального кредита как единого национального балла, определяющего доступ каждого гражданина к услугам, постоянно преувеличивает фактическую реализацию; реальность же более фрагментирована, более неравномерна и более бюрократически хаотична. Архитектурный замысел, однако, ясен, и именно он важен для данного диагноза: партия строит инфраструктуру, чтобы с помощью внешнего надзора создавать ту конформность, которая ранее возникала из внутренне усвоенного космического порядка. Там, где конфуцианская традиция порождала *ли* — ритуальную пристойность, спонтанно возникающую из сосредоточенного «я», согласованного с *Тянь* — партия конструирует алгоритмический заменитель, который порождает поведение без такого согласования. *«Ли» без «Де». Конформизм без добродетели. Форма морального порядка без сущности.

Агрессивное подавление любой несанкционированной метафизической ориентации. Преследование Фалуныгун, продолжающееся с 1999 года, при Си, если что, только усилилось. Сфера тибетского буддизма подвергается постоянным нападкам: монастыри находятся под наблюдением, численность монахов и монахинь постепенно сокращается, изображения Далай-ламы запрещены, официально провозглашена доктрина о том, что реинкарнация Далай-ламы будет выбираться китайским государством, а уничтожение монашеских учреждений в Ларунг-Гар (крупнейшем буддийском монастырском комплексе в мире) ускорилось. Ситуация с уйгурами в Синьцзяне — всеобъемлющая система центров «профессиональной подготовки» (лагеря перевоспитания), разлучение семей, демографическая инженерия, уничтожение мечетей, слежка за религиозной практикой — представляет собой самое жестокое посягательство крупного государства на мусульманское население со времен советских антирелигиозных кампаний начала XX века. КонTEMPLативно-культурное пространство Гонконга, включая общины Фалуныгун, евангелические и демократические сообщества, которые использовали относительную свободу территории в качестве убежища, было полностью закрыто после принятия Закона о национальной безопасности 2020 года. Схема во всех этих случаях одинакова: любая метафизическая ориентация, которую партия не создала и не может контролировать, становится мишенью.

Культ личности. Сам Си постепенно возвысился до уровня личной власти, которого не достигал ни один китайский лидер со времен Мао. *Учение Си Цзиньпина* теперь закреплено в конституции и является обязательной частью учебной программы на всех уровнях системы образования. Ограничение на два срока президентства было отменено в 2018 году. Празднования столетия партии и различные театральные массовые демонстрации 2020-х годов несут в себе иконографию маоистского культа личности более открыто, чем когда-либо с начала 1970-х годов. Попытка замещения, в конечном счете, носит личный харак-

тер: Си как воплощение Мандата, партия как инструмент его видения, население как субстрат, которым нужно управлять.

Проект замены внутренне согласован. Чего он не может произвести — и это структурный аргумент, который предоставляет концепция «Архитектуры гармонии», — так это то, чем он пытается заменить.

V. Демографический коллапс

Самый глубокий сигнал о провале замены прослеживается в демографических данных. По некоторым оценкам, общий коэффициент рождаемости в Китае упал примерно до 1,0 в 2024 году (официальные цифры выше, но демографы все реже им верят). Коэффициент воспроизводства населения составляет 2,1. Япония, которую часто приводят в качестве демографического предостерегающего примера, находится на уровне примерно 1,2. В Южной Корее этот показатель упал ниже 0,7 — это самый низкий устойчивый уровень рождаемости среди всех крупных обществ в истории. Китай с его 1,4-миллиардным населением сейчас находится в шаге от южнокорейских показателей, и демографическая динамика гарантирует, что даже если рождаемость восстановится немедленно, дисбаланс поколений, вызванный политикой «один ребенок» (1979–2015), приведет к десятилетиям сокращения населения.

Население достигло пика в 2022 году, составив примерно 1,412 миллиарда человек. Официальные прогнозы предполагают снижение численности населения примерно до 600 миллионов к 2100 году, хотя более пессимистичные прогнозы (соответствующие недавним данным о рождаемости) указывают на то, что эта цифра может быть достигнута раньше. Кризис старения населения является серьезным: к 2050 году примерно треть населения будет старше 65 лет, при этом численность населения трудоспособного возраста будет радикально меньше, чем того требует бремя иждивенцев. Пенсионная система не является актуарно платежеспособной ни при одном из вероятных сценариев. Численность рабочей силы начала сокращаться.

Реакция партии была последовательной, но безуспешной. Политика «один ребенок» была смягчена до двух детей в 2015 году, затем до трех в 2021 году, сопровождаемая все более отчаянными призывами и стимулами на протяжении этого периода. Рождаемость продолжала падать. В официальной риторике все чаще вину возлагают на *эгоизм молодежи, западный индивидуализм, влияние феминизма, цены на недвижимость и давление со стороны системы образования* — диагнозы, которые называют непосредственные факторы, но упускают структурную глубину.

Западная объяснительная рамка — экономическое давление, альтернативные издержки, образование женщин — объясняет некоторые моменты времени и масштабы, но не направление. Как утверждает [«Опустошение Запада»](#) в отношении западного демографического коллапса, снижение рождаемости следует не за экономическими возможностями, а за метафизической ориентацией. Дети — это не просто экономическое решение. Они — акт веры в целостность будущего. Когда эта вера исчезает — когда доминирующая культурно-поли-

тическая среда внушает, что осмысленная жизнь состоит из накопления, за которым следует выход на пенсию, что властям нужно подчиняться, но не верить им, что самые глубокие вопросы были административно решены Партией, что традиции предков носят скорее декоративный, чем живой характер — воспроизводство теряет ту экзистенциальную почву, из которой возникает желание.

Рождаемость в Китае начала стремительно падать в 1970-х годах в рамках «политики одного ребенка», но эта политика закончилась десять лет назад, а уровень рождаемости продолжает падать — до уровня, которого сама политика никогда не достигала. Структурная причина заключается не в самой политике. Это метафизическая пустота, в которой действовала эта политика. Цивилизация, которой на протяжении трех поколений внушали, что смысл следует строить на уровне материального накопления, что глубокие вопросы уже решены на административном уровне, и что роль населения заключается в участии в проекте Партии в качестве управляемых субъектов, не порождает экзистенциального убеждения, из которого возникает желание принести новую жизнь в мир. Тело следует за душой. Цивилизация, лишенная своей метафизической основы, не создает собственное будущее.

VI. Отказ поколения

Демографические данные измеряют совокупную картину. Дискурс поколения называется прожитый опыт. Примерно в 2021 году в китайских социальных сетях начал циркулировать мем — молодой человек по имени Ло Хуачжун опубликовал свою фотографию, лежа на кровати, с подписью «лежать на спине — это справедливость». Пост стал вирусным. В течение нескольких недель термин *tang ping* (лежать на спине) стал обозначением отказа поколения: отказа участвовать в культуре труда «996» (с 9 утра до 9 вечера, шесть дней в неделю), которую нормализовала ИТ-индустрия; отказа от конкуренции на городском брачном рынке, который стал жестоким из-за дисбаланса соотношения полов после отмены политики «один ребенок»; отказа брать на себя ипотечный долг, требуемый пузырем на рынке недвижимости; отказа участвовать в социальной игре, условия которой партия установила без консультаций.

Партия отреагировала с характерной тупостью. Официальные СМИ осудили «лежание на месте» как пораженчество, индивидуализм и западную зараженность. Дискурс был в значительной степени подвергнут цензуре. В течение нескольких месяцев появился новый мем: *bai lan* (пусть гниет) — еще более нигилистичный и еще менее совместимый с концепцией развития, продвигаемой Партией. К 2023 году уровень безработицы среди китайской молодежи (по официальным данным) достиг 21,3%, после чего Национальное бюро статистики приостановило публикацию этих данных. Когда публикация возобновилась, методология была изменена с целью исключения студентов, и появились более низкие цифры, которым никто не верил.

Более глубокий диагноз: поколение, выросшее в условиях потребительской экономической модели, чьи родители пошли на огромные жертвы, чтобы обеспечить им возможности для получения образования, которые вышли на рынок труда, ожидая того же социального

подъема, который испытали их родители, и которые вместо этого столкнулись с застоем в экономике, рынком недвижимости, на котором они не могли себе позволить участвовать, рынком брачных отношений, сильно искаженным соотношением полов, и политико-культурной средой, которая не могла ответить на вопрос *зачем все это* — это поколение поспотрело на предложенную Партией сделку и отказалось.

Этот отказ не является политическим в традиционном смысле. Поколение «лежащих» не организуется для проведения демократических реформ. Оно не присоединяется к подпольным религиозным движениям в таких масштабах, как в 1990-е годы. Оно не мигрирует массово (хотя небольшие потоки *гунхие* — тех, кто покидает Китай любыми доступными законными средствами — ускорились в начале 2020-х годов). То, что оно делает, — это единственный шаг, доступный населению, которое подвергается всестороннему управлению: оно отказывается от согласия на экзистенциальном уровне. Оно отказывается от воспроизводства. Оно отказывается вступать в брак. Оно отказывается от конкуренции. Оно отказывается участвовать.

Это поколенческое выражение того, что в совокупности измеряют демографические данные. Партия может предписывать поведение. Она не может предписывать желания. Спустя три поколения после маоистского разрушения метафизического субстрата, спустя четыре десятилетия после отсрочки метафизического вопроса в эпоху реформ, спустя десятилетие после начала проекта замещения в эпоху Си, население достигло структурного момента, когда провал этого замещения становится очевидным на уровне индивидуальных жизней. Люди не хотят жить в мире, построенном Партией. Они пока не восстают против него. Они просто перестают его подпитывать.

VII. Подавленное наследие

Наиболее показательным фактом о современной государственной политике Китая в отношении метафизического наследия является то, что она терпит, в отличие от того, что она подавляет. Эта закономерность постоянна и раскрывает логику, лежащую в основе проекта замещения.

Терпимое: буддизм под государственным контролем (Китайская буддийская ассоциация с руководством, одобренным Партией, и аббатами, прошедшими проверку Партией), даосизм под государственным контролем (Китайская даосская ассоциация, имеющая аналогичную структуру), католицизм под государственным контролем (Китайская патриотическая католическая ассоциация с епископами, назначаемыми Партией), протестантизм под государственным контролем (Патриотическое движение «Три самости»), ислам под государственным контролем (Исламская ассоциация Китая). Объединяет их не теологическое содержание, а структурные отношения с Партией. Каждая из них действует в рамках параметров, определенных Партией, каждое руководство проходит проверку Партией, каждая представляет метафизический регистр, сведенный к управляемому подмножеству социальной деятельности, а не метафизический регистр, действующий как субстрат жизни.

Подавляемые: Фалуньгун (запрещен с 1999 года, подвергается непрерывным и интенсивным преследованиям); тибетский буддизм в любой форме, не одобренной Партией (запрещено признание Далай-ламы, его изображение незаконно, его реинкарнация предопределена указом Партии); уйгурский ислам (система лагерей перевоспитания в Синьцзяне, уничтожение мечетей, запрет на пост во время Рамадана и другие религиозные обряды, принудительное разлучение детей с религиозными семьями); подпольное протестантское движение домашних церквей (рейды, аресты, заключение пасторов); подпольные католические общины, верные Риму (соглашение между Ватиканом и Китаем 2018 года пыталось урегулировать конфликт, но не разрешило его); Фалунь Дафа, общины цигун, христианская миссионерская деятельность, традиционные китайские обряды почитания предков, осуществляемые вне партийных рамок — каждая из этих практик подвергается подавлению в той мере, в какой она способна организовывать смысловую систему вне досягаемости партии.

Эта модель носит скорее структурный, чем идеологический характер. Партия не подавляет метафизическую ориентацию как таковую — она реабилитировала конфуцианство, допускает религию, управляемую государством, широко использует риторику о китайском культурном наследии. Партия подавляет несанкционированную метафизическую ориентацию — любую структуру, в рамках которой гражданин Китая мог бы организовывать смысл, принимать этические решения, выдвигать претензии на политическую легитимность или вести общественную жизнь независимо от партийной власти. Таким образом, это подавление не является религиозным преследованием в европейско-историческом понимании (когда одна религия подавляет конкурирующие религии по теологическим мотивам), а представляет собой нечто более радикальное: систематическое закрытие всех возможностей, в рамках которых мог бы возникнуть конкурирующий источник легитимности.

Случаи с Тибетом и уйгурами являются наиболее серьезными и показательными. Тибет был аннексирован в 1951 году в соответствии с договором, который Китайская Народная Республика в настоящее время интерпретирует как узаконивший полный суверенитет. Восстание 1959 года было подавлено силой, Далай-лама изгнан, тибетское правительство распущено. В постаоистский период наблюдалось частичное ослабление, за которым последовало устойчивое ужесточение: ограничение монашеского населения, вовлечение линии Кармапы в споры о преемственности, спровоцированные партией, упреждение вопроса о реинкарнации Далай-ламы провозглашением того, что следующий Далай-лама будет выбран китайским государством. Аргументация заключается именно в логике структурной замены: религиозная традиция, выбирающая собственное руководство методами, укорененными в собственной созерцательной космологии, не может быть терпима, поскольку ее легитимность проистекает из-за пределов партийной структуры. Преемственность должна быть взята под административный контроль.

Случай с уйгурами является на сегодняшний день самым крайним примером применения логики замены. Система лагерей перевоспитания, действующая примерно с 2017 года, поместила, по оценкам, от одного до двух миллионов уйгуров в учреждения, явная цель которых — уничтожить религиозно-культурное наследие и заменить его лояльностью к партии. Этот механизм включает принудительный отказ от поста и молитвы, обязательное политическое воспитание, разлучение семей, демографическую инженерию посредством принудительной стерилизации и размещения ханьцев в уйгурских семьях, уничтожение мечетей

и кладбищ, а также всестороннее наблюдение за теми, кто вернулся в общество. Эта система была подробно задокументирована благодаря утечке внутренних партийных документов («Досье полиции Синьцзяна» 2022 года, «Китайские телеграммы» 2019 года), спутниковым снимкам, показывающим строительство лагерей, и свидетельствам выживших. Отрицания партии — что лагеря являются добровольными центрами профессионального обучения — не вызывают доверия у тех, кто изучил документальные свидетельства.

То, что пытаются сделать в Синьцзяне, не является религиозным преследованием в каком-либо традиционном смысле. Это экспериментальное уничтожение целого цивилизационного субстрата за одно поколение с явной целью создать уйгурских подданных, чья метафизическая ориентация будет полностью заменена лояльностью к партии. С точки зрения административных целей эксперимент частично увенчался успехом: поколение уйгурских детей воспитывается в школах с преобладанием ханьцев, где преподается на мандаринском языке, а ислам систематически исключается. Сохранится ли эта замена или приведет ли она в случае уйгуров к тому же поколенческому отказу, который большинство ханьцев сейчас выражает в движении *тантин*, — на этот вопрос ответят следующие два десятилетия.

Подавленное наследие в целом обозначает ту основу, которую партия не может терпеть, поскольку не может ее создать. Космология цигун Фалуныгун, линии преемственности тулку в тибетском буддизме, солидарность *уммы* в уйгурском исламе, библейский авторитет подпольной протестантской церкви, незарегистрированное католическое общение с Римом — каждое из них представляет собой регистр метафизической ориентации, источник которой лежит за пределами партийной структуры и который, следовательно, должен быть либо захвачен (как это было с государственной религией), либо уничтожен. Подавленное наследие является, в этом смысле, точным диагностическим инструментом для определения того, что на самом деле требует проект замещения: всеобъемлющее закрытие каждого метафизического регистра, автором которого не является партия.

VIII. Почему слежение не может заменить «Logos»

Структурный аргумент, который предоставляет концепция [«Архитектура Гармонии»](#) и на котором основана данная статья: институциональное слежение не может создать тот социальный порядок, который создает внутреннее цивилизационное согласование, поскольку эти два явления действуют на категорически разных онтологических уровнях.

Классическая конфуцианская формулировка: *ли* (ритуальная пристойность) проистекает из *жэнь* (человечности), которая проистекает из «я», сосредоточенного в *дэ* (нравственной силе), которая проистекает из согласованности с *Тянь* (Небесами, космическим порядком) посредством самосовершенствования в практиках, заложенных в традиции. Эта цепочка представляет собой процесс внутреннего осознания: самосовершенствующийся человек не нуждается во внешнем принуждении, чтобы вести себя в соответствии с социальным порядком, поскольку социальный порядок является воплощением того порядка, который он пришел к осознанию как составляющую реальности. Термин, используемый в традиции для обозначения этого, — *самокоррекция* (*zixing*) — человек, чье видение согласовалось с

«Тao», корректирует свое поведение без внешнего вмешательства, поскольку несоответствие ощущается как трение с тем, что есть.

Проект замещения пытается произвести поведение — ритуальную корректность, социальное соответствие, почтение к авторитету, участие в проекте развития — без каскада. Наблюдение заменяет самосовершенствование. Алгоритмическая оценка заменяет «де». Легитимность партии заменяет «Мандат Неба». Внутренне навязанное соответствие заменяет спонтанную добродетель, которая возникает из усвоенного космического порядка.

Онтологическая проблема здесь носит структурный характер: поведение, порождаемое каскадом, неотделимо от самого каскада, который его порождает. *Ли* без *Рэнь* — это не ритуал, а театр. «Рэнь» (Ren) без «Цзинь» (De) — это не человечность, а представление. «Цзинь» (De) без согласованности с «Цзинь» (Tao) — это не добродетель, а расчет. Замена может создавать видимость в течение некоторого времени — наблюдаемое население действительно соответствует наблюдаемым требованиям — но созданная видимость лишена внутренней согласованности, которая придает исходному каскаду его цивилизационную силу. Общество, в котором каждый выполняет предписанные действия под наблюдением, не является обществом, согласованным с космическим порядком. Это общество актеров, играющих роли, внутренний смысл которых опустошен.

Реальные последствия — это то, что сейчас измеряют демографические и поколенческие данные. Население, приведенное к конформизму с помощью наблюдения, не рождает детей с той же жизненной силой, что и население, воспитанное в духе добродетели. Работник, работающий по графику «996» в условиях контролируемых показателей производительности, не развивает такого же отношения к труду, какое конфуцианский джентльмен развивал через *чжунъюн* (доктрину середины), культивируемую на протяжении десятилетий. Молодой человек, управляющий системой социального кредита для поддержания доступа, не развивает такого же отношения к этике, как человек, который с детства усвоил *ли* через ритуальную практику. Снаружи поведение выглядит одинаково; внутренняя сущность совершенно иная. Последнее поддерживает цивилизацию на протяжении веков. Первое порождает поколение, которое в тридцать лет лежит на дне.

Проект партии по замене старого новым также сталкивается с логикой *Мандата Неба* на политико-теологическом уровне. Классическая китайская теория легитимности не является процедурной — она метафизическая. Император был легитимен не из-за династической преемственности или народного согласия, а потому, что Небеса даровали ему Мандат, и этот Мандат мог быть отозван. Признаки отзыва были конкретны: наводнения, голод, эпидемии, социальные волнения, демографический спад, отчуждение населения от власти. Когда эти признаки накапливались, считалось, что Мандат перешел, а восстание или смена династии воспринимались как механизм Небес для передачи Мандата новому носителю.

Партия официально отменила доктрину *Мандата Неба* — или, вернее, она присвоила эту терминологию, лишив ее метафизического содержания. То, что осталось от *Тяньминя* в современном партийном дискурсе, — это риторические украшения о китайском культурном наследии, используемые выборочно, когда это служит претензиям на власть. Сипретензиям на власть. Что структурно отсутствует, так это корректирующий регистр: признание того,

что легитимность присваивается и может быть отозвана, что наводнения, голод и демографический коллапс — это знаки, на которые следует обращать внимание, что отзыв согласия со стороны населения сам по себе является метафизическим сообщением. Партия сохраняет риторику согласованности с космическим порядком, одновременно отрицая способность этого порядка отозвать свое одобрение.

Структурная проблема заключается в том, что доктрина «Мандат Неба» в своей первоначальной форме не является полезным риторическим приемом, который партия может выборочно использовать. Это метафизическое утверждение о природе политической легитимности, и метафизическое утверждение либо верно, либо нет. Если оно верно — если космический порядок действительно придает и отзывает легитимность на основе добродетели — то накапливающиеся признаки провала проекта замещения (демографический коллапс, безработица среди молодежи, отказ от «лежачей политики», кризис старения, долг местных органов власти) составляют классическую картину отзыва Мандата, а растущая зависимость партии от слежки и силы — классическую картину режима, утратившего легитимность и правящего исключительно с помощью принуждения. Если же метафизическое утверждение не верно — если «Мандат Неба» был лишь идеологией легитимации, которую могли объяснить Маркс и Фрейд, — то реабилитация конфуцианства на службе легитимности партии является категорией ошибкой, поскольку использует традицию, лежащая в ее основе метафизика которой уже была отвергнута.

В любом случае замена не удастся. «Logos» — присущий космосу упорядочивающий разум, который в китайской традиции называется «Тао» и «Тянь», — это не то, что можно заменить институтом. Это то, с чем институт должен согласовываться, иначе он обречен на провал.

IX. Вопрос восстановления

Если замена не удастся, возникает вопрос: что может восстановить цивилизацию? В принципе, существует три пути, и только один из них является структурно жизнеспособным.

Трансплантация западной либерально-демократической модели. Это тот путь, который западный внешнеполитический дискурс навязывал Китаю на протяжении сорока лет и который в 1980-х годах поддерживали отдельные слои китайской либеральной общественности. Его логика заключается в следующем: заменить авторитарную партию конституционной демократией, рыночным капитализмом, ассоциациями гражданского общества и защитой прав человека, и метафизическая пустота заполнится сама собой благодаря институциональному плюрализму, порождаемому подлинным либерализмом. Этот путь структурно нежизнеспособен по двум причинам. Во-первых, институциональная архитектура, которую рекомендует Запад, сама находится в состоянии глубокого цивилизационного опустошения, как показывает книга «[Опустошение Запада](#)» — Запад не может предложить Китаю рабочую модель, потому что западная модель больше не работает для самого Запада. Во-вторых, метафизическая основа западного либерализма чужда китайской цивилизационной основе; локковский индивид, институциональная архитектура в духе Мэдисона

на, модель частной совести эпохи после Реформации и постпросветительская концепция индивидуума, наделенного правами — все это проявления западных метафизических убеждений, которые китайская традиция не только не разделяет, но и специально рассмотрела и отвергла в ходе диалога с христианством в XVII веке. Пересадка западного либерализма в Китай — это не возрождение китайской цивилизации, а замена одного чужеродного заместителя (марксизма-ленинизма-учения Мао Цзэдуна) другим (локковским либерализмом). Предыдущая замена провалилась; нет никаких оснований полагать, что следующая будет успешной.

Продолжающийся проект замены, проводимый Партией. Это путь, которому привержено нынешнее правительство и который упрочил третий срок Си. Его логика: углубить слежку, усилить идеологическое воспитание, реабилитировать конфуцианство в управляемой форме, подавить несанкционированные метафизические ориентации и со временем сформировать население, чья лояльность к партии будет служить заменой утраченной ориентации на космический порядок. Этот путь структурно нежизнеспособен по причинам, изложенным в разделе VIII: замещение пытается сформировать поведение, соответствующее культурной ориентации, без самой культурной подготовки, а сформированное поведение лишено внутренней целостности, которая придавала первоначальному каскаду его цивилизационную силу. Демографические данные и отказ поколений являются живым доказательством того, что замещение терпит неудачу в реальном времени. Продолжение проекта не улучшит результат; оно усугубит провал.

Восстановление китайской цивилизации через ее собственные глубочайшие традиции. Это единственный структурно жизнеспособный путь, и самый трудный. Его логика: возрождение Трех Учений как живого субстрата, а не как культурного наследия, управляемого Партией; восстановление линий созерцательной традиции, устная передача которых была прервана во время Культурной революции; возвращение конфуцианского этического аппарата к его первоначальному метафизическому основанию (где *Мандат Неба* действует как легитимация и корректирующий регистр, где *ли* происходит из *ren*, а *ren* — из *de*, согласованного с *Tao*, где сыновняя почтительность действует в рамках космологии, придающей ей трансцендентное значение, а не как управляемый патриархат); интеграция даосской созерцательной практики и тонизирующего фитотерапевтического лечения обратно в повседневную жизнь; реинтеграция буддийской сотериологии в космологию страдания населения; и, в конечном итоге, политико-институциональная архитектура, возникающая из цивилизационного субстрата, восстановленного до своей собственной глубины.

Это восстановление не может осуществляться под руководством Партии — интерес Партии заключается в собственном увековечении, а не в глубине цивилизации, и любое подлинное восстановление доктрины *Мандата Неба* составило бы непосредственную угрозу претензиям Партии на легитимность. Поэтому подлинное восстановление происходит там, где оно происходит, вне рамок Партии — в диаспорах Тайваня, Сингапура, Гонконга до закрытия, Соединенных Штатов, Канады, Австралии; в подпольных религиозных общинах, переживших репрессии; в очагах созерцательной практики, вновь возникших в период после Культурной революции; в академико-культурном возрождении, восстановившем научный потенциал в области классического китайского языка, буддистики, даосизма и конфуциан-

ской философии; в общинах Фалуньгун, цигун и традиционной китайской медицины, действующих либо в изгнании, либо в промежутках, которые Партия не закрыла.

Что для этого потребуется в институциональном плане, так это конечная реорганизация политико-культурного уклада, с тем чтобы глубинный субстрат цивилизации мог формировать политическую легитимность, а не подчиняться партийному авторитету. Какую форму это может принять, пока не видно. Это не будет похоже на западную либеральную демократию, потому что метафизические обязательства другие. Это не будет похоже на имперскую конфуцианско-бюрократическую систему, потому что цивилизационные условия другие. Она не будет похожа на нынешнюю партийно-государственную систему, поскольку проект замещения партийно-государственной системы исключает именно то, что необходимо для восстановления. Она может выглядеть как нечто, что китайская цивилизация еще не сформулировала — институциональная архитектура, возникающая, когда цивилизация восстанавливает свою собственную метафизическую основу после столетия разрыва.

Сообщества диаспоры ведут подготовительную работу, фрагментарно и вопреки противодействию со стороны материка. Сохранившиеся традиции созерцательности — линии передачи буддизма и даосизма, сохранившиеся на Тайване и в китайских общинах за рубежом, конфуцианская наука, продолжающаяся в академических кругах США и Европы, тибетские буддийские общины в изгнании, уйгурские культурно-религиозные общины, разбросанные по Центральной Азии и Западу, — являются живой нитью, с помощью которой субстрат соединяется через период отрыва материка с тем восстановлением, которое станет возможным. Это не романтизм. Это структурный факт: цивилизации, утратившие свою субстрату, восстанавливаются — когда они восстанавливаются — благодаря сохранению субстраты в диаспорах и подпольных сообществах, а также благодаря последующей реинтеграции этих сохранившихся нитей в метрополитную культуру, когда позволяют политические условия.

Х. Сближение с Западом

Самое поразительное в распаде Китая, если смотреть на него с надлежащей высоты, — это его структурное сближение с опустошением Запада. Две цивилизации, действующие по противоположным институциональным векторам — Запад через либерально-управленческий дрейф, Китай через инженерную авторитарную замену — приходят к поразительно схожим конечным состояниям. Демографический коллапс ниже уровня воспроизводства. Отчаяние поколений (смерти от отчаяния на Западе; «лежание на месте» в Китае). Коллапс институционального доверия (различный по форме, но схожий по масштабу). Отказ от воспроизводства. Опустошение образовательных институтов, функцией которых было цивилизационное самопознание. Накопление эмпирических сигналов цивилизации, утратившей ориентацию на собственное будущее.

Диагностический вывод значителен: лежащая в основе патология — это не тип режима. Это отрыв от метафизической основы. Запад отрывался через номинализм, Реформацию, Научную революцию, секуляризацию Просвещения и постмодернистский распад оснований. Китай отрывался через маоистское разрушение и последующий проект замещения.

Институциональные векторы различаются. Конечный результат схож, поскольку лежащий в основе механизм один и тот же: цивилизация, утратившая живую связь с *Logos* — с присущим ей организующим интеллектом, к которому сходятся все созерцательные традиции, — порождает предсказуемые патологии, независимо от того, как произошло это отрывание.

Восстановление в обеих цивилизациях проходит через один и тот же общий структурный ход, но опирается на разные конкретные ресурсы. Запад восстанавливается, если он вообще восстанавливается, через возрождение собственной созерцательной традиции — христианских линий исихастов и кармелитов, глубинных слоев греческой философской традиции, а также традиции интегрального реализма, считающей реальность по своей сути постижимой. Китай восстанавливается, если он восстанавливается, через возрождение Трёх Учений на их собственных условиях, через восстановление созерцательных линий, чья устная передача была прервана, через конечную реинтеграцию субстрата, сохранившегося в диаспоре, в культуру метрополии.

Позиция гармонистов не заключается в том, что эти два восстановления должны сходить в единой архитектуре. Они не должны и не могут этого сделать. Контемплативный субстрат китайской цивилизации действительно отличается от западного контемплативного субстрата, и институциональные архитектуры, возникающие в результате восстановления глубин каждой цивилизации, будут отличаться в своих деталях. Общим для них будет структурная особенность: каждая цивилизация восстанавливается через свою собственную глубочайшую традицию, а не через импорт уклада другой цивилизации. Именно это «[Архитектура Гармонии](#)» называет принципом цивилизационного суверенитета — каждая цивилизация соотносит себя с «*Logos*» через картографические ресурсы, разработанные ее собственной традицией, а не через картографию, разработанную другой цивилизацией. Пять основных картографий «[Пять карт души](#)» сходны в том, что они называют, и различаются в том, как они это называют. Восстановленный Китай не будет похож на восстановленный Запад. Оба будут узнаваемы как цивилизации, действующие в подлинном соответствии с тем, что открыли их глубочайшие традиции.

Нынешний момент — это период перед возрождением. В Китае проект замещения усиливается; демографический коллапс ускоряется; отказ поколений углубляется; подавленное наследие выживает фрагментарно. На Западе опустошение продолжается; институты деградируют; население отстраняется; созерцательная традиция выживает фрагментарно. Что возникнет из этих условий, пока не видно. Видно лишь то, что проект замещения (в Китае) и либерально-управленческий дрейф (на Западе) являются терминальными, что цивилизации не могут продолжать двигаться по своим нынешним траекториям, не приводя к все более серьезным состояниям провала, и что возрождение, где бы оно ни началось, начнется с возрождения собственной глубочайшей традиции каждой цивилизации.

Эта статья представляет собой диагноз одной из двух цивилизаций. Другой диагноз находится по адресу [Опустошение Запада](#). Конструктивное направление изложено по адресу [Архитектура Гармонии](#) для цивилизационного уровня, по адресу [Колесо Гармонии](#) для индивидуального уровня и по адресу [Пять карт души](#) для межцивилизационного субстрата. Восстановление возможно. Оно еще не началось ни в одной из цивилизаций в том масштабе, которого требует ситуация. И замещению, и опустошению предстоит пройти еще долгий

путь, прежде чем условия для восстановления станут настолько невыносимыми, что вынудят к более глубокому повороту.

См. также

- [Опустошение Запада](#) — диагноз «параллельной цивилизации» (коллапс западных институтов)
- [Западный разлом](#) — основной диагноз «Потока-3» (одна ошибка, семь кризисов)
- [Духовный кризис](#) — метафизический диагноз, лежащий в основе обеих цивилизационных патологий
- [Архитектура Гармонии](#) — конструктивная цивилизационная модель (одиннадцать институциональных столпов + центр «Dharma»)
- [Пять карт души](#) — китайская картография в междивизиационном контексте
- [Logos](#) — «Tao» и «Tian» как китайские эквиваленты интеллекта, упорядочивающего космос
- [Dharma](#) — «De» и «Mandate of Heaven» как китайские эквиваленты согласования человека с космическим порядком
- [Дух горы](#) — даосская архитектура глубины, которую интегрирует гармонизм
- [Алхимическая последовательность — Цзин-Ци-Шэнь как практика](#) — практическая статья, дополняющая каноническую статью о «Трех сокровищах»
- [Япония и гармонизм](#) — цивилизационное прочтение в разделе «Цивилизации»; рассмотрение восточноазиатских цивилизаций-побратимов
- [Рекомендуем к прочтению →](#)

Это живая книга.

harmonism.io